

Edward
Napp

Чистый
Nonsense

Перевод с английского
Бориса Архипцева

Эдвард Лир

Чистый nonsense (сборник)

«Геликон Плюс»
1912, 1992, 2001

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Лир Э.

Чистый nonsense (сборник) / Э. Лир — «Геликон Плюс»,
1912, 1992, 2001

ISBN 978-5-00098-052-1

Настоящее издание – явление удивительное, даже уникальное, во многих аспектах. Полное собрание сочинений. Автор – Эдвард Лир (1812–1888), знаменитый английский поэт и художник XIX века. Основоположник поэзии нонсенса. Отец литературного лимерика. Переводчик – Борис Архипцев, совершивший своего рода творческий подвиг, отдав работе над книгой без малого четверть века. Значительная часть текстов переведена на русский впервые. Всё, переведённое заново, выводит отечественные интерпретации Э. Лира на новый, прежде недостижимый уровень. Переводы Архипцева (ему же принадлежат и все прочие русские материалы в книге – предисловие, комментарии и т. д.) отличается редкостный сплав точности, верности автору, его замыслу и воле, с поразительной свободой изложения, лёгкостью и изяществом слога. Книга двуязычна: переводы сопровождаются авторскими текстами на языке оригинала и собственными иллюстрациями Эдварда Лира.

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-052-1

© Лир Э., 1912, 1992, 2001
© Геликон Плюс, 1912, 1992, 2001

Содержание

От переводчика	7
Something Like a Preface to The Book of Nonsense	9
Нечто вроде предисловия к «Книге нонсенса»	11
Lear's Introduction to an Expanded Edition of The Book of Nonsense	13
Авторское предисловие к расширенному изданию «Книги нонсенса»	15
A Book of Nonsense, 1846	19
Nonsense Songs, Stories, Botany, and Alphabets, 1871	113
The Owl and the Pussy-Cat	115
Совёнок и Кошечка-Киска	117
The Duck and The Kangaroo	119
Утка и Кенгуру	122
The Daddy Long-legs and the Fly	125
Комар-долгоног и Муха-жик	128
The Jumblies	131
Джамбли	134
The Nutcrackers and the Sugar-Tongs	137
Щипцы для орехов и щипцы для конфет	139
Calico Pie	141
Ситцевый Пай	144
Mr. and Mrs. Spikky Sparrow	146
Мистер и миссис Спикки Спэрроу (Воробей)	149
The Broom, the Shovel, the Poker and the Tongs	152
Лопата, щипцы, кочерга и метла	154
The Table and the Chair	156
Стол и Стул	159
Nonsense Stories	161
The Story of the Four Little Children Who Went Round the World	161
Конец ознакомительного фрагмента.	171

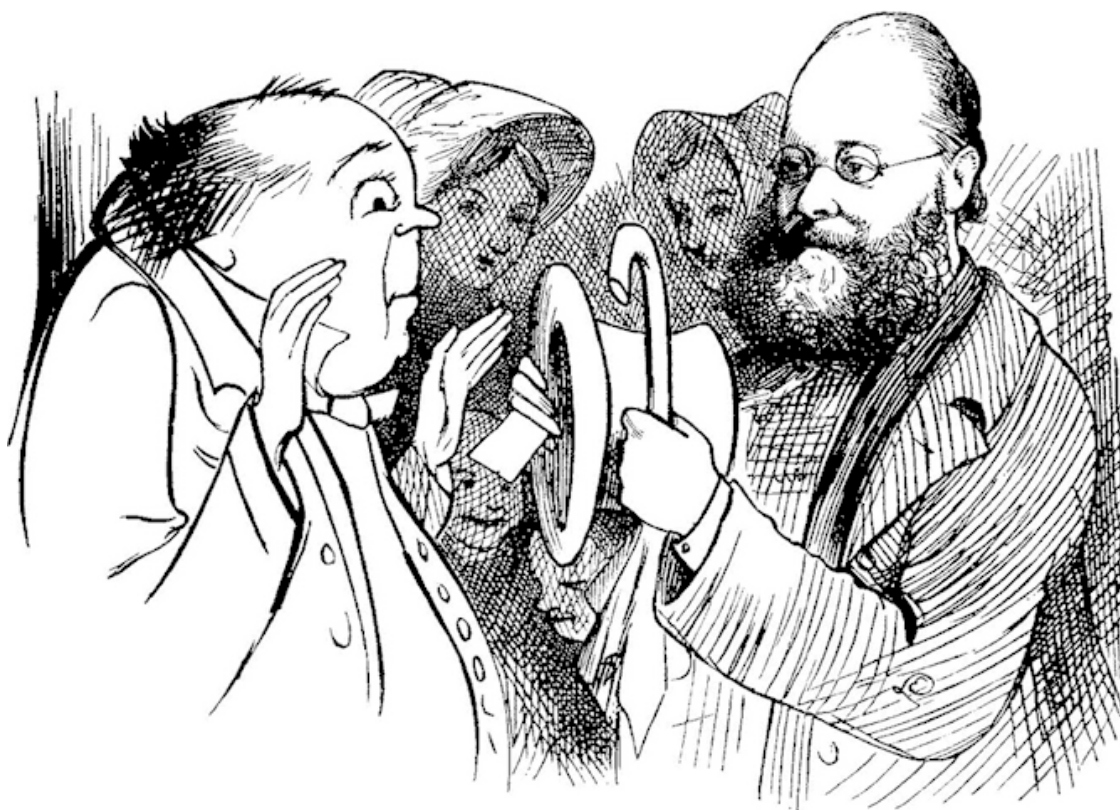
Эдвард Лир Чистый nonsense

Перевод сделан по изданиям: *The Complete Nonsense Book by Edward Lear*, N. Y.: Dodd, Mead & Company, 1912; *The Nonsense Verse of Edward Lear*, London: Mandarin Paperbacks, 1992; *Edward Lear: The Complete Verse and Other Nonsense*, London: Penguin Books, 2001.

© Архипцев Б. В., перевод, предисловие, послесловие, комментарии, составление, 2016

© «Геликон Плюс», макет, 2016

* * *

Lear showing a doubting stranger his name on his hat to prove that Edward Lear was a man and not merely a name.

Drawn by Himself.

Лир, показывающий недоверчивому незнакомцу своё имя на шляпе в доказательство того, что он реальный человек, а не просто имя.

Авторский рисунок.

От переводчика

Предвидя, что некоторых взыскательных читателей могут смутить, озадачить, покоробить, а возможно, и обескуражить словесные диковинки вроде *аккурайдо* или *гневицца*, раз-

брошенные там и сям по страницам книги, хотел бы начистоту объясниться с ними. Проще всего, разумеется, заподозрить и обвинить переводчика в недостаточно твердом владении родным языком или в излишне вольном обращении с ним. Однако отнюдь не исключены и иные варианты-объяснения, не правда ли? Например, все это может быть сделано вполне осознанно, причем по нескольким причинам сразу.

По порядку. Это могло быть устроено, подстроено, содеяно, во-первых, просто для улыбки. Во-вторых, ради особо точной, звонкой, прямо-таки звенящей рифмы, весьма желательной в лимерике. Третье. Сам автор, Эдвард Лир, вряд ли возражал бы против такого, ибо сам был большим шутником, озорником, любителем веселой языковой игры: придуманные им забавные словечки вроде *scroobious*, *ombliferous* или *borascible* вот уже почти два столетия не дают покоя лингвистам, знатокам и рядовым носителям английского языка – никто так доселе и не прознал, что же они, черт побери, в действительности означают! Нередко он (Лир) упрощал затейливую английскую орфографию (это когда, помните, пишут *Манчестер*, а читают *Ливерпуль*), добиваясь не только звукового, но и графического подобия рифмуемых слов, например, записывал *охру* (*ochre*) как *oker* для большего совпадения с *покер* (*кочерга*), а *оcean* как *otion* – мотив неясен, сознательно нарушал родную грамматику, употреблял просторечия (*O law* вместо *O Lord*, *It ain't* вместо *It isn't*, *a-telling* вместо *telling*) и т. д. А уж каламбуристом был таким, что еще поискать: друга своего Фортескью (*Fortescue*) именовал в письмах не иначе как *40scue*, немцев делил на *Ger-man*, *Ger-woman* and *Ger-children*, а нарциссы (*daffodillies*) однажды взял да и назвал *daffy-down-dillies* – типа *нары-вниз-сы*!

Ну и наконец, четвертое и основное. Никто не возбраняет и ничто не мешает любому «несогласному» читателю корректировать текст сообразно своим вкусам и представлениям, заменяя при чтении раздражающие слова более привычными, традиционными, напрашивающимися: небольшое творческое усилие – и вычурное *аккурайдо* превратится в нормальное (хотя и чуть скучноватое, быть может) наречие *аккуратно*, *жизнирадисто* – в *жизне-радостно*, *хоулда* – в *холода* и т. д. Такие же слова, как *злоключиться* или *ненасынный*, являющиеся формально неологизмами, на мой взгляд, просто обязаны наличествовать в языке – коль скоро имеются *злоключение*, *приключиться*, *ненасытный*, и в то же время совсем недавно еще не было ни *влюбленности*, ни *промышленности*, ни даже *летчика* (зато был *летун*). При этом еще затевается забавная интерактивная игра, а читатели становятся своего рода соавторами переводчика! Как там говаривал Юлий Цезарь... Заинтриговал? Увлёк? Убедил?

Б. В. Архипцев

Something Like a Preface to The Book of Nonsense (From the private letters of Edward Lear)

MY DEAR F. I want to send you, before leaving England, a note or two as to the various publications I have uttered, bad and good, and of all sorts, also their dates, that so you might be able to screw them into a beautiful memoir of me in case I leave my bones at Palmyra or elsewhere. Leastwise, if a man does anything all through life with a deal of bother, and likewise of some benefit to others, the details of such bother and benefit may as well be known accurately as the contrary.

Born in 1812 (12th May), I began to draw, for bread and cheese, about 1827, but only did uncommon queer shop-sketches selling them for prices varying from ninepence to four shillings: colouring prints, screens, fans; awhile making morbid disease drawings, for hospitals and certain doctors of physic.

In 1831, through Mrs. Wentworth, I became employed at the Zoological Society, and, in 1832, published *The Family of the Psittacidse*, the first complete volume of coloured drawings of birds on so large a scale published in England, as far as I know unless Audubon's were previously engraved. J. Gould's *Indian Pheasants* were commenced at the same time, and after a little while he employed me to draw many of his birds of Europe, while I assisted Mrs. Gould in all her drawings of foregrounds, as may be seen in a moment by any one who will glance at my drawings in G.'s European birds and the Toucans.

From 1832 to 1836, when my health failed a good deal, I drew much at the Earl of Derby's; and a series of my drawings was published by Dr. Gray of the British Museum a book now rare. I also lithographed many various detached subjects, and a large series of Testudinata for Mr. (now Professor) Bell; and I made drawings for Bell's *British Mammalia*, and for two or more volumes of the *Naturalist's Library* for the editor, Sir W. Jardine, those volumes being the Parrots, and, I think, the Monkeys, and some Cats.

In 1835 or 36, being in Ireland and the Lakes, I leaned more and more to landscape, and when in 1837 it was found that my health was more affected by the climate month by month, I went abroad, wintering in Rome till 1841, when I came to England and published a volume of lithographs called *Rome and its Environs*. Returning to Rome, I visited Sicily and much of the South of Italy, and continued to make chalk drawings, though in 1840 I had painted my two first oil-paintings. I also gave lessons in drawing at Rome and was able to make a very comfortable living.

In 1845 I came again to England, and in 1846 gave Queen Victoria some lessons, through Her Majesty's having seen a work I published in that year on the Abruzzi, and another on the Roman States.

In 1847 I went through all Southern Calabria, and again went round Sicily, and in 1848 left Rome entirely.

I travelled then to Malta, Greece, Constantinople, and the Ionian Islands; and to Mount Sinai and Greece a second time in 1849, returning to England in that year.

All 1850 I gave up to improving myself in figure drawing, and I continued to paint oil-paintings till 1853, having published in the meantime, in 1849 and 1852, two volumes entitled *Journals of a Landscape Painter*, in Albania and Calabria.

The first edition of the *Book of Nonsense* was published in 1846, lithographed by tracing-paper.

In 1854 I went to Egypt and Switzerland, and in 1855 to Corfu, where I remained the winters of 1856-57-58, visiting Athos, and, later, Jerusalem and Syria. In the autumn of 1858 I returned to England, and 59 and 60 winters were passed in Rome.

1861, I remained all the winter in England, and painted the Cedars of Lebanon and Masada, going, after my sister's death in March, 1861, to Italy. The two following winters 62 and 63 were passed at Corfu, and in the end of the latter year I published *Views in the Ionian Islands*.

In 1862 a second edition of the *Book of Nonsense*, much enlarged, was published, and is now in its sixteenth thousand.

O bother!

Yours affectionately
EDWARD LEAR.

Нечто вроде предисловия к «Книге нонсенса» (Из частного письма Эдварда Лира)

Мой дорогой Ф., хочу послать вам, прежде чем покинуть Англию, пару заметок, касающихся различных публикаций, осуществлённых мною, плохих, хороших и всяких прочих, а также дат этих публикаций, дабы вы могли украсить ими мою биографию, сложи я косточки в Пальмире или где бы то ни было ещё. Во всяком случае, если человек на протяжении всей жизни трудится над чем-то с большим усердием, а также с некоторой пользой для других, то детали такого усердия, равно как и подобной пользы, могут заслуживать определённого внимания, как, впрочем, и наоборот.

Родившись в 1812 году (12 мая), рисовать я начал, хлеба и сыра насущного ради, около 1827 года, но малевал только какие-то странные картинки для лавок, сбывая их по цене от девяти пенсов до четырех шиллингов; раскрашивал эстампы, ширмы, веера, временами делая зарисовки патологических больных для больниц и практикующих врачей.

В 1831 году, попечением миссис Вентворт, я получил работу в Зоологическом обществе и в 1832-м опубликовал «Семейство попугаевых», первый, насколько мне известно, полный альбом цветных рисунков птиц такого масштаба, изданный в Англии, если только Одюбон не был гравирован ранее. Тогда же Дж. Гоулд начал издавать «Индийских фазанов», а некоторое время спустя он заказал мне множество рисунков для своих «Птиц Европы»; одновременно я помогал миссис Гоулд рисовать все передние планы, в чём всякий легко убедится, едва взглянув на мои рисунки в гоулдовских изданиях «Птиц Европы» и «Туканов».

С 1832 по 1836 год, когда моё здоровье сильно пошатнулось, я много рисовал в поместье у графа Дерби, и серия моих рисунков была опубликована доктором Греем из Британского музея, книга эта сейчас раритет. Я также выполнил много литографий отдельных объектов и большую серию «Черепашек» для мистера (ныне профессора) Белла, делал рисунки для его «Млекопитающих Британии» и для двух или более томов «Библиотеки натуралиста» издателя сэра У. Джардина, это были тома «Попугаев», кажется, «Обезьян» и частично «Кошек».

В 1835 или 36 году, обретаясь в Ирландии и на Озёрах, я почувствовал сильную тягу к пейзажу, и когда в 1837 году выяснилось, что здоровье моё с каждым месяцем подвергается всё большему влиянию климата, я уехал за границу и проводил зимы в Риме вплоть до 1841 года, когда я приехал в Англию, опубликовав альбом литографий под названием «Рим и его окрестности». По возвращении в Рим я посетил Сицилию и объездил большую часть Юга Италии, продолжая делать рисунки мелом, а в 1840 году написал две первые картины маслом. В Риме я также давал уроки рисования, что позволяло мне вести безбедное существование.

В 1845 году я вернулся в Англию и в 1846-м дал несколько уроков королеве Виктории; Её Величество видела мои зарисовки, сделанные в Абруцци и других итальянских королевствах и опубликованные ранее в том же году.

В 1847 году я обошёл всю Южную Калабрию и вновь исколесил Сицилию, а в 1848-м покинул Рим окончательно.

Затем я ездил на Мальту, в Грецию, Константинополь и на Ионические острова, а в 1849 году – на гору Синай и повторно в Грецию, в том же году вернувшись в Англию.

Весь 1850 год я посвятил совершенствованию в технике рисования человеческих фигур и продолжал писать маслом вплоть до 1853 года, издав тем временем, в 1849 и 1852 годах, два альбома, озаглавленные «Журнал ландшафтного художника (Албания и Калабрия)».

Первое издание «Книги Нонсенса», с литографиями с кальки, увидело свет в 1846 году.

В 1854 году я отправился в Египет и Швейцарию, а в 1855-м – на Корфу, где и провёл зимы 1856, 57 и 58 годов, посетив Афон, а затем Иерусалим и Сирию. Осенью 1858 года я вернулся в Англию, проведя зимы 59 и 60-го в Риме.

Всю зиму 1861 года я оставался в Англии и писал кедры Ливана и Масады, уехав, после смерти моей сестры в марте 1861 года, в Италию. Две следующие зимы, 62 и 63 годов, были проведены на Корфу, и в конце последнего года опубликованы «Виды Ионических островов».

В 1862 году вышло второе издание «Книги Нонсенса», значительно расширенное, и тираж близок к шестнадцати тысячам.

О зануда!

*Ваш любящий
Эдвард Лир.*

Lear's Introduction to an Expanded Edition of The Book of Nonsense

In offering this little book – the third of its kind – to the public, I am glad to take the opportunity of recording the pleasure I have received at the appreciation its predecessors have met with, as attested by their wide circulation, and by the universally kind notices of them from the Press. To have been the means of administering innocent mirth to thousands, may surely be a just motive for satisfaction, and an excuse for grateful expression.

At the same time, I am desirous of adding a few words as to the history of the two previously published volumes, and more particularly of the first or original *Book of Nonsense*, relating to which many absurd reports have crept into circulation, such as that it was the composition of the late Lord Brougham, the late Earl of Derby, etc.; that the rhymes and pictures are by different persons; or that the whole have a symbolical meaning, etc.; whereas, every one of the Rhymes was composed by myself, and every one of the Illustrations drawn by my own hand at the time the verses were made. Moreover, in no portion of these Nonsense drawings have I ever allowed any caricature of private or public persons to appear, and throughout, more care than might be supposed has been given to make the subjects incapable of misinterpretation: *Nonsense*, pure and absolute, having been my aim throughout.

As for the persistently absurd report of the late Earl of Derby being the author of the *First Book of Nonsense*, I may relate an incident which occurred to me four summers ago, the first that gave me any insight into the origin of the rumor.

I was on my way from London to Guildford, in a railway carriage, containing, besides myself, one passenger, an elderly gentleman: presently, however, two ladies entered, accompanied by two little boys. These, who had just had a copy of the *Book of Nonsense* given them, were loud in their delight, and by degrees infected the whole party with their mirth.

“How grateful,” said the old gentleman to the two ladies, “all children, and parents too, ought to be to the statesman who has given his time to composing that charming book!”

(The ladies looked puzzled, as indeed was I, the author.)

“Do you not know who is the writer of it?” asked the gentleman.

“The name is *Edward Lear*,” said one of the ladies.

“Ah!” said the first speaker, “so it is printed; but that is only a whim of the real author, the Earl of Derby. *Edward* is his Christian name, and, as you may see, *LEAR* is only *EARL* transposed.”

“But,” said the lady, doubtingly, “here is a dedication to the great-grandchildren, grand-nephews, and grand-nieces of Edward, thirteenth Earl of Derby, by the author, Edward Lear.”

“That,” replied the other, “is simply a piece of mystification; I am in a position to know that the whole book was composed and illustrated by Lord Derby himself. In fact, there is no such a person at all as Edward Lear.”

“Yet,” said the other lady, “some friends of mine tell me they know Mr. Lear.”

“Quite a mistake! completely a mistake!” said the old gentleman, becoming rather angry at the contradiction; “I am well aware of what I am saying: I can inform you, no such a person as *Edward Lear* exists!”

Hitherto I had kept silence; but as my hat was, as well as my handkerchief and stick, largely marked inside with my name, and as I happened to have in my pocket several letters addressed to me, the temptation was too great to resist; so, flashing all these articles at once on my would-be extinguisher's attention, I speedily reduced him to silence.

Long years ago, in days when much of my time was passed in a country house, where children and mirth abounded, the lines beginning, “There was an old man of Tobago,” were suggested to me by a valued friend, as a form of verse lending itself to limitless variety for rhymes and pictures; and

thenceforth the greater part of the original drawings and verses for the first *Book of Nonsense* were struck off with a pen, no assistance ever having been given me in any way but that of uproarious delight and welcome at the appearance of every new absurdity.

Most of these Drawings and Rhymes were transferred to lithographic stones in the year 1846, and were then first published by Mr. Thomas McLean, of the Haymarket. But that edition having been soon exhausted, and the call for the *Book of Nonsense* continuing, I added a considerable number of subjects to those previously-published.

EDWARD LEAR.
VILLA EMILY, SAN REMO,
August, 1871.

Авторское предисловие к расширенному изданию «Книги нонсенса»

Предлагая публике эту книжицу, третью в своём роде, я рад возможности засвидетельствовать удовольствие, испытанное мною от высокой оценки двух её предшественниц, получивших широкое распространение, а также удивительно благосклонные отзывы прессы. Быть источником чистой радости для тысяч – это ли не повод для внутренней удовлетворённости и не оправдание для внешнего выражения благодарности.

Вместе с тем я желал бы добавить несколько слов относительно истории двух ранее опубликованных книжек, и в особенности – первой, или оригинальной, «Книги Нонсенса», которая породила немало абсурдных домыслов, вроде того, что она сочинена покойным лордом Брогэмом, покойным же графом Дерби, etc.; что стихи и картинки созданы разными людьми, или что всё это в целом имеет некое символическое значение, etc.; тогда как каждый стишок сочинил я и каждая из иллюстраций нарисована мною собственноручно – причём одновременно с сочинением стихов. Более того, ни в одном из этих бессмысленных рисунков не позволил я себе ни малейшего намёка ни на одно частное или общественное лицо, напротив, всячески старался не допустить превратного их истолкования: Нонсенс, чистый и абсолютный, являлся моей единственной целью.

Что касается упорно-абсурдных сплетен, приписывающих авторство первой «Книги Нонсенса» покойному графу Дерби, то я могу припомнить случай, произошедший со мною четыре года назад, когда я впервые осознал подоплёку всех этих слухов.

Я следовал из Лондона в Гилдфорд по железной дороге, и в вагоне, кроме меня, был один пассажир, пожилой джентльмен; вскоре, однако, вошли две дамы, сопровождаемые двумя маленькими мальчиками. Эти последние, вертевшие в руках только что полученный ими экземпляр «Книги Нонсенса», бурно выражали свой восторг и постепенно заразили весельем и всю компанию.

«Как же благодарны, – сказал пожилой джентльмен, адресуясь к обеим леди, – все дети, и родители тоже, должны быть государственному мужу, который потратил своё время на сочинение сей прелестной книжки!»

(Леди выглядели озадаченными, а я, автор, – и того более).

«Неужели вы не знаете, кто её написал?» – спросил джентльмен.

«Да вот же имя – «Эдвард Лир», – сказала одна леди.

«Ах! – сказал первый собеседник, – так только напечатано, но это всего лишь прихоть подлинного автора, графа Дерби. «Эдвард» – его имя, а LEAR (Лир), как вы видите, это тот же EARL (Граф), только с переставленными буквами».

«Но, – заметила леди несколько неуверенно, – здесь и посвящение имеется – правнукам, внучатым племянникам и племянницам Эдварда, тринадцатого графа Дерби, от автора – Эдварда Лира».

«Всего лишь, – парировал тот, – ловкая мистификация; уж я-то знаю, что вся книга сочинена и проиллюстрирована лордом Дерби самолично. А такого человека, как Эдвард Лир, вообще нет».

«Да, – сказала другая леди, – но некоторые мои друзья утверждают, что знакомы с мистером Лиром».

«Заблуждение! Полное заблуждение! – воскликнул пожилой джентльмен, раздражаясь от того, что ему противоречат. – Я знаю, о чём говорю, заверяю вас, никакого такого «Эдварда Лира» не существует!»

До сего момента я молчал, но поскольку подкладку моей шляпы, а также носовой платок и трость, украшало моё имя, а в кармане по случаю имелось несколько адресованных

мне писем, то искушение было слишком велико, чтобы ему противостоять; и вот, обрушив на моего «отрицателя» целый ворох доказательств собственного существования, я быстро заставил пустослова прикусить язык.

Много лет назад, в те дни, когда жизнь моя протекала в основном под крышей некоего сельского дома, полного детей и веселья, один высокочтимый друг предложил мне стишок, начинающийся строкой «Был один старичок из Тобаго», в качестве стихотворного образца, открывающего безграничный простор для фантазии в изобретении стишков и картинок, и с тех пор большая часть оригинальных рисунков и стихов для первой «Книги Нонсенса» стекла с моего пера, без малейшей посторонней помощи, но при шумных проявлениях восторга и радости от появления каждой новой бессмыслицы.

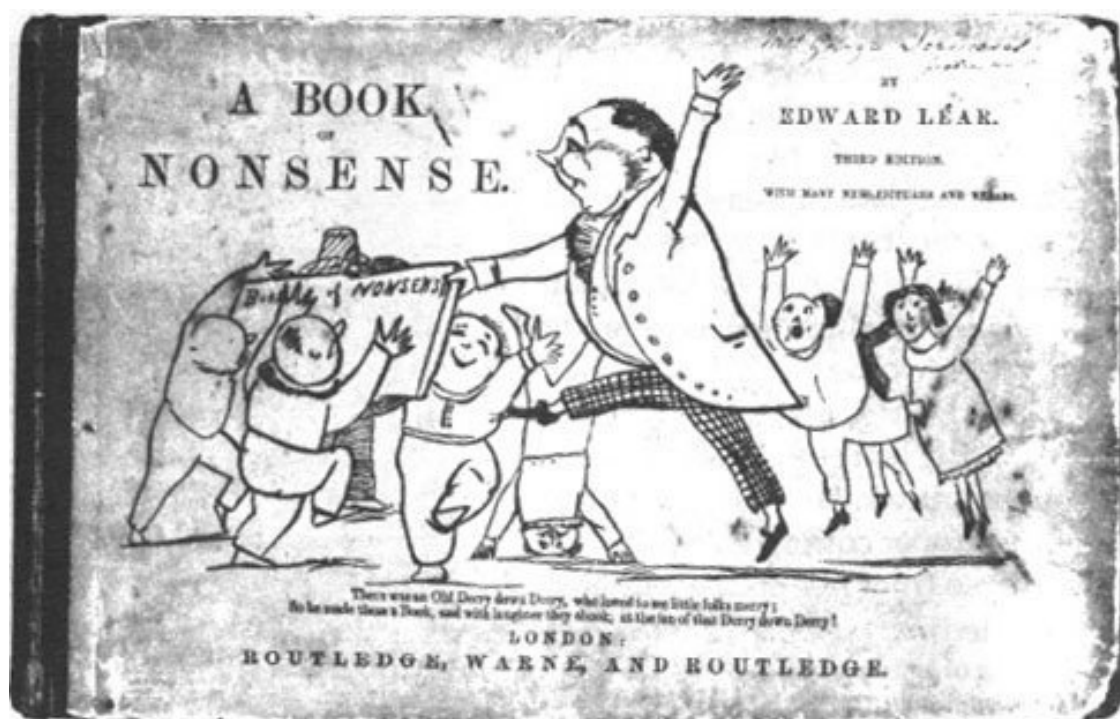
Большинство из этих рисунков и стишков были приведены в первом издании в 1846 году. Но так как оно быстро разошлось, а призывы продолжать «Книгу Нонсенса» всё не стихают, то я в данной книге и продолжил, добавив изрядное число стишков и картинок к ранее опубликованным.

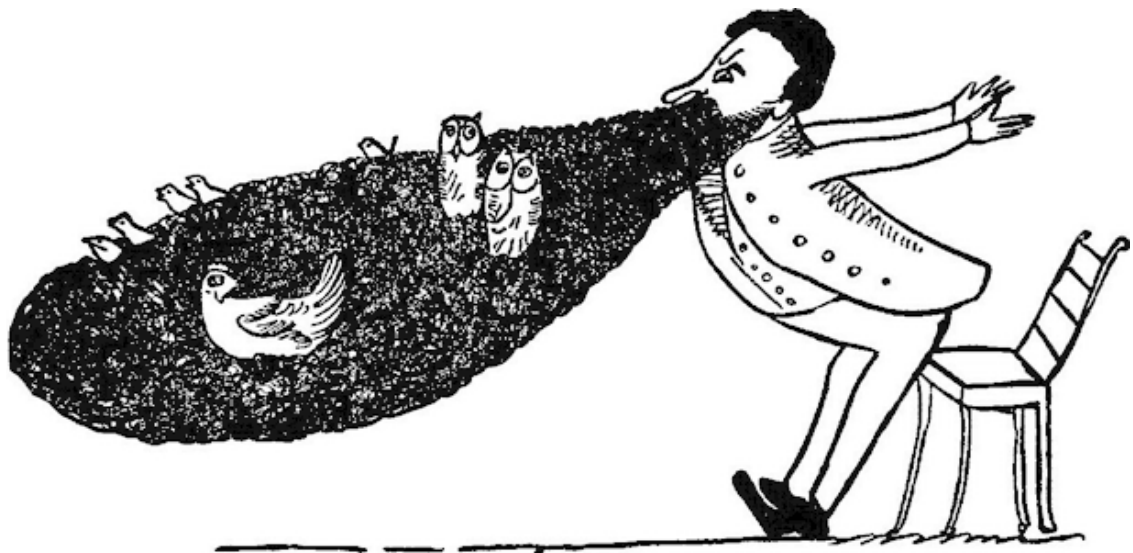
*Эдвард Лир
Вилла Эмили, Сан-Ремо
Август 1871 года.*

A Book of Nonsense, 1846 Книга Нонсенса, 1846

*There was an Old Derry down Derry,
Who loved to see little folks merry;
So he made them a book,
And with laughter they shook
At the fun of that Derry down Derry.*

*Обожал старый Дерри из Дерри,
Чтобы радостно дети галдерри;
Он им книжку принёс,
И смешил их до слёз
Уморительный Дерри из Дерри.*

There was an Old Man with a beard,
Who said, 'It is just as I feared!
Two Owls and a Hen,
Four Larks and a Wren,
Have all built their nests in my beard!

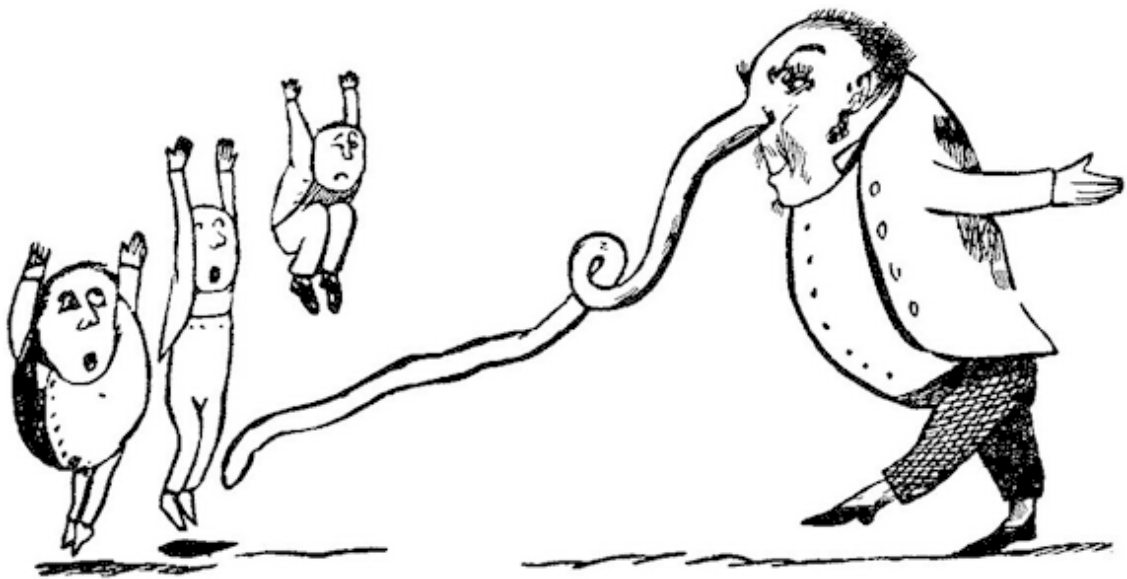
Был один старичок в бороде,
Он сказал: «Так и знал, быть беде!
Две совы и несушка,
Корольки и кукушка
Угнездились в моей бороде!»

There was a Young Lady of Ryde,
Whose shoe-strings were seldom untied;

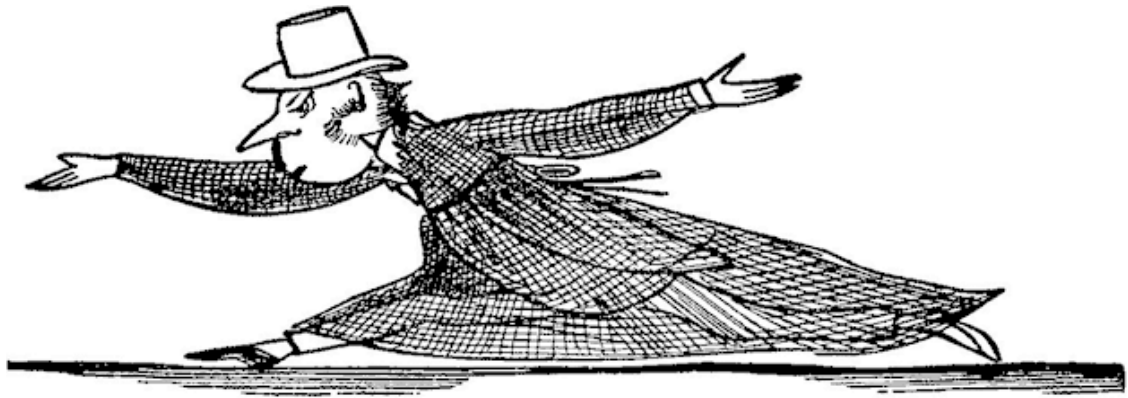
She purchased some clogs,
And some small spotty Dogs,
And frequently walked about Ryde.

Клоги юная леди из Райда
Шнуровала весьма аккурайдо
И, купив не за так
Мелких пёстрых собак,
Всё гуляла по улицам Райда.

There was an Old Man with a nose,
Who said, 'If you choose to suppose
That my nose is too long,
You are certainly wrong!
That remarkable Man with a nose.

Был старик с выдающимся носом.
«Коли вы зададитесь вопросом,
Не велик ли мой нос, —
Это ложный вопрос!» —
Молвил старец с отвесистым носом.

There was an Old Man on a hill,
Who seldom, if ever, stood still;
He ran up and down,
In his Grandmother's gown,
Which adorned that Old Man on a hill.

На холме был подвижный старик,
Он спокойно стоять не привык;
Вверх и вниз всё резвей
В платье бабки своей
Прихорошенный бегал старик.

There was a Young Lady whose bonnet
Came untied when the birds sate upon it;
But she said, 'I don't care!
All the birds in the air

Are welcome to sit on my bonnet!

У девицы все ленты на шляпке
Растрепали пернатые лапки;
Но она не гневицца:
«Ведь сама этих птиц я
Посидеть приглашала на шляпке!»

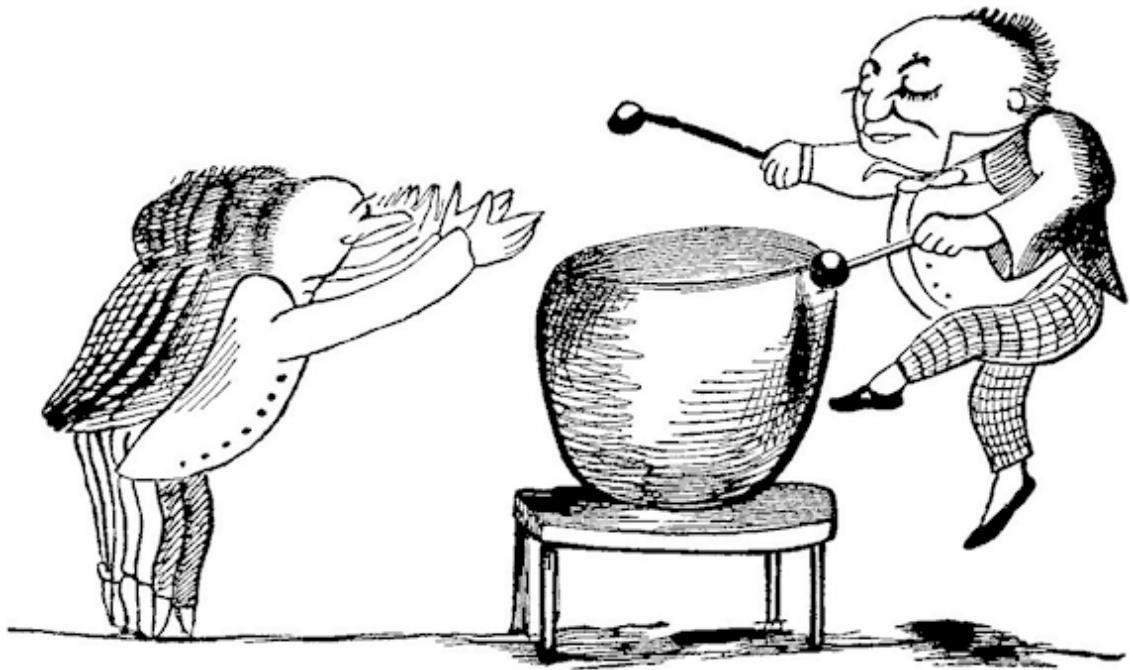
There was a Young Person of Smyrna,
Whose Grandmother threatened to burn her;
But she seized on the Cat,
And said, 'Granny, burn that!
You incongruous Old Woman of Smyrna!

Внучку юную бабка из Смирны
Сжечь дотла угрожала настырно;
Та схватила кота
И отверзла уста:
«Жги его, старушонка из Смирны!»

There was an Old Person of Chili,
Whose conduct was painful and silly;
He sate on the stairs,
Eating apples and pears,
That imprudent Old Person of Chili.

Странноватого старца из Чили
В поведеньи дурном уличили;
На ступенях сидел он,
Груши-яблоки ел он,
Опрометчивый старец из Чили.

There was an Old Man with a gong,
Who bumped at it all the day long;
But they called out, 'O law!
You're a horrid old bore!
So they smashed that Old Man with a gong.

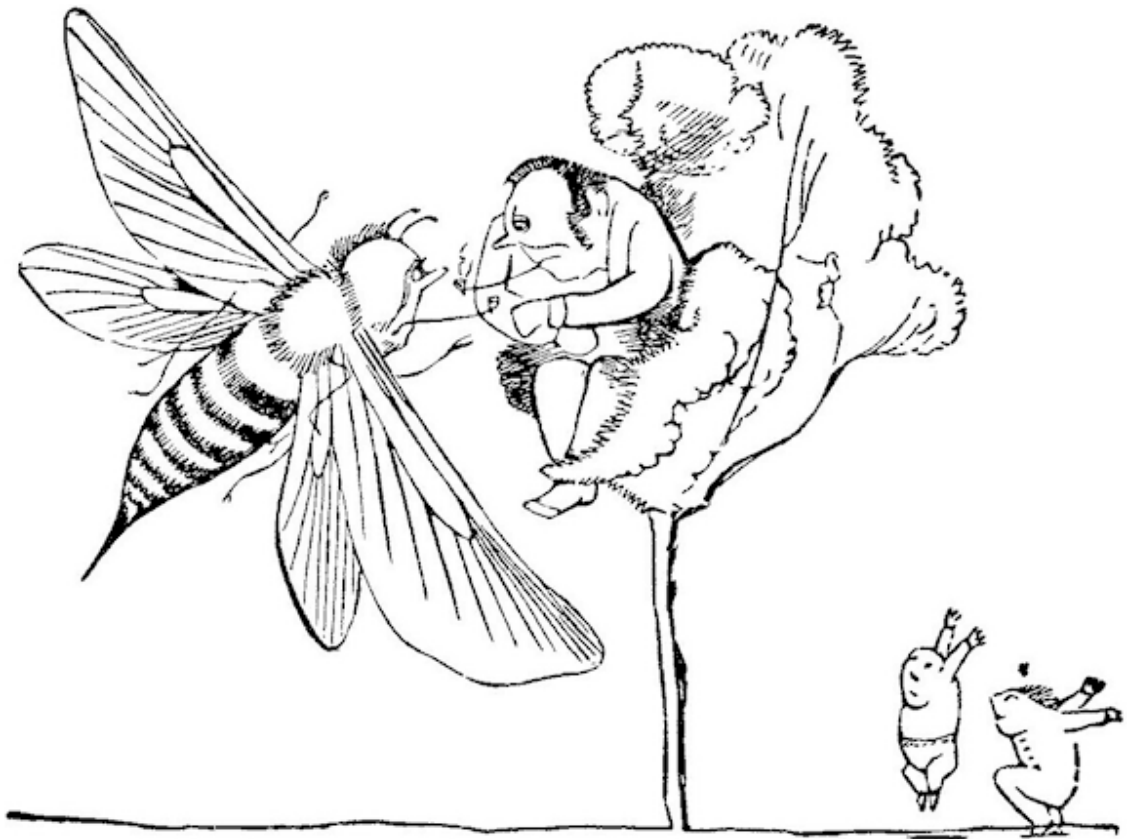
День-деньской колотил старичонка
В брюхо звонкого медного гонга;
А прохожие в крик:
«О, гремучий старик!»
Сокрушённый, замолк старичонка.

There was an Old Lady of Chertsey,
Who made a remarkable curtsy;

She twirled round and round,
Till she sank underground,
Which distressed all the people of Chertsey.

Обожала старушка из Чертси
В реверансе юлою вертертси,
Меры в том не приемля,
И однажды сквозь землю
Провернулась, печалуя Чертси.

There was an Old Man in a tree,
Who was horribly bored by a Bee;
When they said, 'Does it buzz?
He replied, 'Yes, it does!
It's a regular brute of a Bee!

Некий старец на ветке ветлы
Бесконечно терпел от пчелы;
А спроси: «Зла пчела?» —
Он в ответ: «Ох, и зла!
Это аспид в обличье пчелы!»

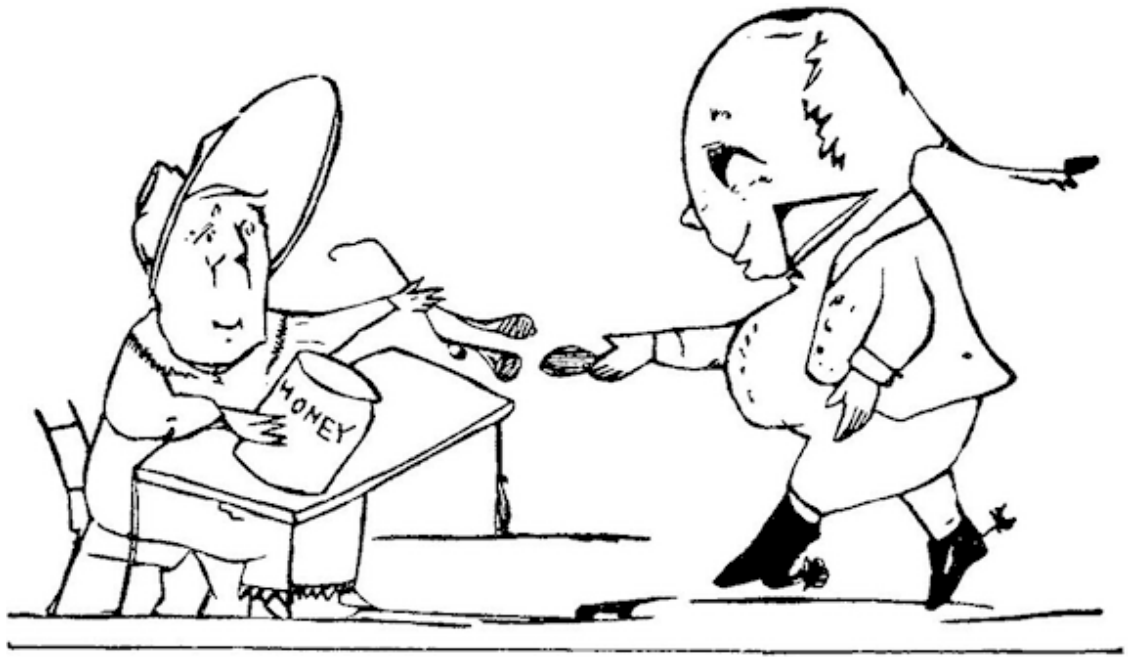
There was an Old Man with a flute,
A sarpint ran into his boot;
But he played day and night,
Till the sarpint took flight,
And avoided that Man with a flute.

К старику, оснащённому флейтой,
Змей в сапог проскользнул пёстрой лентой;
Тот играл день и ночь,
Змею стало невмочь,
Дал он дёру от дедушки с флейтой.

There was a Young Lady whose chin
Resembled the point of a pin;
So she had it made sharp,
And purchased a harp,
And played several tunes with her chin.

Подбородок у юной девицы
Был подобием кончика спицы;
Посильней заострив,
Развесёлый мотив
Им на арфе сыграла девица.

There was an Old Man of Kilkenny,
Who never had more than a penny;
He spent all that money
In onions and honey,
That wayward Old Man of Kilkenny.

В кошельке старика из Килкенни
Никогда не водилось и пенни;
Тратил скудный доход
Лишь на лук да на мёд
Тот причудистый мот из Килкенни.

There was an Old Person of Ischia,
Whose conduct grew friskier and friskier;
He danced hornpipes and jigs,
And ate thousands of figs,
That lively Old Person of Ischia.

Сей персонистый старец на Искии
Вёл себя всё неисто-неистовой;
Отплясал сотни джиг
И сжевал тыщи фиг
Жизнедышащий старец на Искии.

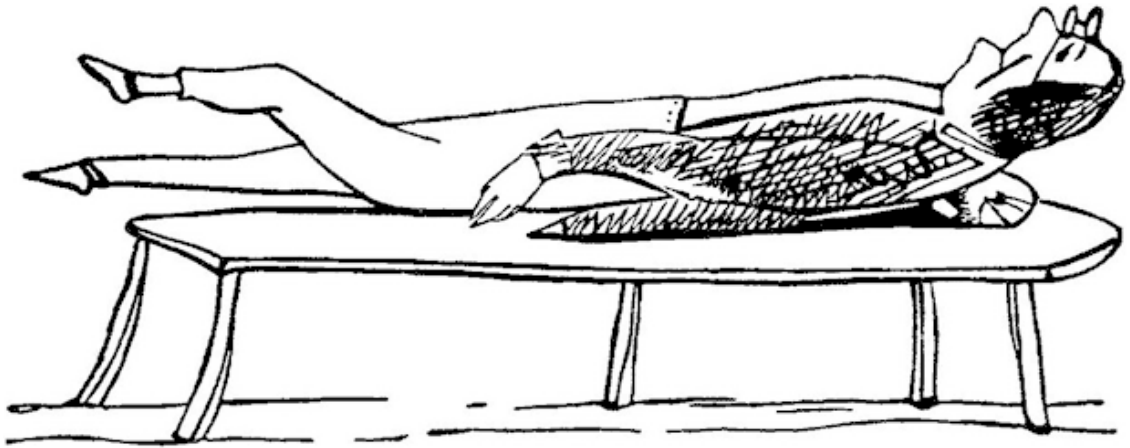
There was an Old Man in a boat,
Who said, 'I'm afloat, I'm afloat!
When they said, 'No! you ain't!
He was ready to faint,
That unhappy Old Man in a boat.

Гаркнул старец, забравшийся в лодку:
«Я плыву, я плыву!» – во всю глотку.
А ему: «Не плывёшь!»
Старца бросило в дрожь,
Обмер старец, забравшийся в лодку.

There was a Young Lady of Portugal,
Whose ideas were excessively nautical;
She climbed up a tree,
To examine the sea,
But declared she would never leave Portugal.

Дева юная из Португалии
Всё рвалась в океанские дали и
С крон дерев то и дело
В сине море глядела,
Но осталась верна Португалии.

There was an Old Man of Moldavia,
Who had the most curious behaviour;
For while he was able,
He slept on a table,
That funny Old Man of Moldavia.

Был курьёзный старик из Молдавии,
И подобных едва ли видали вы;
На свету и во мгле
Почивал на столе
Ненасыпный старик из Молдавии.

There was an Old Man of Madras,
Who rode on a cream-coloured ass;
But the length of its ears
So promoted his fears,
That it killed that Old Man of Madras.

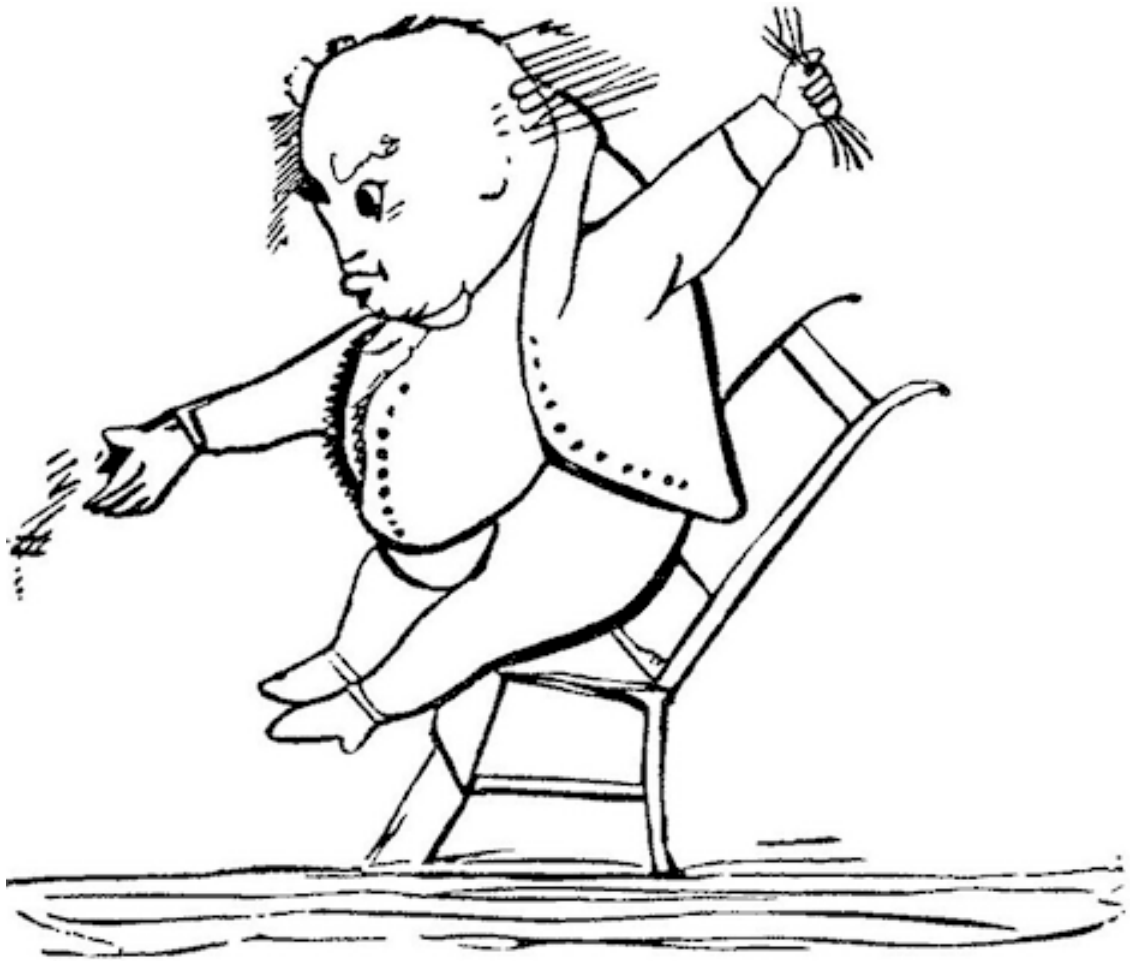
Взгромоздился старик из Мадраса
На осла мелового окраса;
Уши страшной длины
Животине даны,
В страхе помер старик из Мадраса.

There was an Old Person of Leeds,
Whose head was infested with beads;
She sat on a stool,
And ate gooseberry fool,
Which agreed with that Person of Leeds.

Обожала старушка из Лидса,
В кудри бисер вплетя, опустидса
На стулец массой всей,
И вкушала кисель

Из крыжовня старушка из Лидса.

There was an Old Man of Peru,
Who never knew what he should do;
So he tore off his hair,
And behaved like a bear,
That intrinsic Old Man of Peru.

Кудреватый старик из Перу
Всё не знал, чем заняться в миру;
Неуклюж как медведь,
Выдрал кудри на треть
Лысоватый старик из Перу.

There was an Old Person of Hurst,
Who drank when he was not athirst;
When they said, 'You'll grow fatter,
He answered, 'What matter?
That globular Person of Hurst.

Был персонный старик, житель Хёрста,
Не от жажды пивал он, а просто.
«Растолстеешь, питак!»
«А хотя бы и так?» —
Отвечал круглый старец из Хёрста.

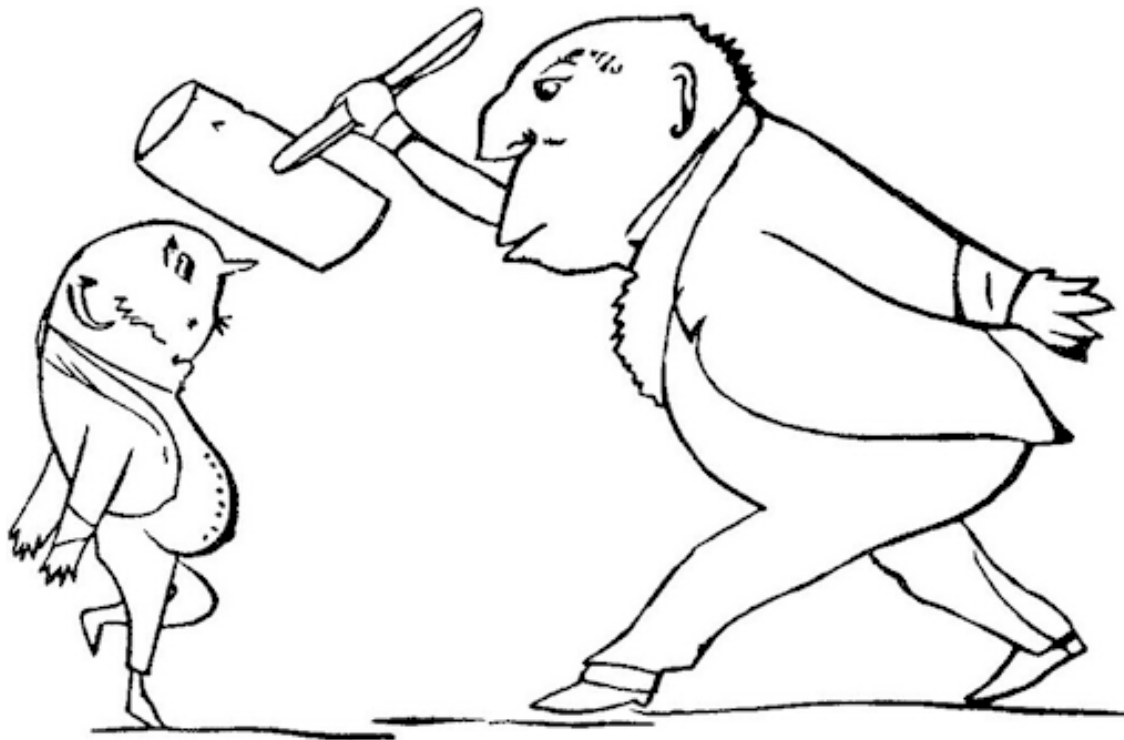
There was a Young Person of Crete,
Whose toilette was far from complete;
She dressed in a sack,
Spickle-speckled with black,
That ombliferous Person of Crete.

У девицы на острове Крит
В платье незавершённость царит;
Носит пёстрый мешок,
В пятнах каждый вершок,
Омблиферочка с острова Крит.

There was an Old Man of the Isles,
Whose face was pervaded with smiles;
He sang high dum diddle,
And played on the fiddle,
That amiable Man of the Isles.

Был милейший старик с Островов,
Весельчак, трулялист, острослов;
Пел, пиликал на скрипке,
Излучая улыбки,
Дружелюбный старик с Островов.

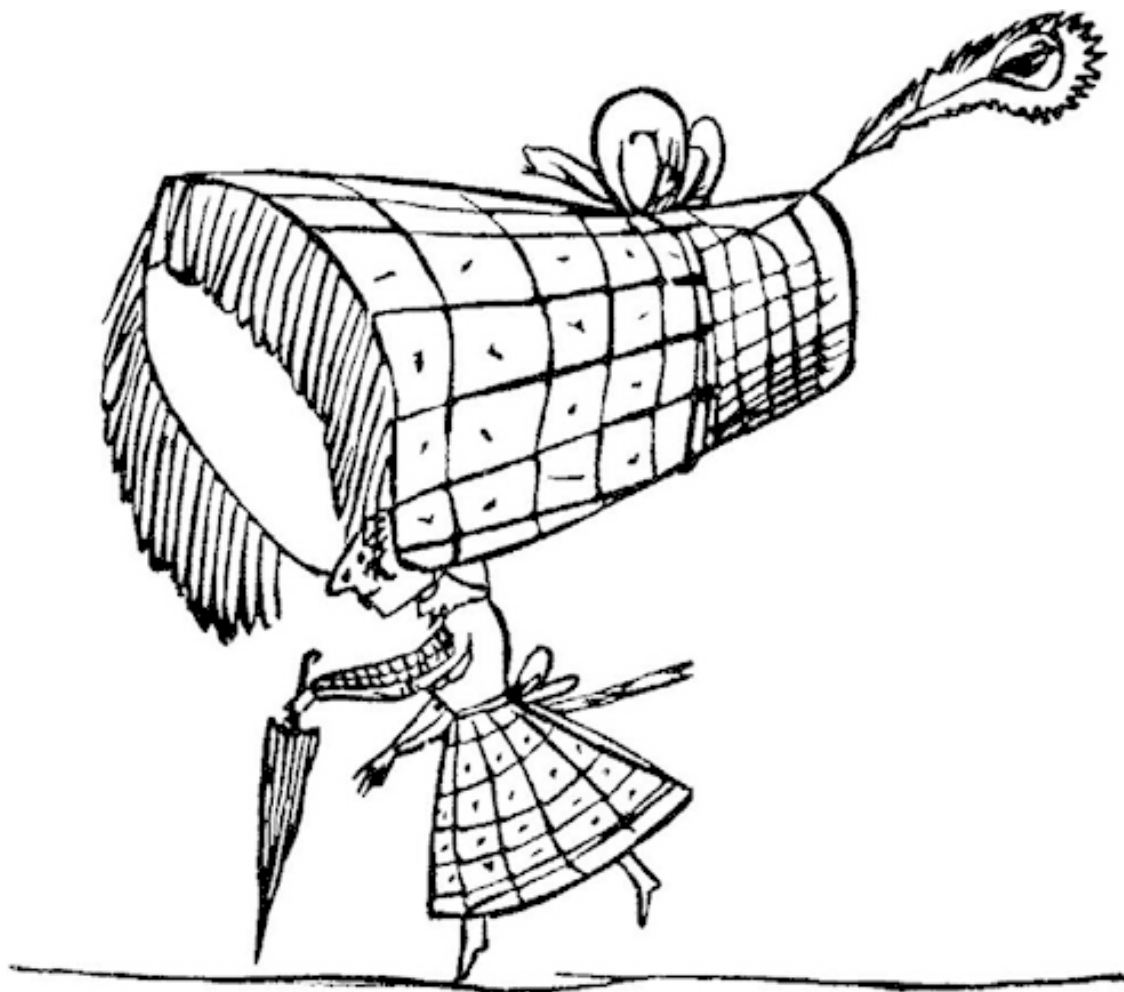
There was an Old Person of Buda,
Whose conduct grew ruder and ruder;
Till at last, with a hammer,
They silenced his clamour,
By smashing that Person of Buda.

Грубый старец из города Буда
Вёл себя всё грубее, покуда
Некто, взяв молоток,
Не пристукнул чуток
Горлодёра из города Буда.

There was an Old Man of Columbia,
Who was thirsty, and called out for some beer;
But they brought it quite hot,
In a small copper pot,
Which disgusted that Man of Columbia.

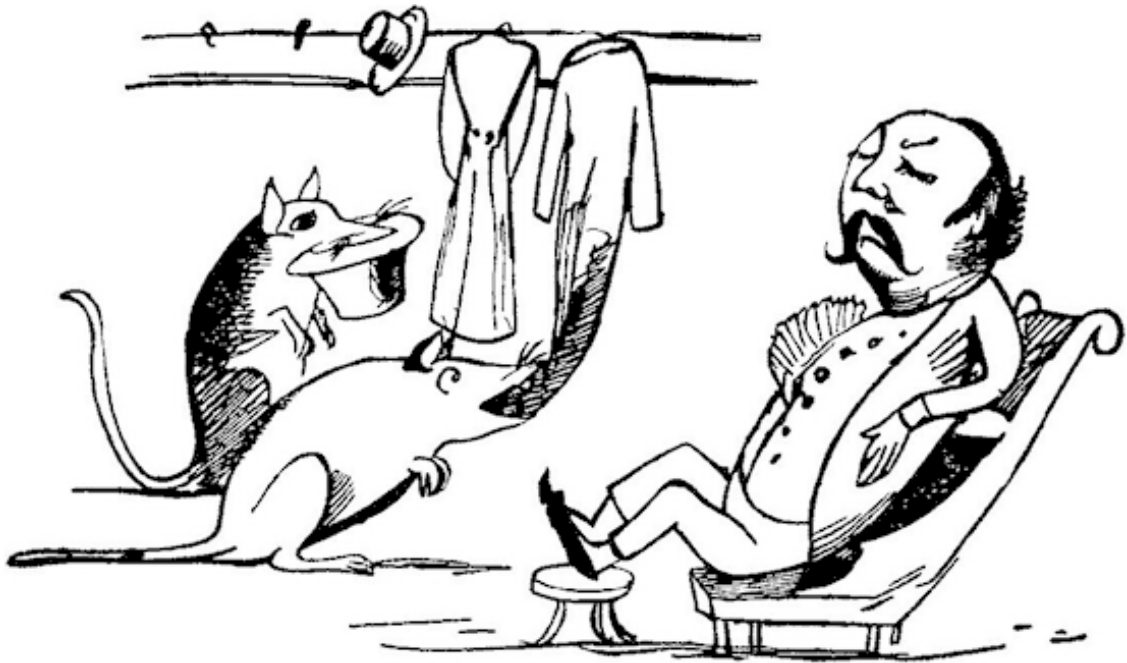
Мучим жаждой, старик из Колумбии
Вздумал, что выпить пива не глупо бы;
Принесли торопливо
Кружку тёплого пива,
Отвратив старика из Колумбии.

There was a Young Lady of Dorking,
Who bought a large bonnet for walking;
But its colour and size
So bedazzled her eyes,
That she very soon went back to Dorking.

Прикупила девица из Доркина
Для гуляния шляпку на торге, но

Крой её и окрас
Ослепил и потряс,
В дом вернув, ту девицу из Доркина.

There was an Old Man who supposed
That the street door was partially closed;
But some very large Rats
Ate his coats and his hats,
While that futile Old Gentleman dozed.

Зряшный старец, не чая напасти,
Дверь считал затворённой отчасти;
Но тандем крупных крыс
Съел пальто, шляпы сгрыз,
А старик был у дрёмы во власти.

There was an Old Man of the West,
Who wore a pale plum-coloured vest;
When they said, 'Does it fit?
He replied, 'Not a bit!
That uneasy Old Man of the West.

Обитавший на Западе дед
В сливоватый жилет был одет;
Спросишь: «Впору жилет?» —
Он в ответ: «Ну уж нет!»
Вот такой нелюбчивый дед.

There was an Old Man of the Wrekin,
Whose shoes made a horrible creaking;
But they said, 'Tell us whether
Your shoes are of leather,
Or of what, you Old Man of the Wrekin?

Башмаки старикашки близ Рикина
Расскрипелись весьма подозрительно;
Вот его и спросили:
«Это что – кожа или?..
Что за скрип, старикашка близ Рикина?»

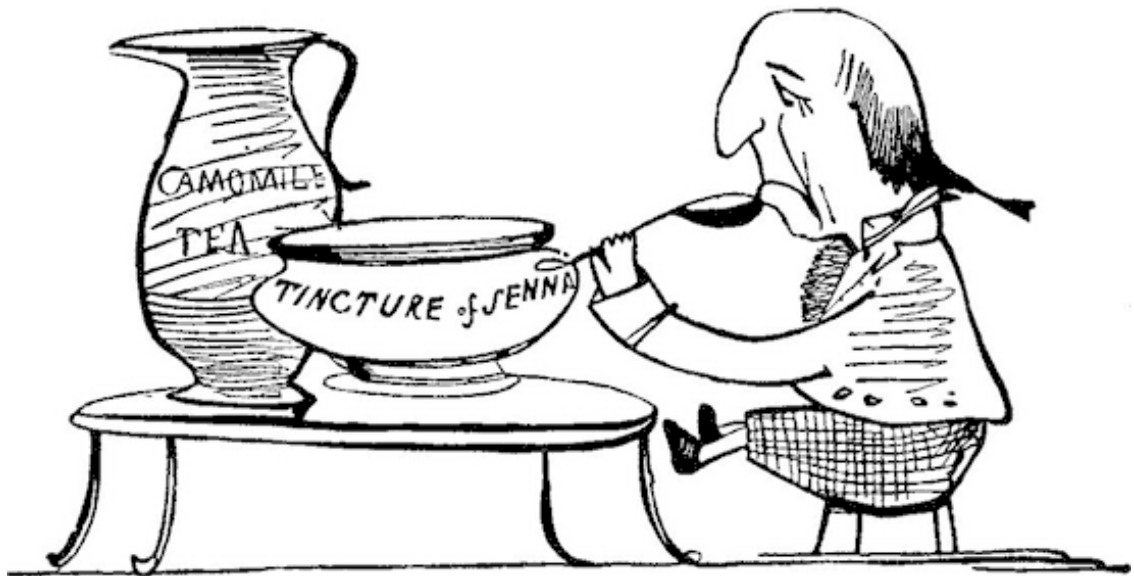
There was a Young Lady whose eyes
Were unique as to colour and size;
When she opened them wide,
People all turned aside,
And started away in surprise.

У одной яркоглазой девицы
Велики безразмерно зеницы;
Встретив этаким взгляд,
Норовит стар и млад
От девицы стремглав отдалицы.

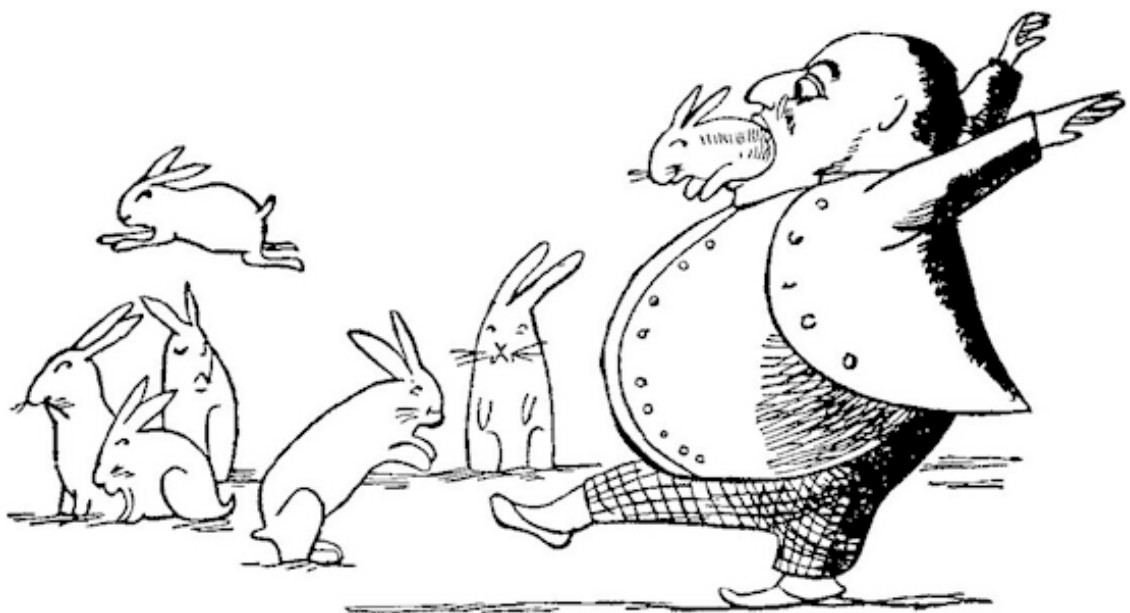
There was a Young Lady of Norway,
Who casually sat in a doorway;
When the door squeezed her flat,
She exclaimed, 'What of that?'
This courageous Young Lady of Norway.

Моложавая фру из Норвегии
Примостилась в дверях в кои веки, и
Дверью сплющило тело;
А она: «Эко дело!»
Хладнокровная фру из Норвегии.

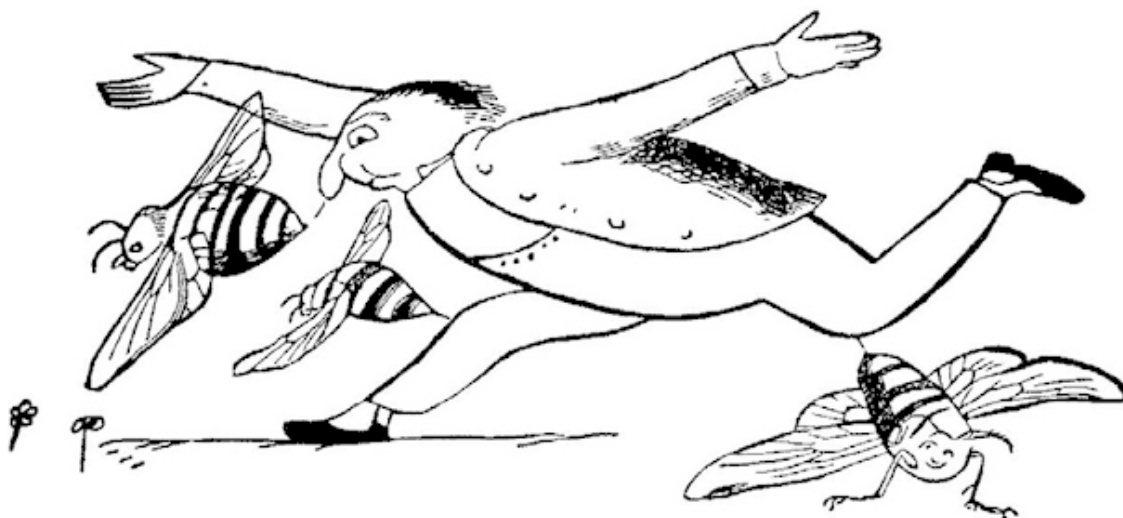
There was an Old Man of Vienna,
Who lived upon Tincture of Senna;
When that did not agree,
He took Camomile Tea,
That nasty Old Man of Vienna.

Жил-был старец из города Вены,
Попивавший настойку из сенны;
Перебрав невзначай,
Пил ромашковый чай
Неприязненный старец из Вены.

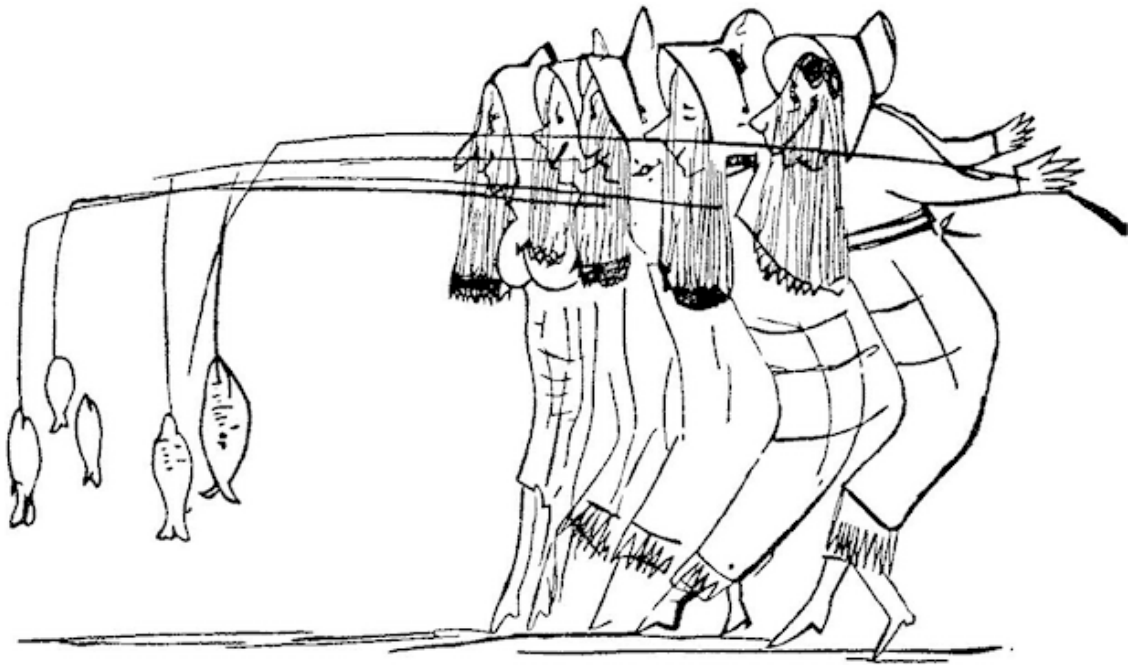
There was an Old Person whose habits
Induced him to feed upon Rabbits;
When he'd eaten eighteen,
He turned perfectly green,
Upon which he relinquished those habits.

Был старик, учредивший обычай
Делать кроликов лёгкой добычей;
Съел без двух двадцать штук,
Зелен сделался вдруг
И отверг нездоровый обычай.

There was an Old Person of Dover,
Who rushed through a field of blue Clover;
But some very large bees
Stung his nose and his knees,
So he very soon went back to Dover.

Припустил старикашка из Дувру
По цветущему клеверу сдувру;
Пчёл немало впилося
И в коленки, и в нос,
И старик повернул прямо к Дувру.

There was an Old Man of Marseilles,
Whose daughters wore bottle-green veils;
They caught several Fish,
Which they put in a dish,
And sent to their Pa' at Marseilles.

Дочки старого мсье из Марселя
Изумрудны вуали надели;
Наловив окуней,
Отослали оне
Их на блюдо Папа из Марселя.

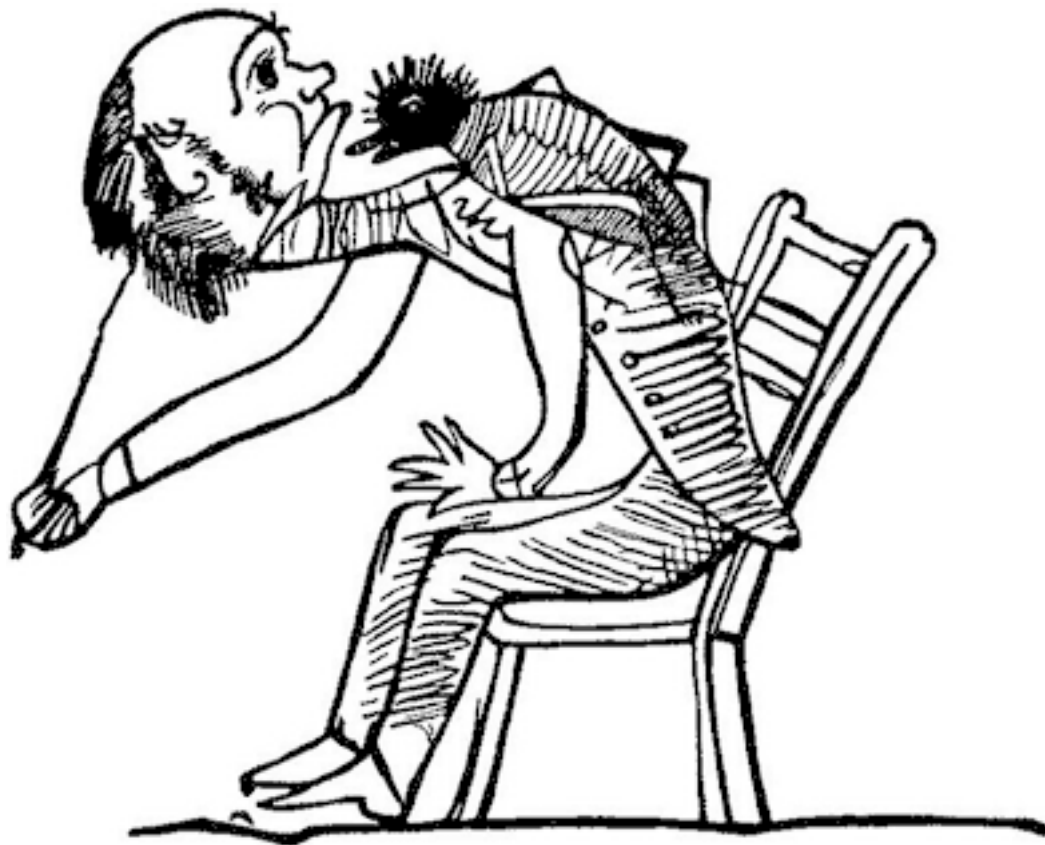
There was an Old Person of Cadiz,
Who was always polite to all ladies;
But in handing his daughter,
He fell into the water,
Which drowned that Old Person of Cadiz.

Сей галантный старик, житель Кадиса,
Юным дамам служил жизнирадисто,
Впрочем, также и прочим;
Но подсаживал дочь он,
В воду плюх и утоп житель Кадиса.

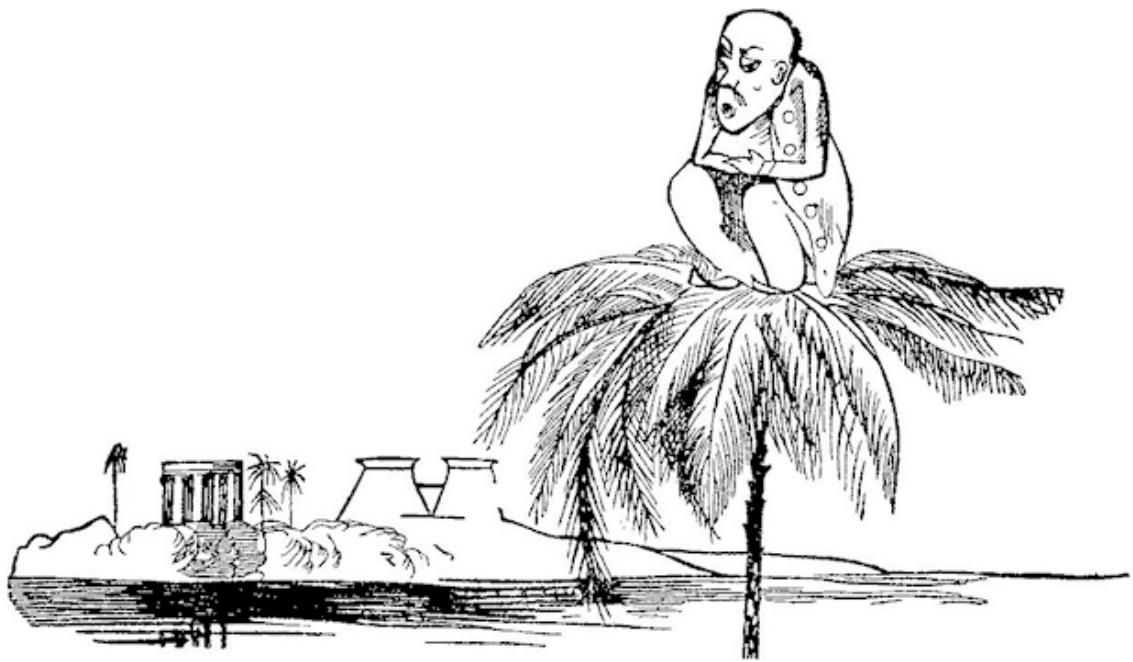
There was an Old Person of Basing,
Whose presence of mind was amazing;
He purchased a steed,
Which he rode at full speed,
And escaped from the people of Basing.

Жил-был старец из города Бейсинга,
Не терявший в душе равновейсинга;
И, купив скакуна,
Ускакал старина
Прочь от жителей города Бейсинга.

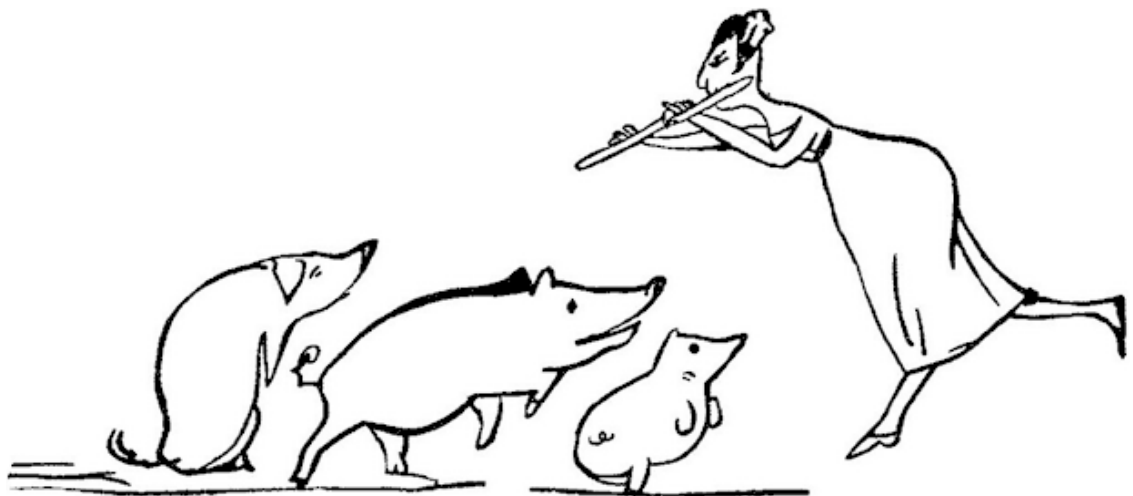
There was an Old Man of Quebec,
A beetle ran over his neck;
But he cried, 'With a needle,
I'll slay you, O beadle!
That angry Old Man of Quebec.

Шею старца в пределах Квебека
Некий жук сделал местом забега;
Хвать иглу старина:
«Насажу тебя на
Остриё, скорожук из Квебека!»

There was an Old Person of Philae,
Whose conduct was scroobious and wily;
He rushed up a Palm,
When the weather was calm,
And observed all the ruins of Philae.

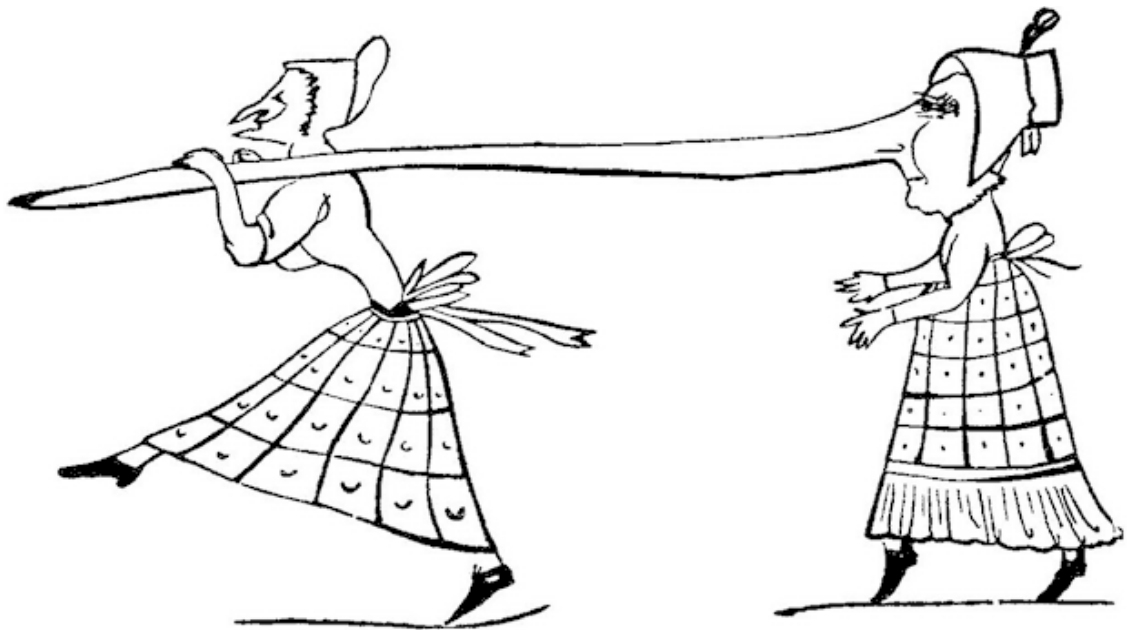
Был персонный старик, житель Фил,
Археолух и скрубиофил;
В ведро влезет на древо
И глядит вправо-влево,
Озирая развалины Фил.

There was a Young Lady of Bute,

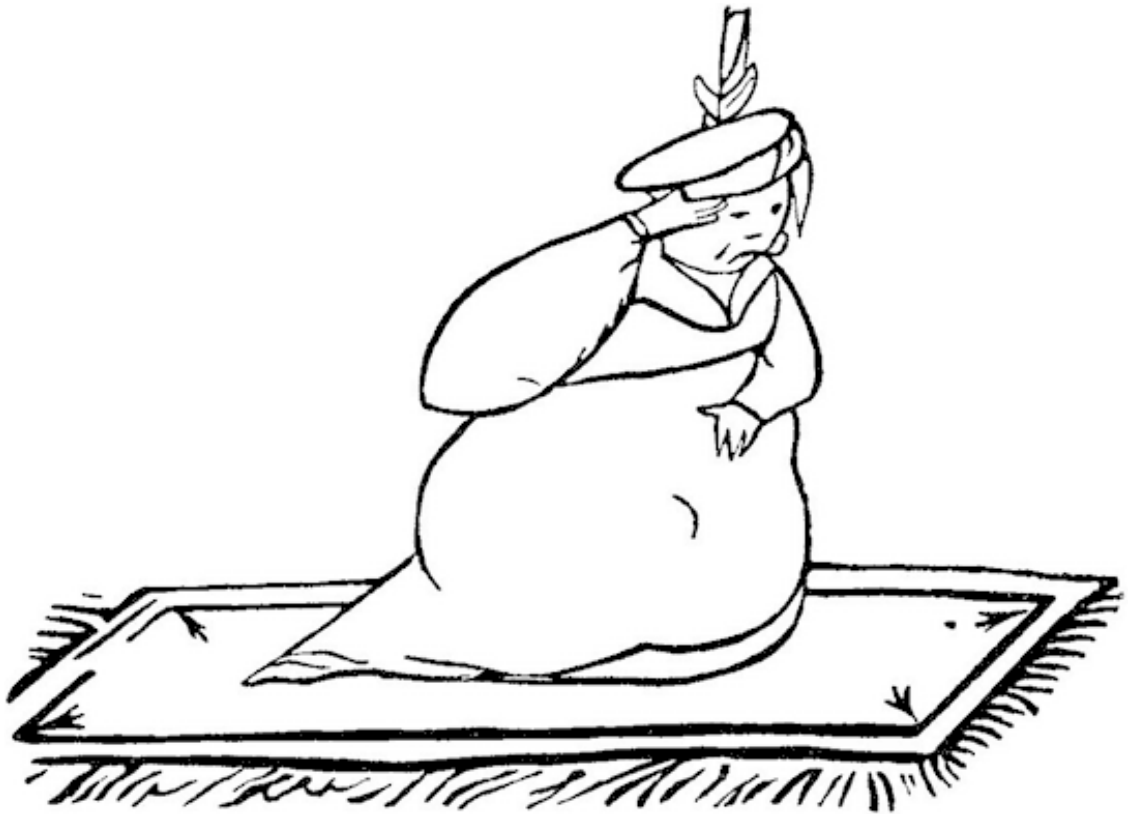
Who played on a silver-gilt flute;
She played several jigs,
To her uncle's white pigs,
That amusing Young Lady of Bute.

Презабавная дева из Бьюту
В руки флейту взяла на минуту
И сыграла на ней
Пару джиг для свиней
Престарелого дяди из Бьюту.

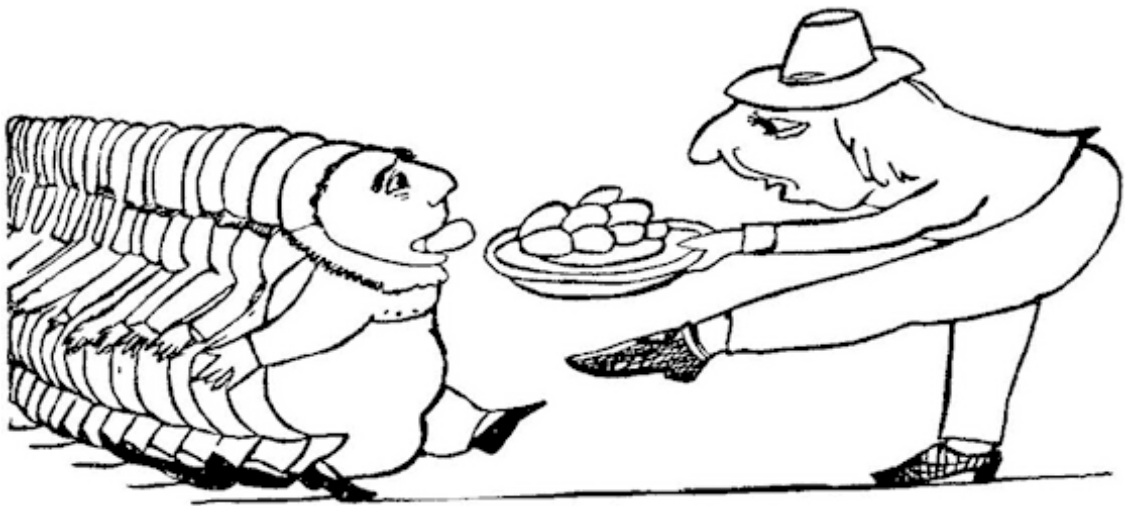
There was a Young Lady whose nose
Was so long that it reached to her toes;
So she hired an Old Lady,
Whose conduct was steady,
To carry that wonderful nose.

У девицы одной чудо-нос
Рос и рос, и до полу дорос;
Так старушку, бывало,
Ту, что твёрдо ступала,
Нанимала носить этот нос.

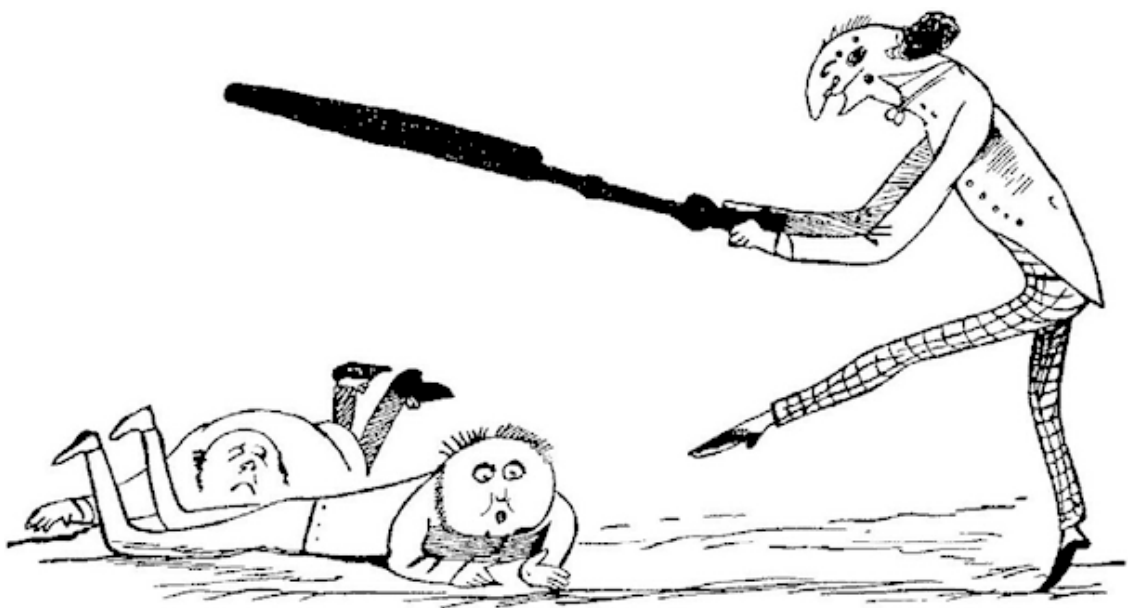
There was a Young Lady of Turkey,
Who wept when the weather was murky;
When the day turned out fine,
She ceased to repine,
That capricious Young Lady of Turkey.

В непогоду девица из Турции
Вся в горячих слезах и в нахмурции;
А в погоду она
Умиротворена,
Капризуля-девица из Турции.

There was an Old Man of Apulia,
Whose conduct was very peculiar;
He fed twenty sons
Upon nothing but buns,
That whimsical Man of Apulia.

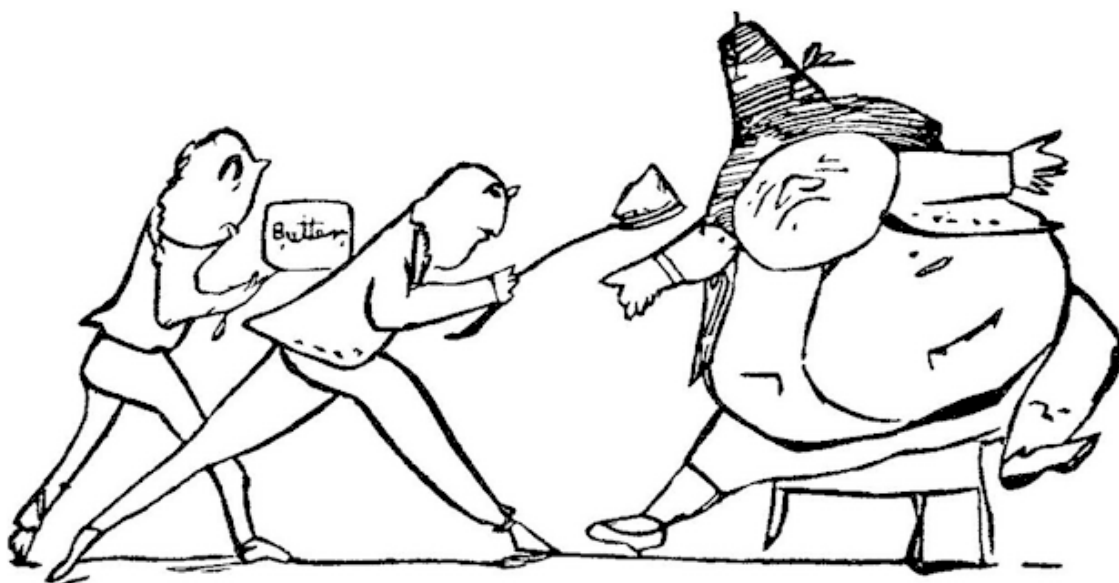
Эксцентричный старик из Апулии
Был весьма специфичным папулею
Двадцати сыновей;
И кормил их, ей-ей,
Только сдобой старик из Апулии.

There was an Old Man with a poker,
Who painted his face with red oker;

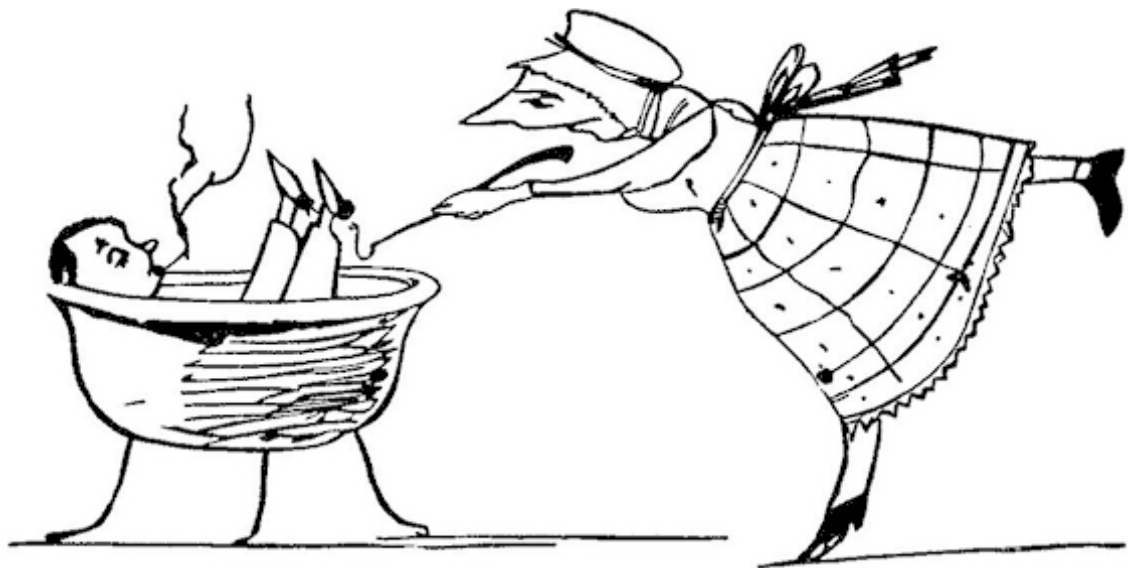
When they said, 'You're a Guy!
He made no reply,
But knocked them all down with his poker.

На лице старика с кочергою
Охрой крашено то и другое;
Скажет кто: «Ну и шут!» —
Уж старик тут как тут
И в нокдаун того кочергою.

There was an Old Person of Prague,
Who was suddenly seized with the Plague;
But they gave him some butter,
Which caused him to mutter,
And cured that Old Person of Prague.

Жил да был некий старец из Праги,
Злоключилась чума у бедняги;
Так бы жизнь и угасла,
Да коровьего масла
Дали вовремя старцу из Праги.

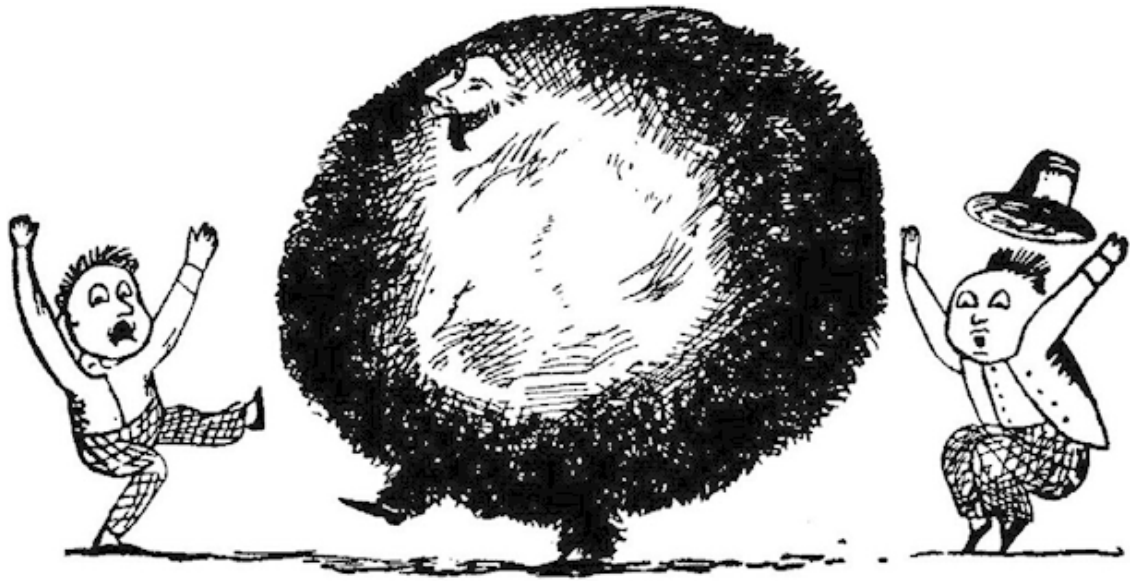
There was an Old Man of the North,
Who fell into a basin of broth;
But a laudable cook
Fished him out with a hook,
Which saved that Old Man of the North.

Бултыхнулся старик-северянин
В чан с бульоном, глубокий и пространен;
Но стряпуха ловкая —
На крючок старика,
Так спасён был старик-северянин.

There was a Young Lady of Poole,
Whose soup was excessively cool;
So she put it to boil
By the aid of some oil,
That ingenious Young Lady of Poole.

Предприимная дева из Пула
Греть супец на спиртовке рискнула;
Чтобы вдруг не погасло,
В пламя постное масло
Подливала девица из Пула.

There was an Old Person of Mold,
Who shrank from sensations of cold;
So he purchased some muffs,
Some furs, and some fluffs,
And wrapped himself well from the cold.

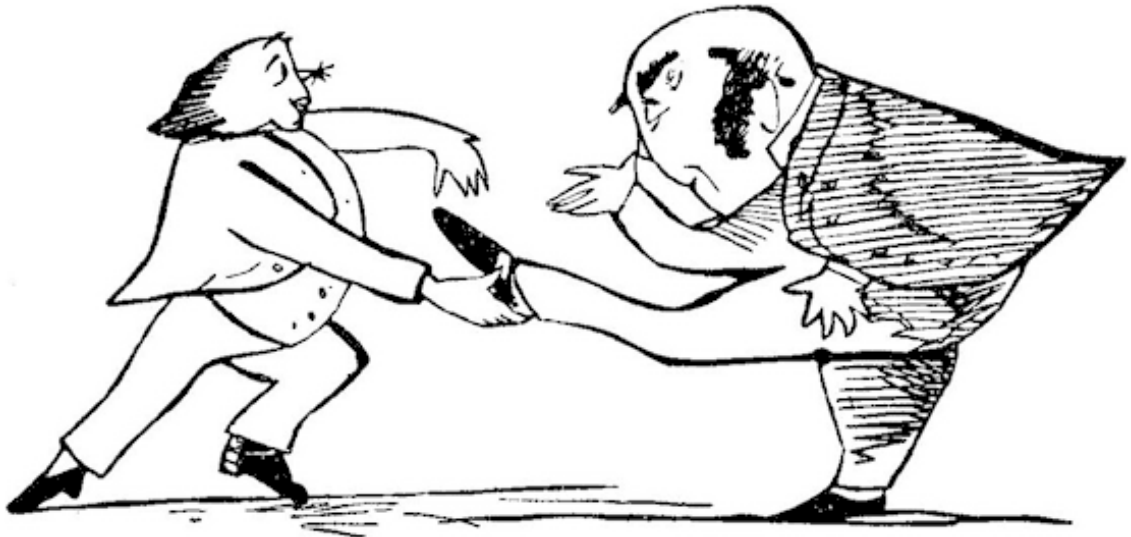
Некий старец из города Моулда
Опасался простуды и хоулда;
В пух, и в мех, и в манто б
Он закутался, чтоб
Не бояться простуды и хоулда.

There was an Old Man of Nepaul,
From his horse had a terrible fall;
But, though split quite in two,

With some very strong glue
They mended that Man of Nepaul.

Был один старичок из Непала,
Он с коня полетел как попало:
Был один – стало два;
Крепким клеем едва
Склеен был старичок из Непала.

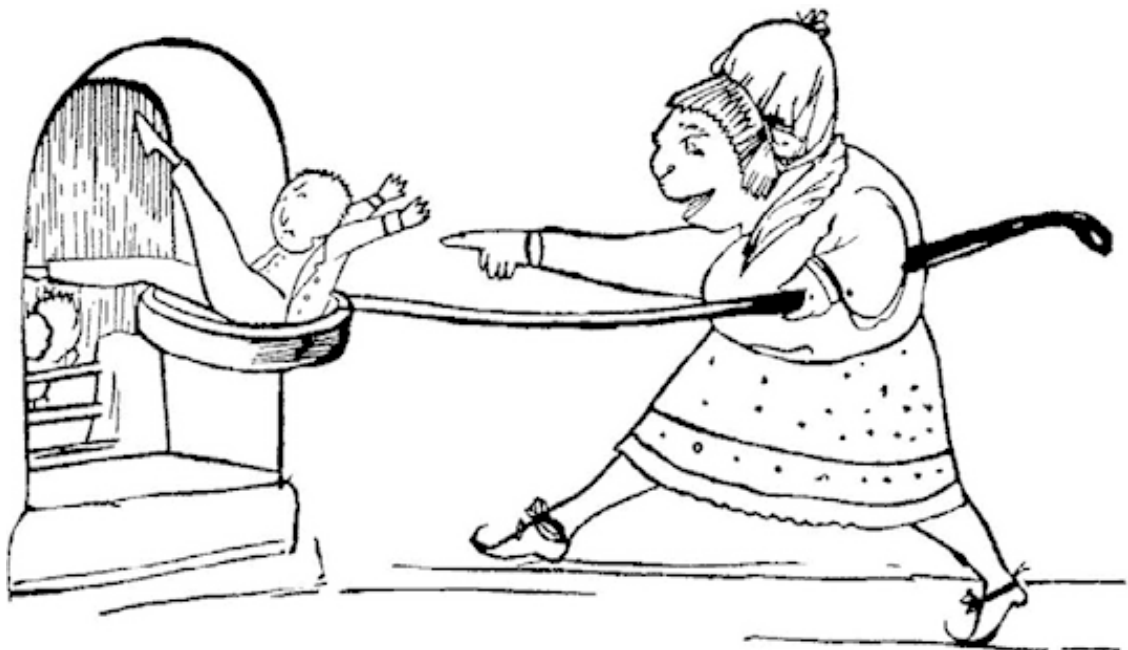
There was an Old Man of th' Abruzzi,
So blind that he couldn't his foot see;
When they said, 'That's your toe,
He replied, 'Is it so?
That doubtful Old Man of th' Abruzzi.

Не дано старику из Абруццо
До ступни своей взором коснуццо;
Скажут: «Вот же она!» —
Он в ответ: «Вот те на!»
Недоверчив слепец из Абруццо.

There was an Old Person of Rhodes,
Who strongly objected to toads;
He paid several cousins
To catch them by dozens,
That futile Old Person of Rhodes.

Зряшный старец на острове Родос,
Ненавидевший жабыю породу-с,
Нанял бойких кузин
Из болот и низин
Извести жаб на острове Родос.

There was an Old Man of Peru,

Who watched his wife making a stew;
But once, by mistake,
In a stove she did bake
That unfortunate Man of Peru.

Наблюдал старичок из Перу,
Как жена жарит дичь на жару;
По оплошке она
Подрумянила на
Том жару старичка из Перу.

There was an Old Man of Melrose,
Who walked on the tips of his toes;
But they said, 'It ain't pleasant
To see you at present,
You stupid Old Man of Melrose.

Был один старичок из Мельрозы,
Всё на пальцах ходил, строил позы;
А ему: «Мерзогадки
Эти ваши повадки,
Худоумный старик из Мельрозы».

There was a Young Lady of Lucca,
Whose lovers completely forsook her;
She ran up a tree,
And said, 'Fiddle-de-dee!
Which embarrassed the people of Lucca.

Молодая особа из Лукки,
Пострадав от любовной разлукки,
Взгромоздясь на платан,
Спела там «трам-там-там!»
К замешательству жителей Лукки.

There was an Old Man of Bohemia,
Whose daughter was christened Euphemia;
But one day, to his grief,
She married a thief,
Which grieved that Old Man of Bohemia.

Был один старичок из Богемии,
Давший дочери имя Евгении;
Но, к несчастью родителя,
Вышла та за грабителя,
Огорчив старичка из Богемии.

There was an Old Man of Vesuvius,
Who studied the works of Vitruvius;
When the flames burnt his book,
To drinking he took,
That morbid Old Man of Vesuvius.

Был старик у подножья Везувия,
Изучавший творенья Витрувия;
В пламя выронив том,
Выпил рому потом
Нехороший старик у Везувия.

There was an Old Man of Cape Horn,
Who wished he had never been born;
So he sat on a chair,
Till he died of despair,
That dolorous Man of Cape Horn.

С малолетья старик с мыса Горн
Был не рад, что на свет порождён;
Всё на стуле сидел он,
Горевал и скорбел он,
Так и помер горюн с мыса Горн.

There was an Old Lady whose folly
Induced her to sit on a holly;
Whereon, by a thorn
Her dress being torn,
She quickly became melancholy.

Из каприза, по прихоти чисто,
Леди села на куст остролиста;
О колючку порвав
И подол, и рукав,
Леди сделалась меланхолиста.

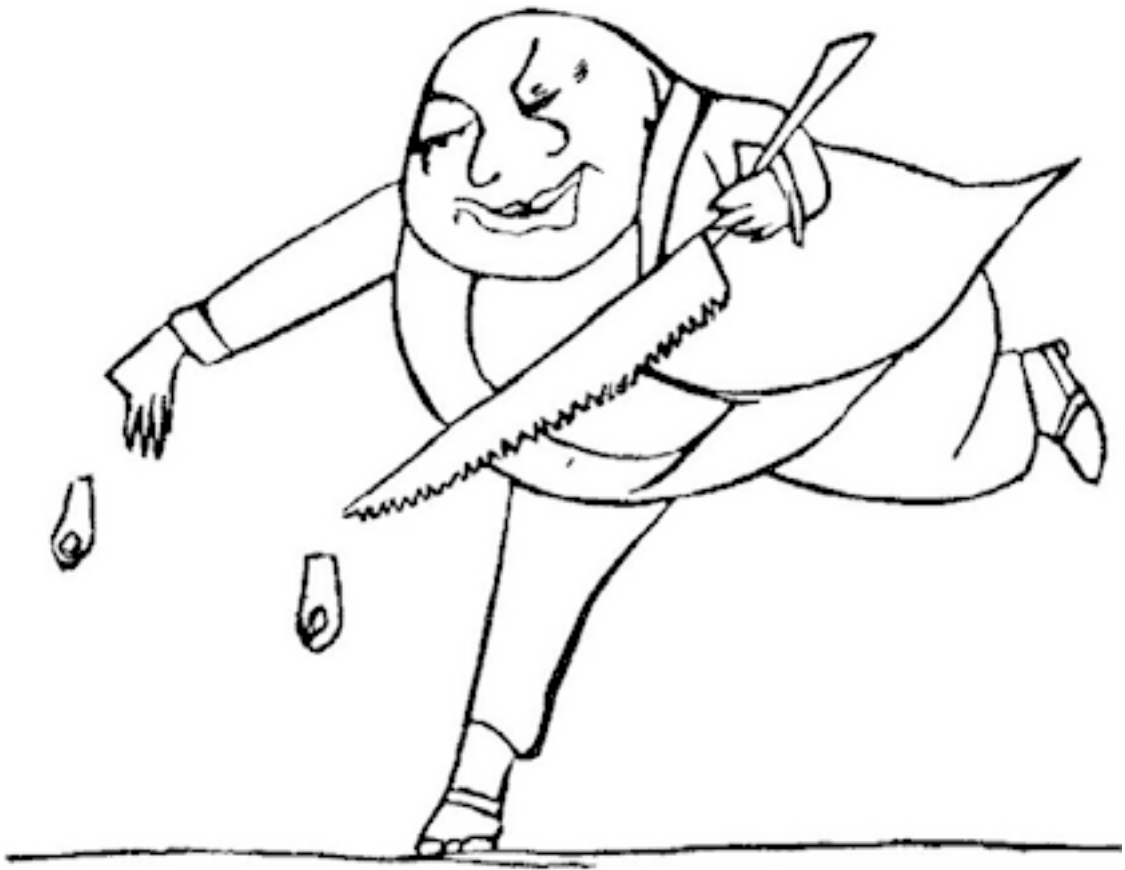
There was an Old Man of Corfu,
Who never knew what he should do;
So he rushed up and down,
Till the sun made him brown,
That bewildered Old Man of Corfu.

Жил-был старец на острове Корфу,
Никчемушный с младенческих пор, фу;
Бегал взад и вперёд,
Пока солнце печёт,
Бронзовея на острове Корфу.

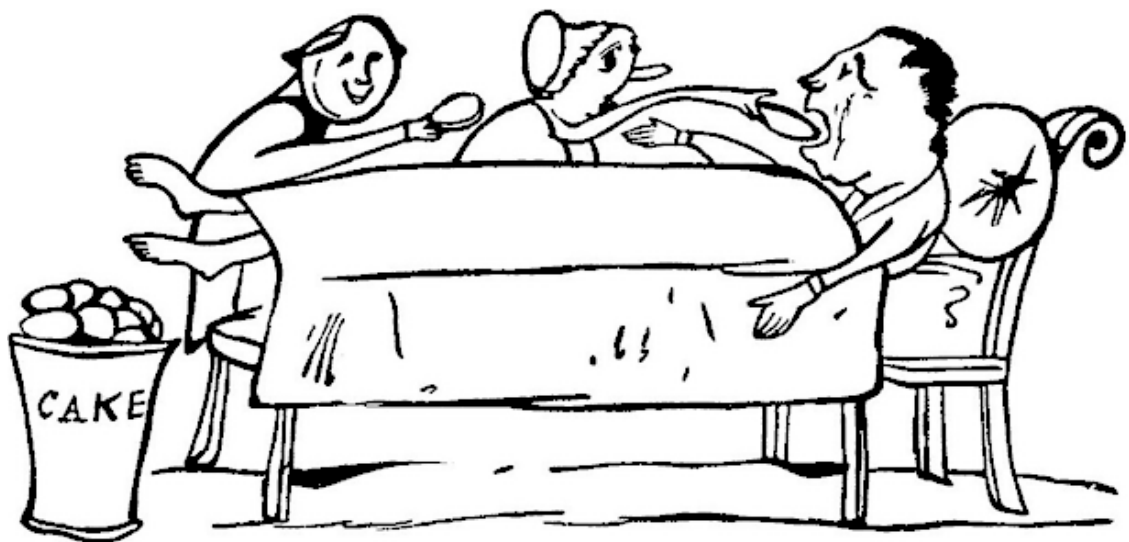
There was an Old Man of the South,
Who had an immoderate mouth;
But in swallowing a dish,
That was quite full of fish,
He was choked, that Old Man of the South.

Был ротастый старик, житель Юга,
С пастью в виде огромного круга;
Но, пихая туды
Блюдо рыбной еды,
Подавился старик, житель Юга.

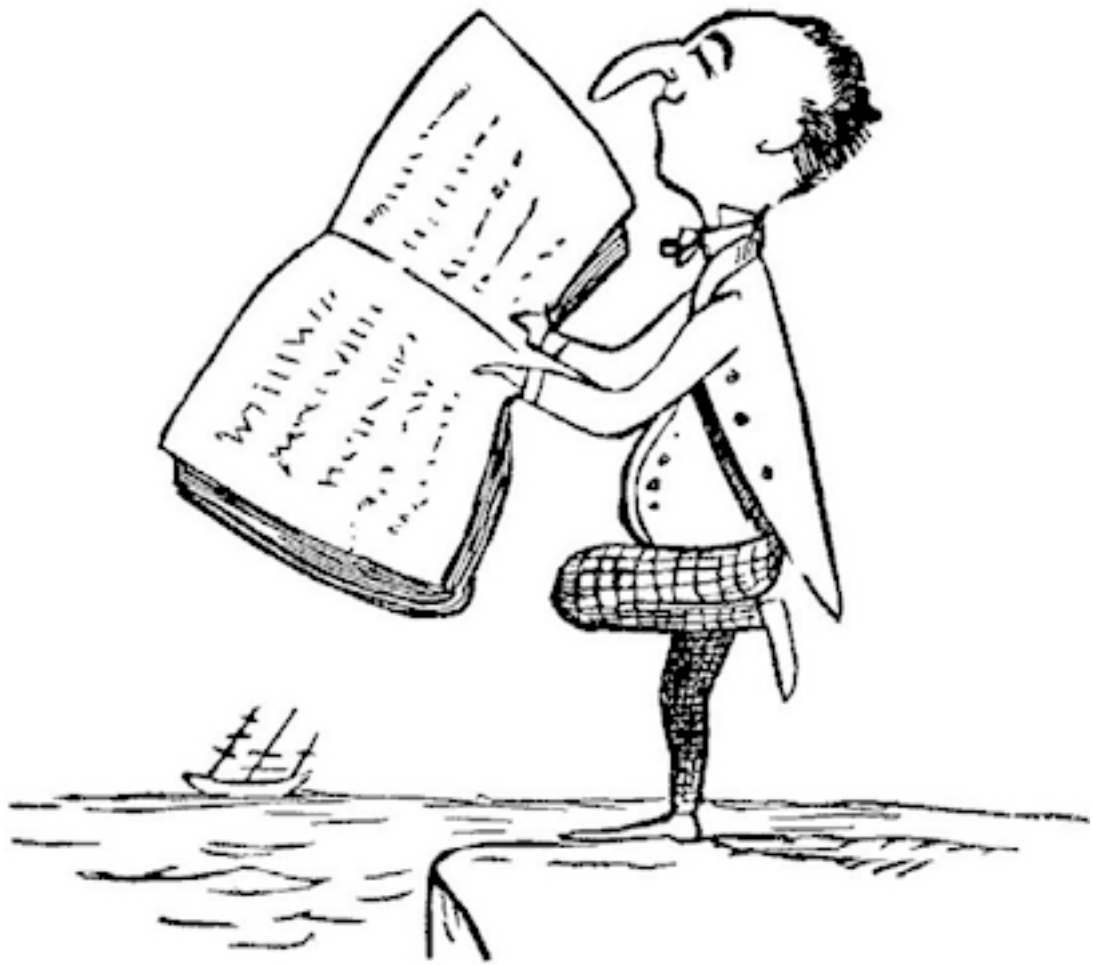
There was an Old Man of the Nile,
Who sharpened his nails with a file,
Till he cut off his thumbs,
And said calmly, 'This comes
Of sharpening one's nails with a file!

Был старик там, где плещется Нил,
Он напильником ногти пилил,
А как стал восьмипал,
Хладнокровно сказал:
«Зря напильником ногти пилил!»

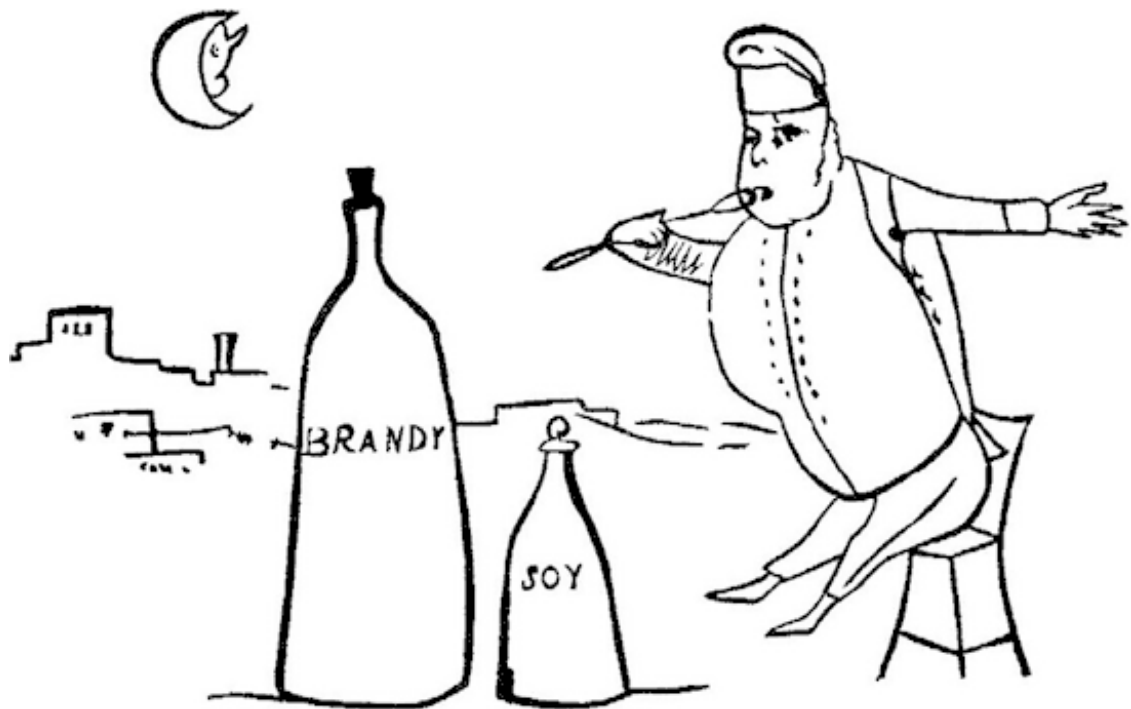
There was an Old Person of Rheims,
Who was troubled with horrible dreams;
So, to keep him awake,
They fed him on cake,
Which amused that Old Person of Rheims.

Впечатлительный старец из Реймса
Видел в снах лишь кошмары да зверства;
Чтоб взбодрить и развлечь,
Кексы начали печь,
Стали потчевать старца из Реймса.

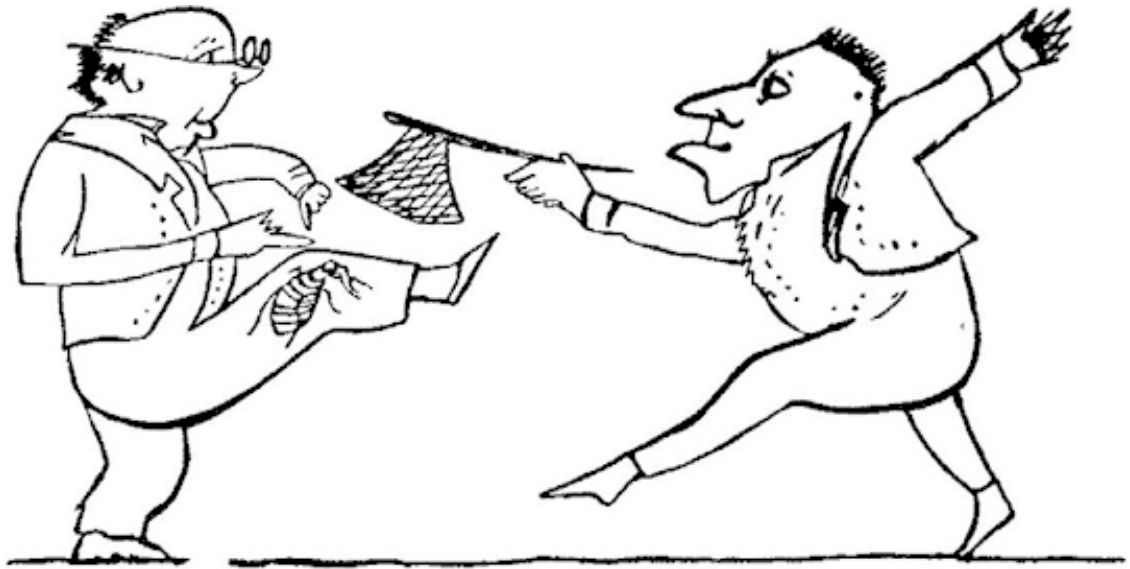
There was an Old Person of Cromer,
Who stood on one leg to read Homer;
When he found he grew stiff,
He jumped over the cliff,
Which concluded that Person of Cromer.

Был один старичок из Кромера,
В позе цапли читавший Гомера;
Но когда он затёк
От макушки до ног,
Прыгнул в море старик из Кромера.

There was an Old Person of Troy,
Whose drink was warm brandy and soy,
Which he took with a spoon,
By the light of the moon,
In sight of the city of Troy.

Некий старец из города Трои
Тёплый бренди и соус из сои
Лил в столовую ложку
И вкушал понемножку
При луне на окраине Трои.

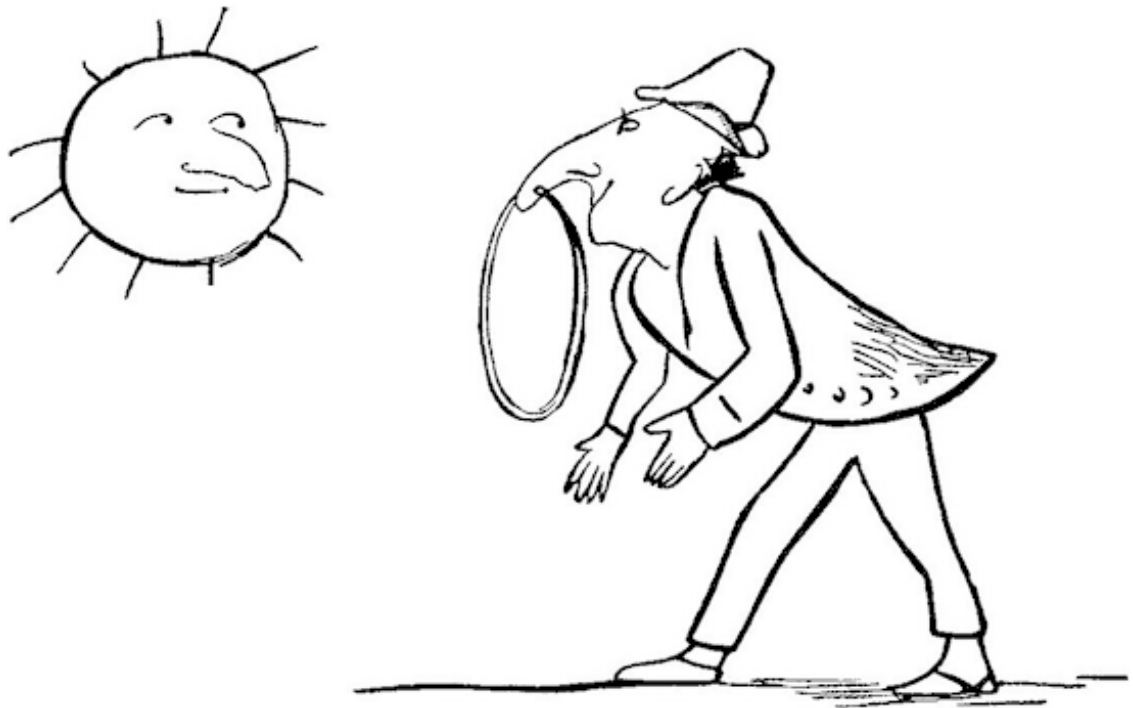
There was an Old Man of the Dee,
Who was sadly annoyed by a flea;
When he said, 'I will scratch it,
They gave him a hatchet,
Which grieved that Old Man of the Dee.

Был старик из окрестностей Ди
Донимаем блохою, поди;
Он сказал: «Дам отпор!»
Протянули топор,
Горько старцу в окрестностях Ди.

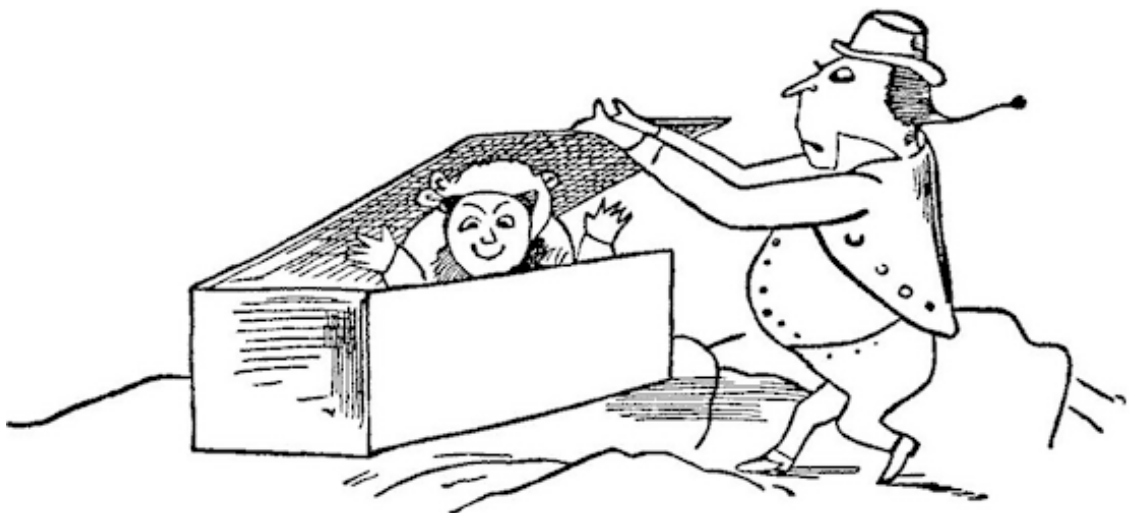
There was an Old Man of Dundee,
Who frequented the top of a tree;
When disturbed by the crows,
He abruptly arose,
And exclaimed, 'I'll return to Dundee.

Примостился старик из Данди
На тенистых ветвях, ты гляди;
Загалдели вороны,
И с насиженной кроны
Закричал он: «Скорее в Данди!»

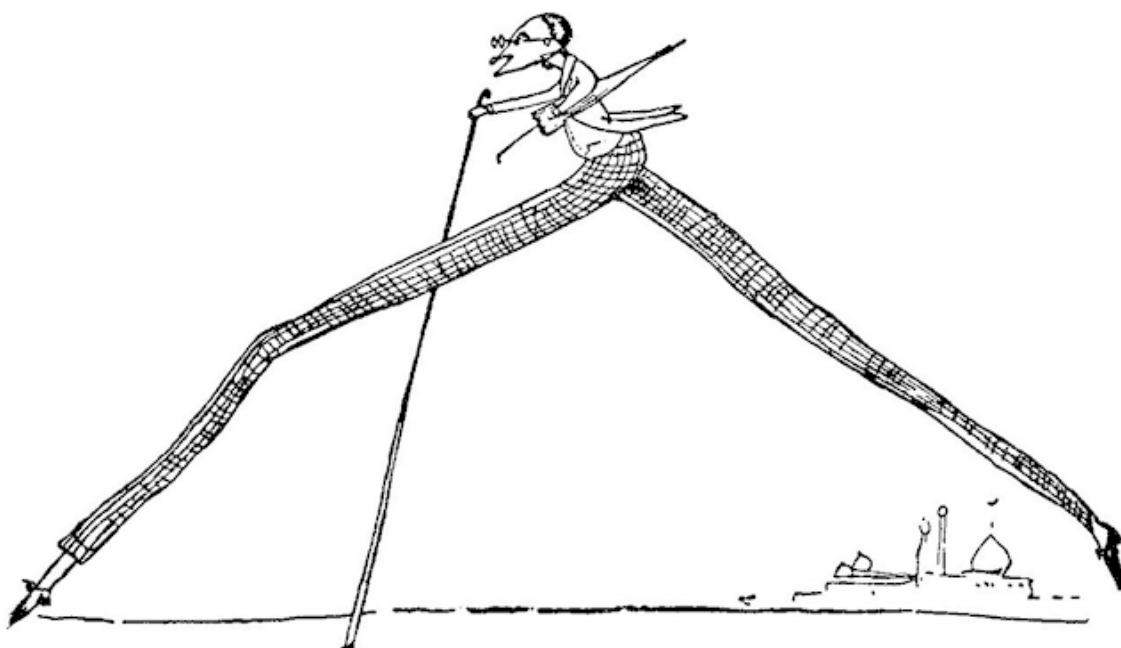
There was an Old Person of Tring,
Who embellished his nose with a ring;
He gazed at the moon
Every evening in June,
That ecstatic Old Person in Tring.

Жил-был старец из города Тринг,
В нос просунул кольцо сей старинг;
И порою ночной
Любоваться луной
Экстатический бегал старинг.

There was an Old Man on some rocks,
Who shut his wife up in a box;
When she said, 'Let me out!
He exclaimed, 'Without doubt,
You will pass all your life in that box.

Жил на скалах старик вдалеке,
Он супругу закрыл в сундуке;
А на все её пени
Отвечал: «Без сомнений,
Ты всю жизнь просидишь в сундуке».

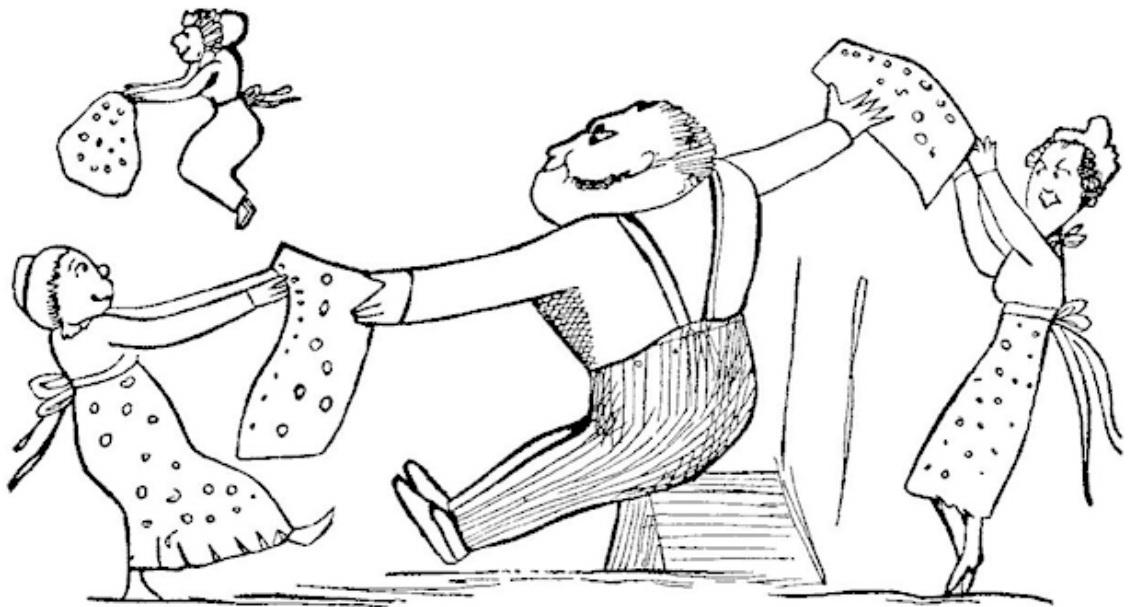
There was an Old Man of Coblenz,
The length of whose legs was immense;
He went with one prance
From Turkey to France,
That surprising Old Man of Coblenz.

Долгоногий старик из Кобленца
Был горазд на такие коленца:
Прыгнет раз и, глядишь,
Из Стамбула в Париж
Угодил попрыгун из Кобленца.

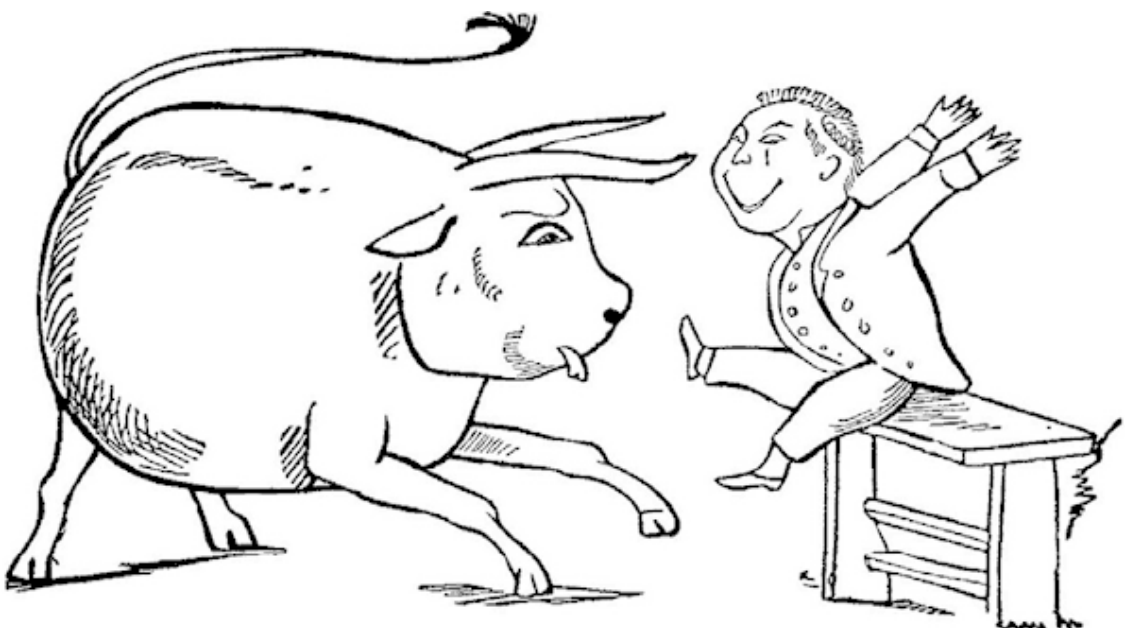
There was an Old Man of Calcutta,
Who perpetually ate bread and butter;
Till a great bit of muffin,
On which he was stuffing,
Choked that horrid Old Man of Calcutta.

Бутерброды старик из Калькутты
Непрестанно жевал почему-тты,
И погожим деньком
Подавился куском
Тёплой сдобы едун из Калькутты.

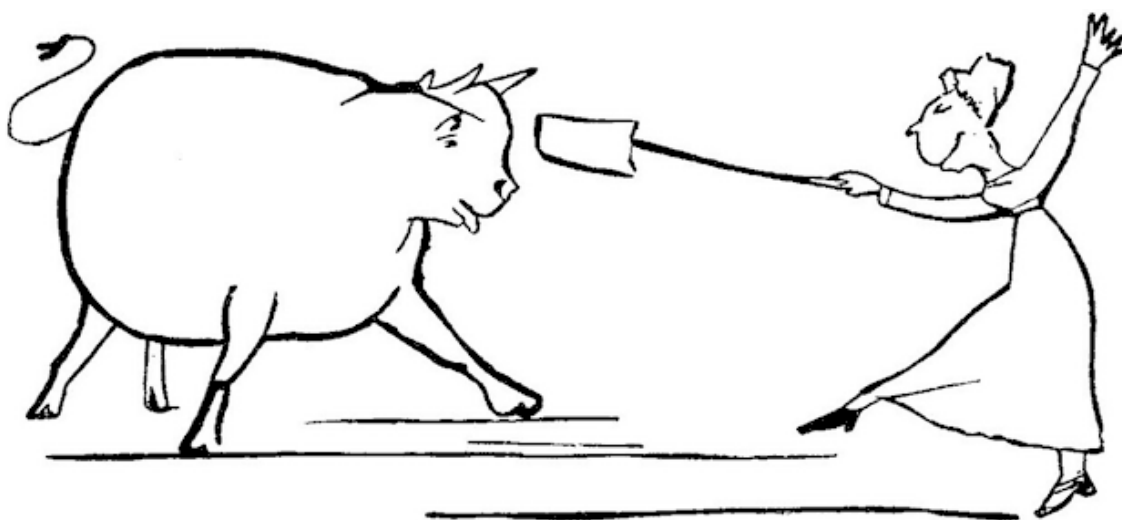
There was an Old Man in a pew,
Whose waistcoat was spotted with blue;
But he tore it in pieces,
To give to his Nieces,
That cheerful Old Man in a pew.

На церковной скамье некий дед
Разорвал свой нарядный жилет;
Эти пёстрые клочья
Раздарить, мол, не прочь я
Трёх племянницам, сказывал дед.

There was an Old Man who said, 'How
Shall I flee from that horrible Cow?
I will sit on this stile,
And continue to smile,
Which may soften the heart of that Cow.

Был старик, рассуждавший здорово:
«Как спастись от бодливой коровы?
Примощусь на заборе,
Улыбаясь, и вскоре
Умягчу этим сердце коровы».

There was a Young Lady of Hull,
Who was chased by a virulent Bull;
But she seized on a spade,
And called out, 'Who's afraid?
Which distracted that virulent Bull.

Услыхала девица из Халла
Бугая за спиною, нахалла;
Хвать лопату девица:
«Ну, – кричит, – кто боится?»
Чем немало смутила нахалла.

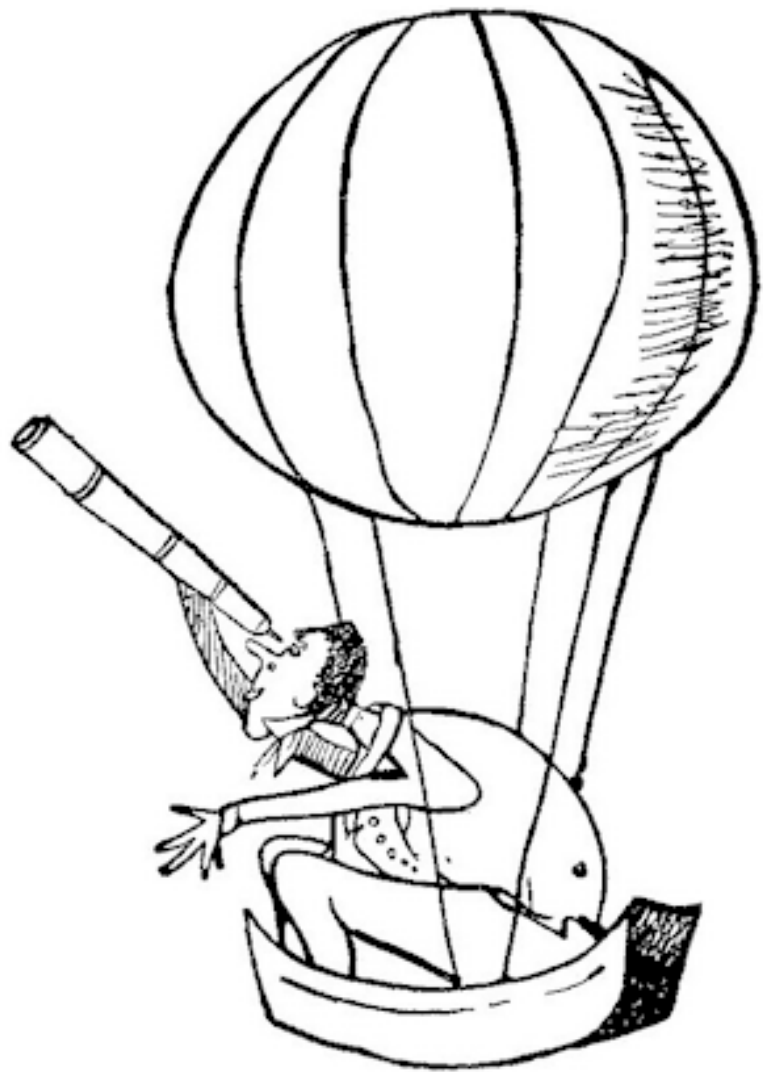
There was an Old Man of Whitehaven,
Who danced a quadrille with a Raven;
But they said, 'It's absurd
To encourage this bird!
So they smashed that Old Man of Whitehaven.

Пригласил старичок из Уайтхэвена
На кадрили чёрна ворона, эвона;
Все кричат: «Да ведь он
Поощряет ворон!»
Сокрушён старичок из Уайтхэвена.

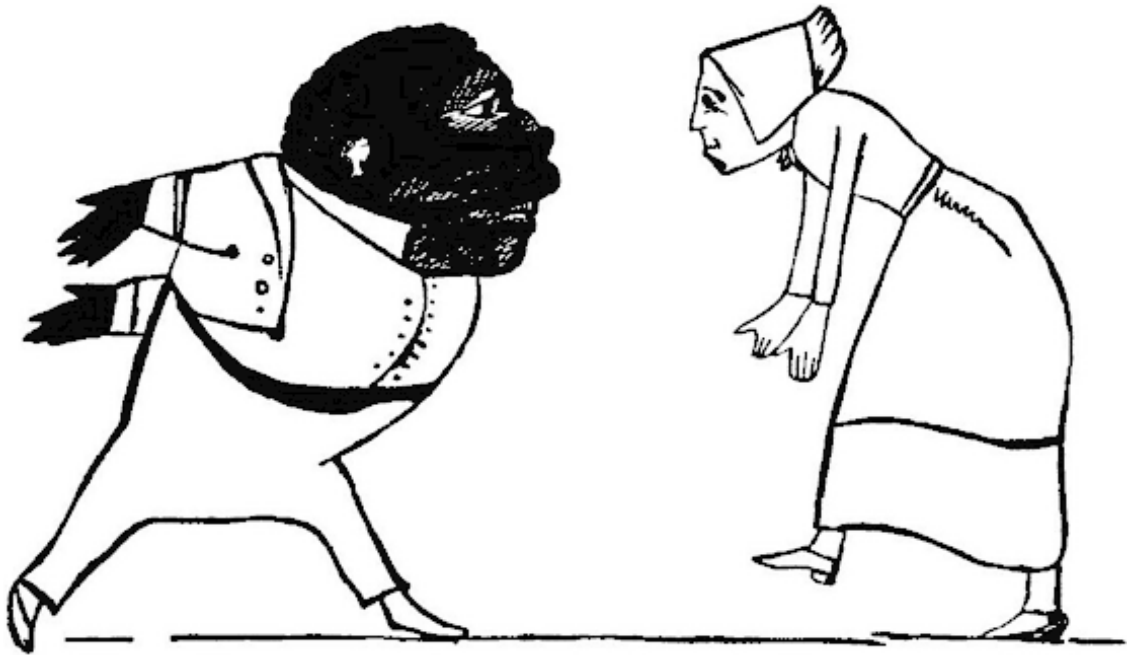
There was an Old Man of Leghorn,
The smallest that ever was born;
But quickly snapped up he
Was once by a Puppy,
Who devoured that Old Man of Leghorn.

Был один старичок из Ливорно,
Самый крошечный в мире, бесспорно;
Но какой-то щенок
Раз его подстерёг
И сожрал старичка из Ливорно.

There was an Old Man of the Hague,
Whose ideas were excessively vague;
He built a balloon,
To examine the moon,
That deluded Old Man of the Hague.

Иллюзорный старик из Гааги
Сделал шар из тряпья и бумаги;
Воспарил в вышину
И взирал на луну
Тот подзорный старик из Гааги.

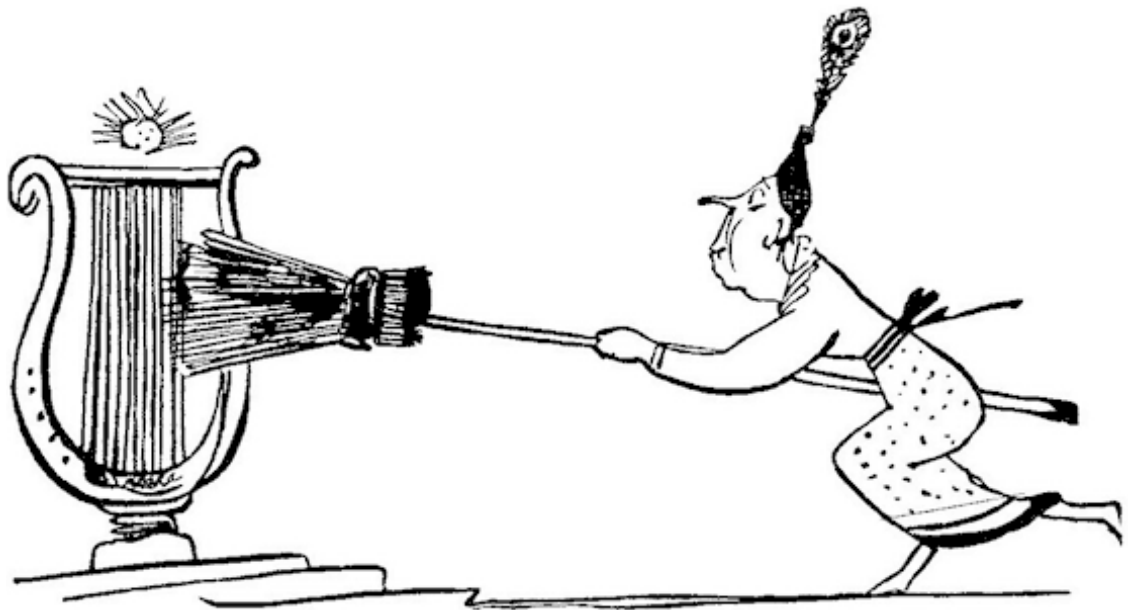
There was an Old Man of Jamaica,
Who suddenly married a Quaker;
But she cried out, 'O lack!
I have married a black!
Which distressed that Old Man of Jamaica.

Жизнь связал старикашка с Ямайки
С юной квакершею без утайки;
Та воскликнула вдруг:
«Чёрен ликом супруг!»,
Огорчив молодожёна с Ямайки.

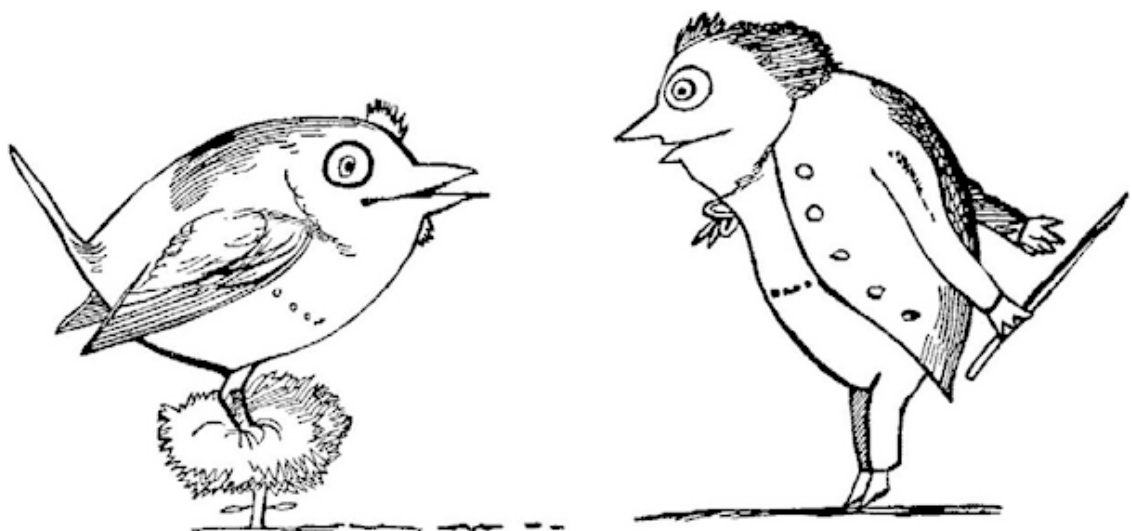
There was an Old Person of Dutton,
Whose head was as small as a button;
So, to make it look big,
He purchased a wig,
And rapidly rushed about Dutton.

Головёнка у старца из Даттона
Столь мала, что почти не видна-тт она;
Приобрёл сей старик
Пышнокудрый парик
И носился по улицам Даттона.

There was a Young Lady of Tyre,
Who swept the loud chords of a lyre;
At the sound of each sweep
She enraptured the deep,
And enchanted the city of Tyre.

Моложавая дама из Тиру
Обметала метёлкою лиру;
И проворные руки,
Выметавшие звуки,
Чаровали насельников Тиру.

There was an Old Man who said, 'Hush!

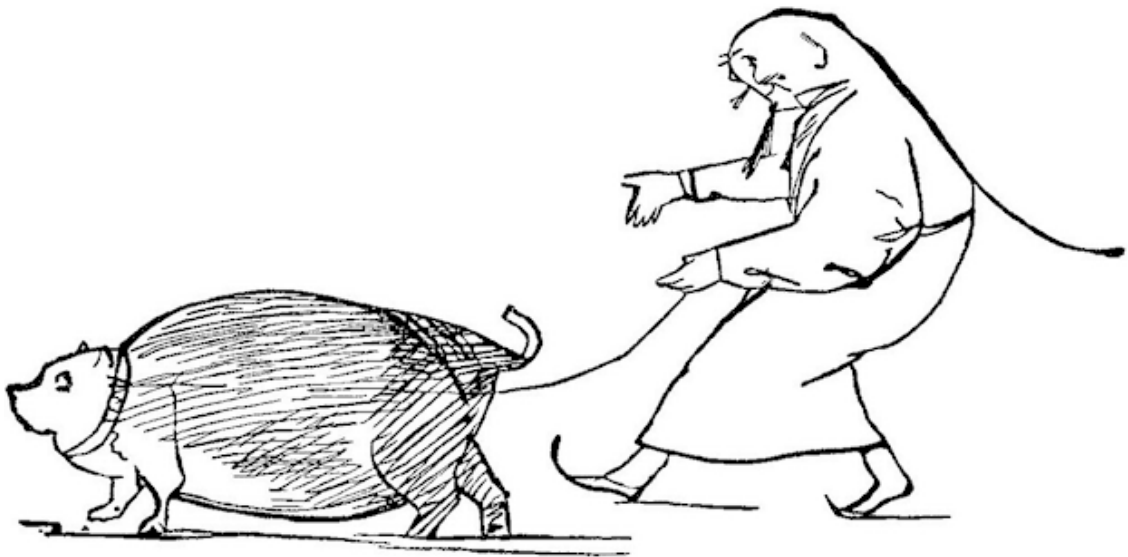
I perceive a young bird in this bush!
When they said, 'Is it small?
He replied, 'Not at all!
It is four times as big as the bush!

Старичок призывал к тишине: «Тсс!
На кусте притаился птене-тсс!»
«Птенчик, знать, невелик?»
«Чушь! – ответил старик. —
Как четыре куста, сей птене-тсс!»

There was an Old Man of the East,
Who gave all his children a feast;
But they all ate so much,
And their conduct was such
That it killed that Old Man of the East.

На пиру у папаши с Востока
Чада съели и выпили стока,
Так вели себя в зале,
Что вконец истерзали
И преставили старца с Востока.

There was an Old Man of Kamschatka,
Who possessed a remarkable fat Cur;
His gait and his waddle
Were held as a model
To all the fat dogs in Kamschatka.

У почтенного старца с Камчатки
Пёс на редкость вальяжный и гладкий;
Внешний вид и походка
Этой псины – находка,
Образец для собак на Камчатке.

There was an Old Man of the Coast,
Who placidly sat on a post;
But when it was cold,
He relinquished his hold,
And called for some hot buttered toast.

Вдальсмотрящий старик с побережья
На столбе восседал в безмятежии;
Но когда холодало,
Столб тогда покидал он,
Тосты с маслом заказывал свежие.

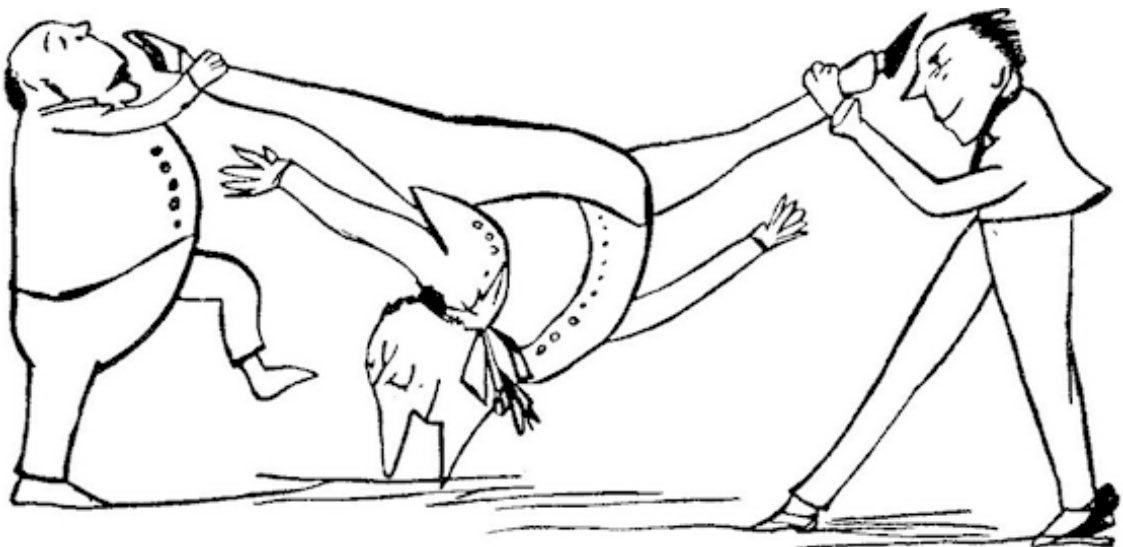
There was an Old Person of Bangor,
Whose face was distorted with anger;
He tore off his boots,
And subsisted on roots,
That borascible Person of Bangor.

Злоба пылкому старцу из Бэнгора
Исказила лицо, исковеркала;
С ног сорвал сапожки
И жевал корешки
Боразибельный старец из Бэнгора.

There was an Old Man with a beard,
Who sat on a Horse when he reared;
But they said, 'Never mind!
You will fall off behind,
You propitious Old Man with a beard!

Конь под старцем с большой бородой
На дыбки – ни тудой, ни суюдой;
Все кричали: «Умора!
Опрокинешься скоро,
Благосклонный старик с бородой!»

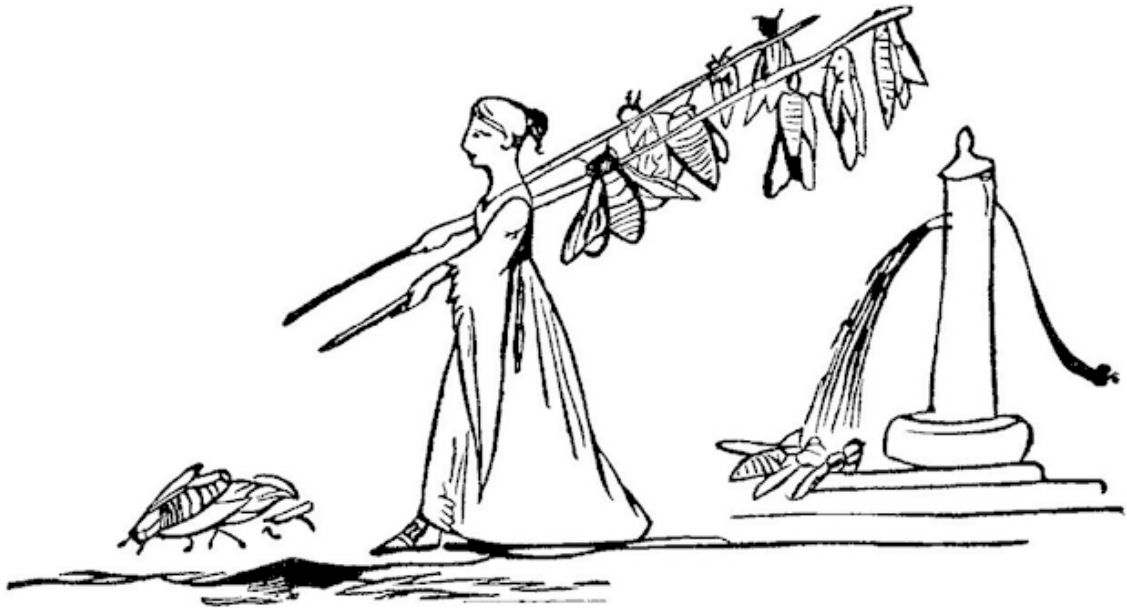
There was an Old Man of the West,
Who never could get any rest;
So they set him to spin
On his nose and chin,
Which cured that Old Man of the West.

Был на Западе старец-невротик;
Вставши на нос и на подборотик,
Он вращался, покой
При поддержке людской
Обретал в этом старый невротик.

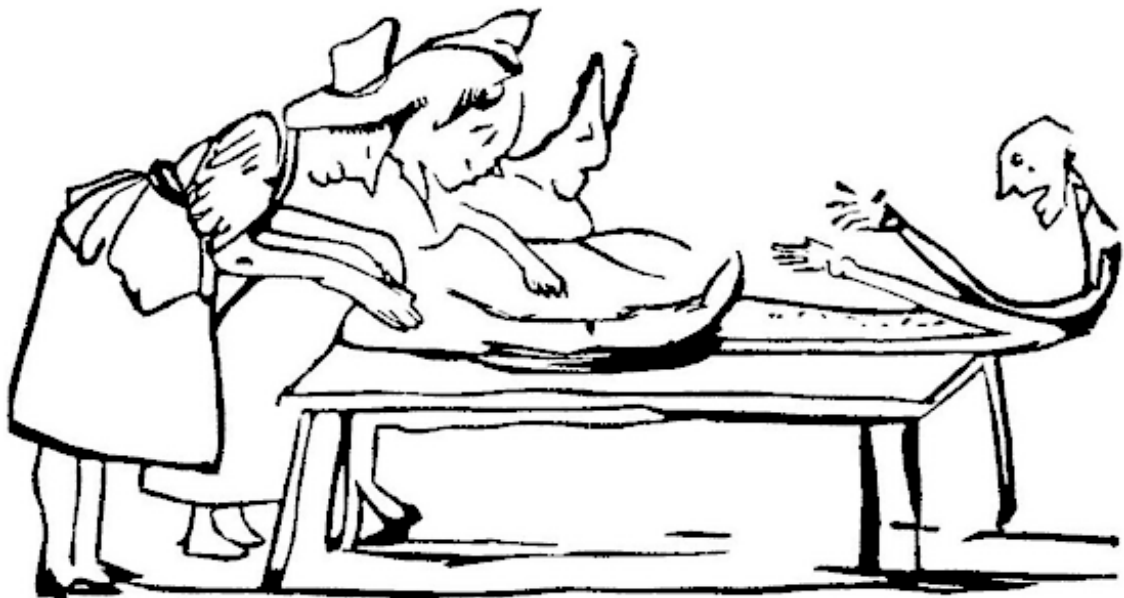
There was an Old Person of Anerley,
Whose conduct was strange and unmannerly;
He rushed down the Strand
With a Pig in each hand,
But returned in the evening to Anerley.

Разухабистый старец из Анерли
По широкому Странду, не странно ли,
Бегал ветра шальней,
Подхватив двух свиней,
Но под вечер вернулся он в Анерли.

There was a Young Lady of Troy,
Whom several large flies did annoy;
Some she killed with a thump,
Some she drowned at the pump,
And some she took with her to Troy.

Докучали девице из Трои
Жирных мух оголтелые рои;
Этих – палкой убила,
Тех – в воде утопила,
А последних доставила в Трою.

There was an Old Man of Berlin,
Whose form was uncommonly thin;
Till he once, by mistake,
Was mixed up in a cake,
So they baked that Old Man of Berlin.

Был один старичок из Берлина,
Чрезвычайно субтильный мужчина;
По ошибке, безгрешен,
В пироге был замешен,
Запечён старичон из Берлина.

There was an Old Person of Spain,

Who hated all trouble and pain;
So he sate on a chair,
With his feet in the air,
That umbrageous Old Person of Spain.

Ненавидел старик из Испании
Треволнения и трестрадания;
Восседа, экий нрав,
Кверху ноги задрал,
Жизнесидкий старик из Испании.

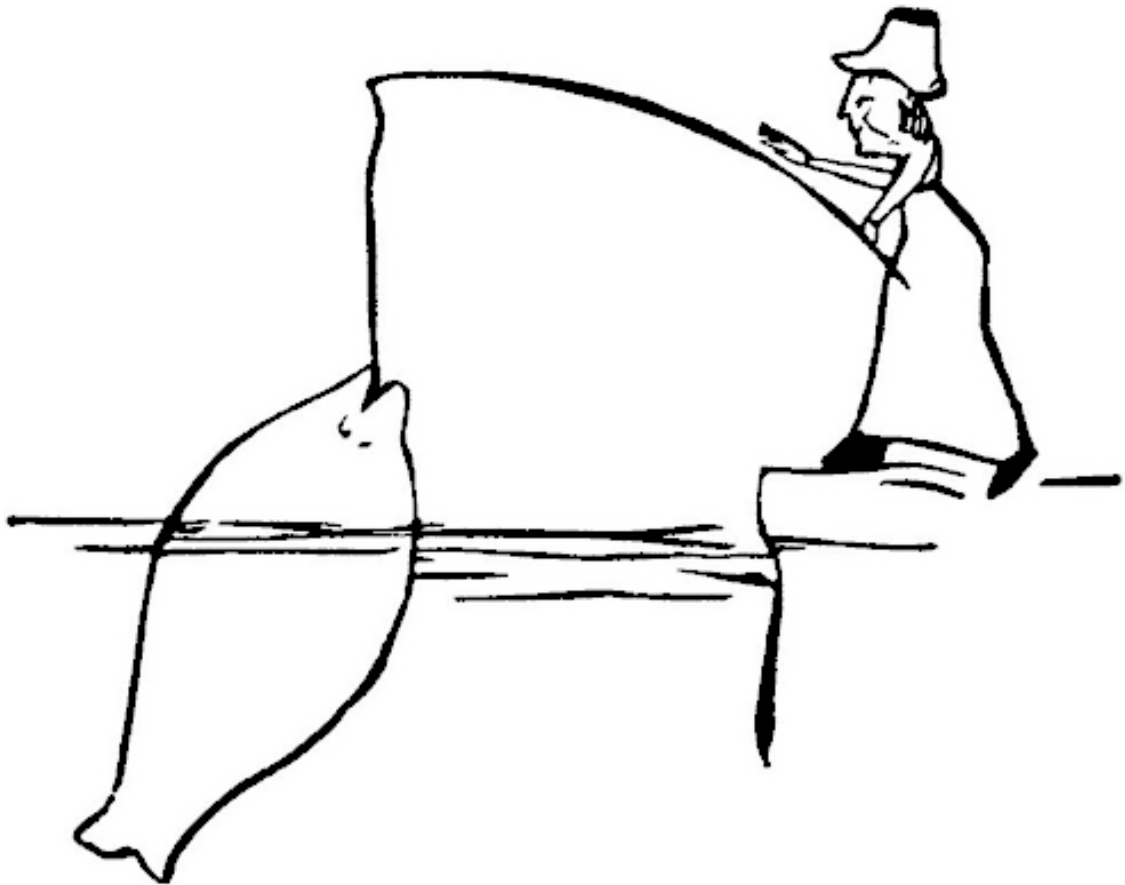
There was a Young Lady of Russia,
Who screamed so that no one could hush her;
Her screams were extreme,
No one heard such a scream
As was screamed by that Lady of Russia.

Голосила девица в России,
Сколь умолкнуть её ни просили;
Слушать не было сил,
Сроду не горлосил
Так никто, как девица в России.

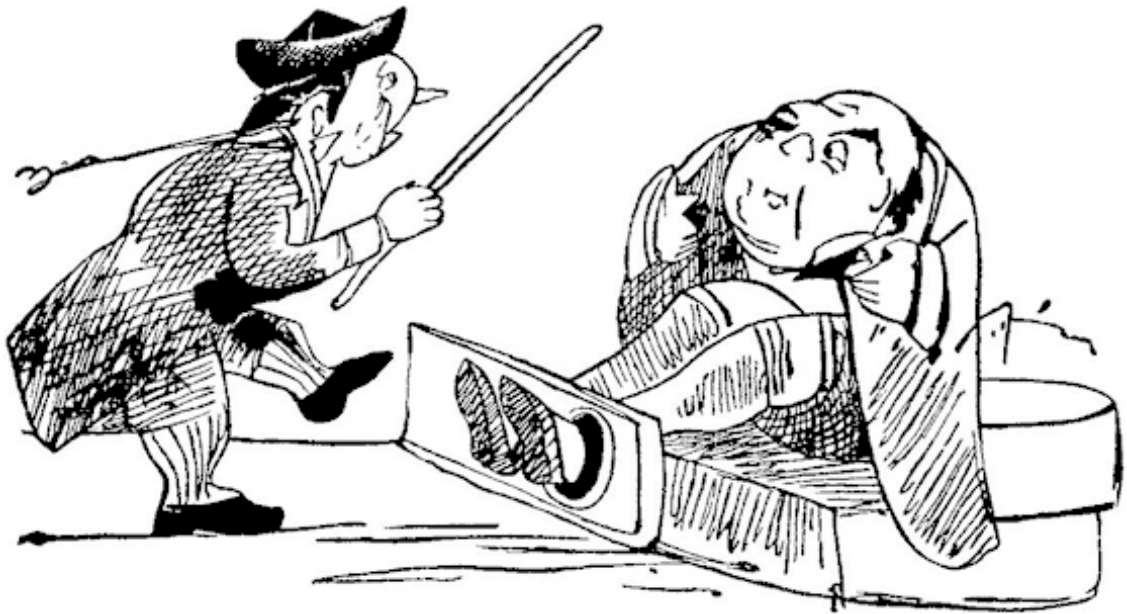
There was an Old Man who said, 'Well!
Will nobody answer this bell?
I have pulled day and night,
Till my hair has grown white,
But nobody answers this bell!

Был старик, он сказал: «А теперь,
Не откроет ли кто-нибудь дверь?
Я звоню дни и ночи,
Стал седым, но не хочет
Мне никто отворять эту дверь!»

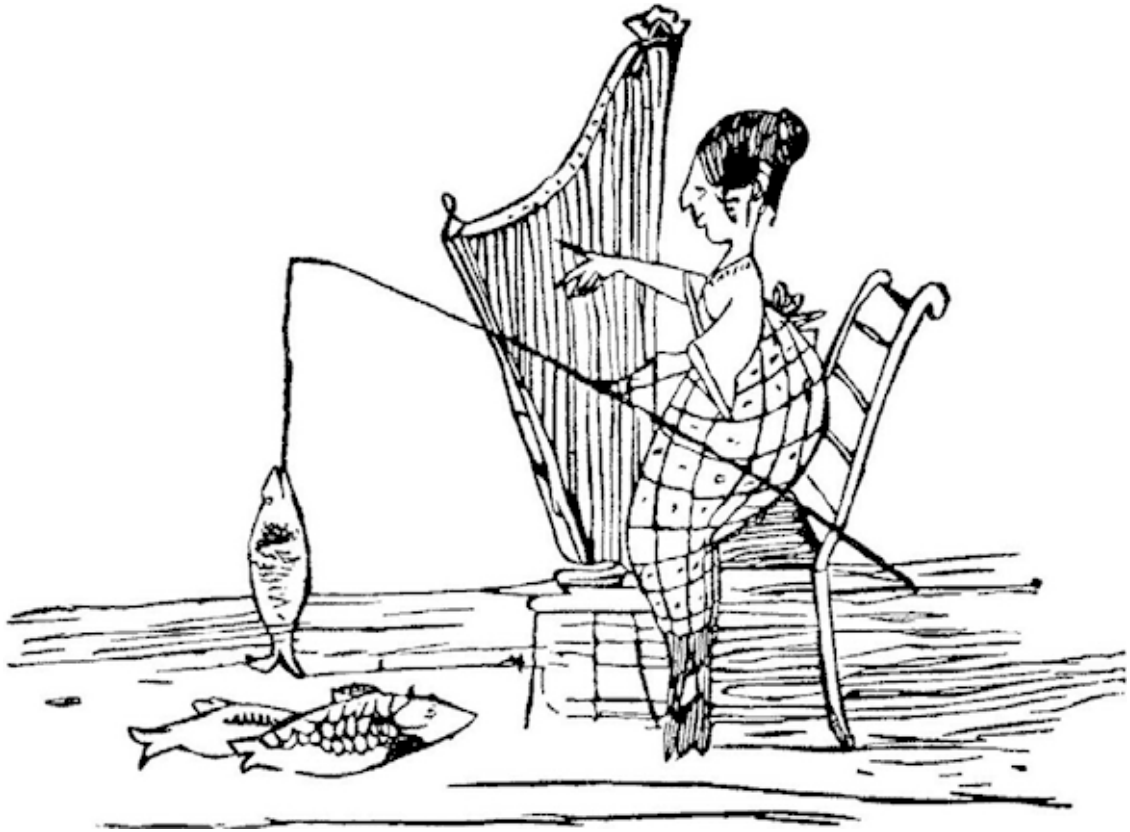
There was a Young Lady of Wales,
Who caught a large Fish without scales;
When she lifted her hook,
She exclaimed, 'Only look!
That ecstatic Young Lady of Wales.

Изловила девица из Уэльса
Окунька – бесчешуйное тельце;
Вынув рыбку из вод,
Закричала: «Ну вот!» —
Экстатичная дева из Уэльса.

There was an Old Person of Cheadle,
Who was put in the stocks by the beadle
For stealing some pigs,
Some coats, and some wigs,
That horrible Person of Cheadle.

Некий старец из города Чидла
Был в колодки забит волей бидла,
Воровал, говорят,
Парики, поросят
И пальто злостный старец из Чидла.

There was a Young Lady of Welling,
Whose praise all the world was a-telling;
She played on a harp,
And caught several
Carp,
That accomplished Young Lady of Welling.

Совершенной девицей из Веллина
Восторгался весь мир, будто веллено;
Ведь пиесы для арфы
И ужение карпов
Совмещала девица из Веллина.

There was an Old Person of Tartary,
Who divided his jugular artery;
But he screeched to his wife,
And she said, 'Oh, my life!
Your death will be felt by all Tartary!

Полоснул старичок из Тартарии
Тесачком да по сонной артерии,
И воззвал он к жене;
Ну а та: «Горе мне!
Горе всей безутешной Тартарии!»

There was an Old Person of Chester,
Whom several small children did pester;
They threw some large stones,

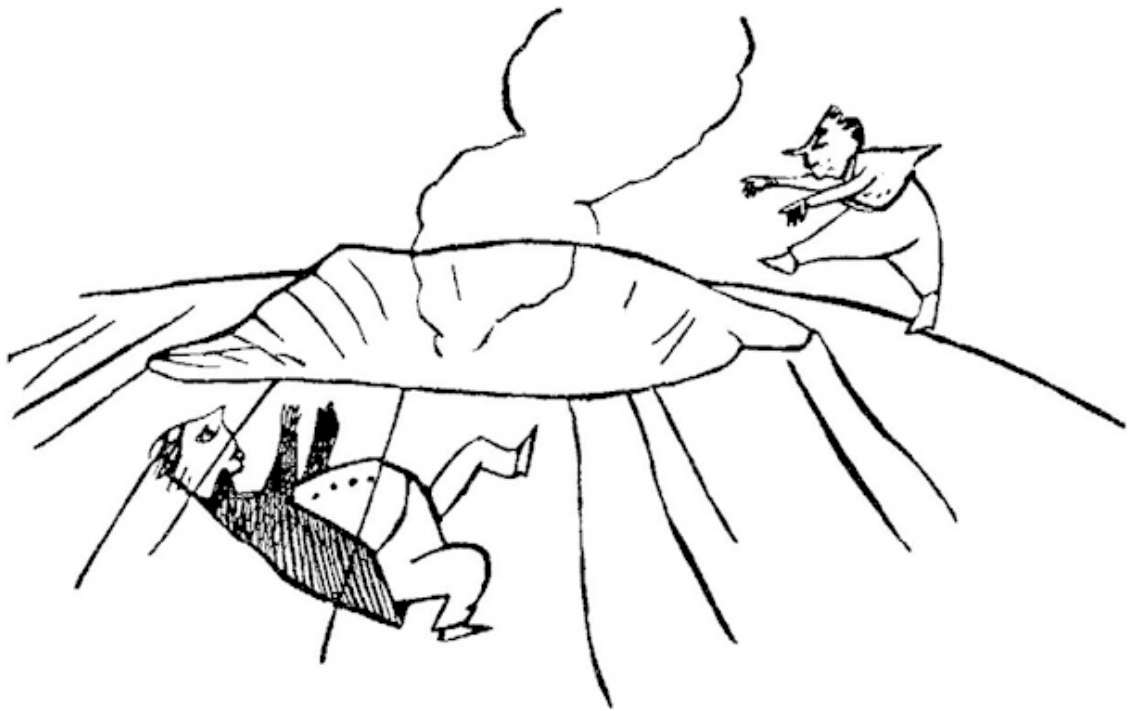
Which broke most of his bones,
And displeased that Old Person of Chester.

Был старик, так детишки из Честера
Покусились на жизнь и на честь его;
Хоть малы, тем не менее
Размозжили камнями,
Огорчив старикашку из Честера.

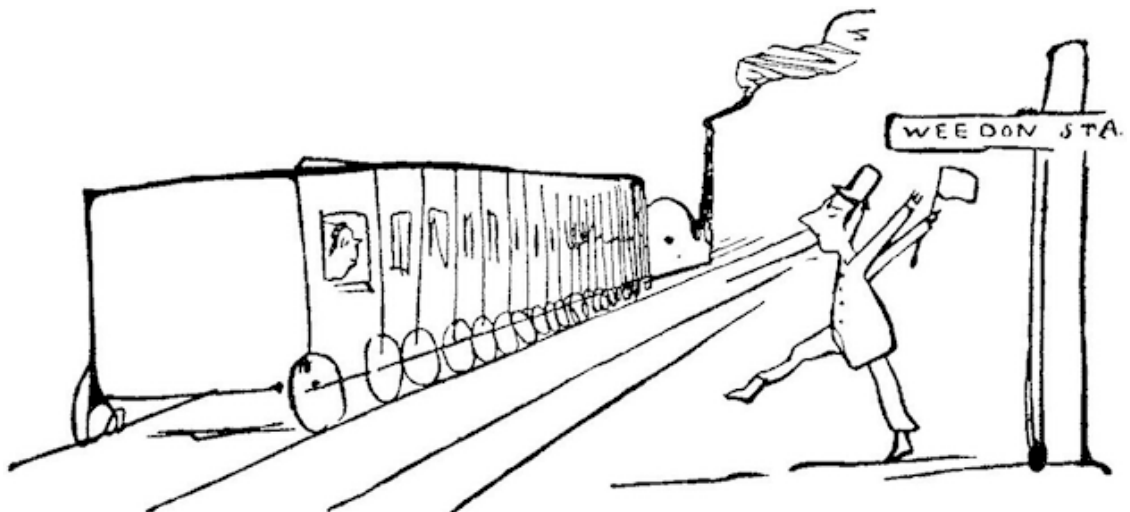
There was an Old Man with an Owl,
Who continued to bother and howl;
He sat on a rail,
And imbibed bitter ale,
Which refreshed that Old Man and his Owl.

Был один старикашка с совой;
Постоянно сидел сам не свой,
Примостясь на заборе,
И в печали и горе
Горький эль пил на пару с совой.

There was an Old Person of Gretna,
Who rushed down the crater of Etna;
When they said, 'Is it hot?
He replied, 'No, it's not!
That mendacious Old Person of Gretna.

Жил да был некий старец из Гретны,
Что однажды упал в кратер Этны.
«Там не жарко, скажи?»
Сильно склонный ко лжи,
«Да ничуть!» – молвил старец из Гретны.

There was a Young Lady of Sweden,
Who went by the slow train to Weedon;
When they cried, 'Weedon Station!
She made no observation,
But thought she should go back to Sweden.

Как-то дева из Швеции (Свидена)
Села в поезд, идущий до Видона;
Но доехав до Видона,
Дева, где это видона,
Села в поезд, идущий до Свидена.

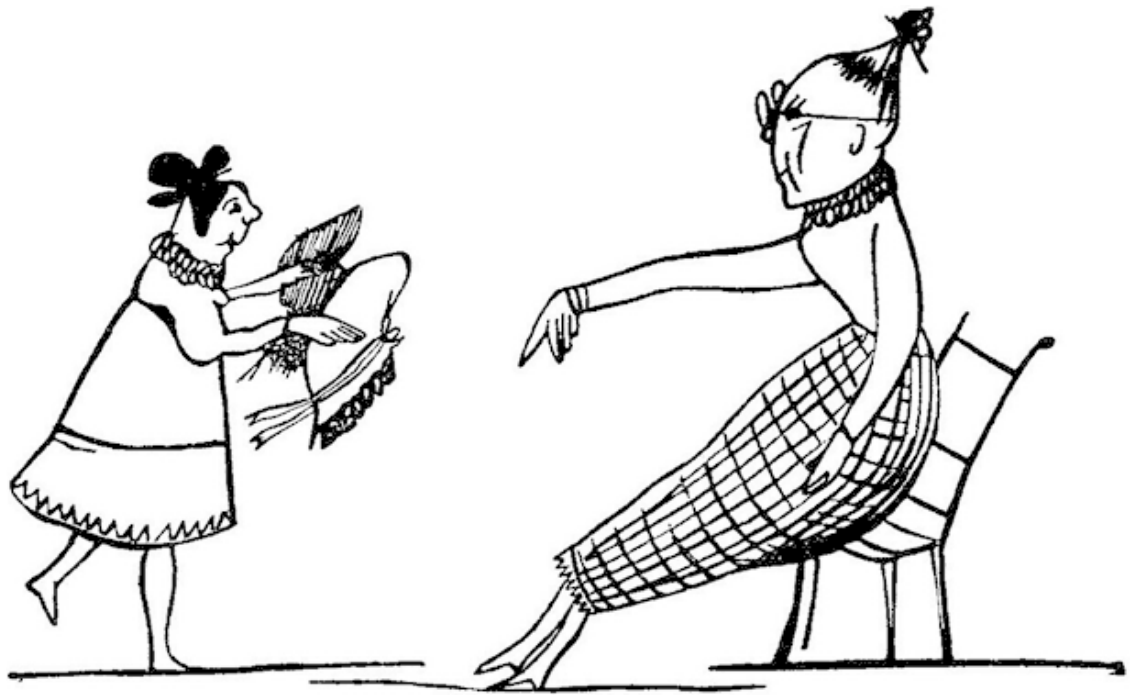
There was a Young Girl of Majorca,
Whose aunt was a very fast walker;
She walked seventy miles,
And leaped fifteen stiles,
Which astonished that Girl of Majorca.

Тётка юной особы с Майорки
Быстро бегала в горку и с горки;
Одолела миль сорок
И пятнадцать заборов
К удивленью девицы с Майорки.

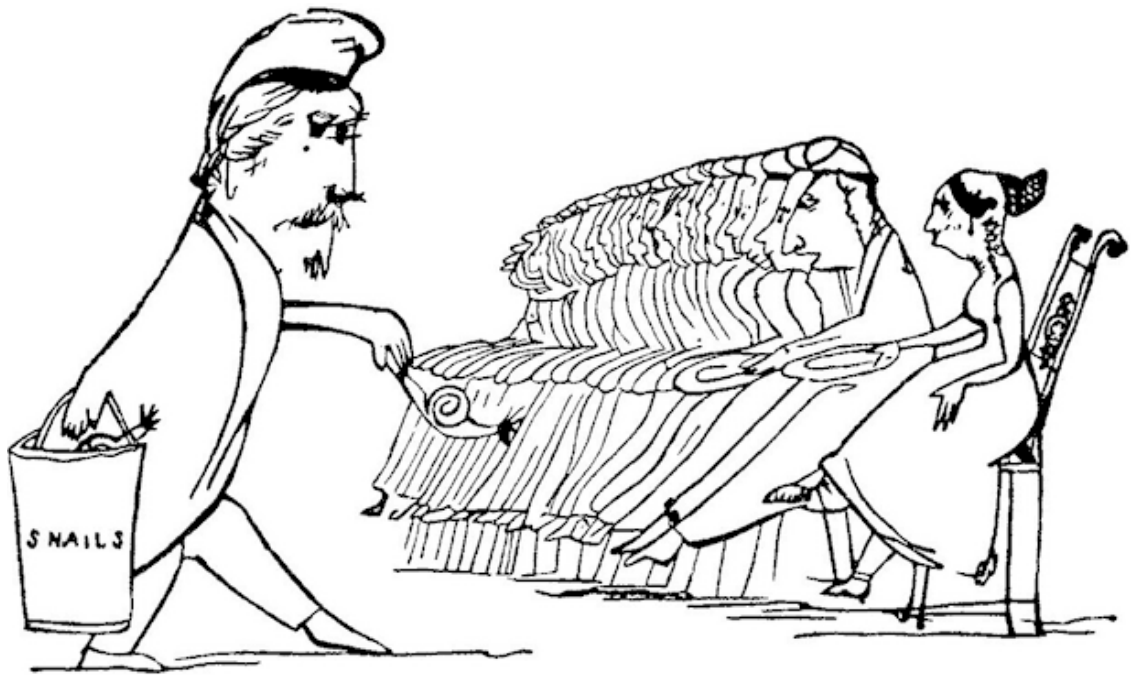
There was an Old Man of the Cape,
Who possessed a large Barbary Ape,
Till the Ape, one dark night,
Set the house all alight,
Which burned that Old Man of the Cape.

Приобрёл старичок, житель Мыса,
Обезьяна, без всякого смысла;
Ночью сей гамадрил
Дом его подпалил,
И сгорел старичок, житель Мыса.

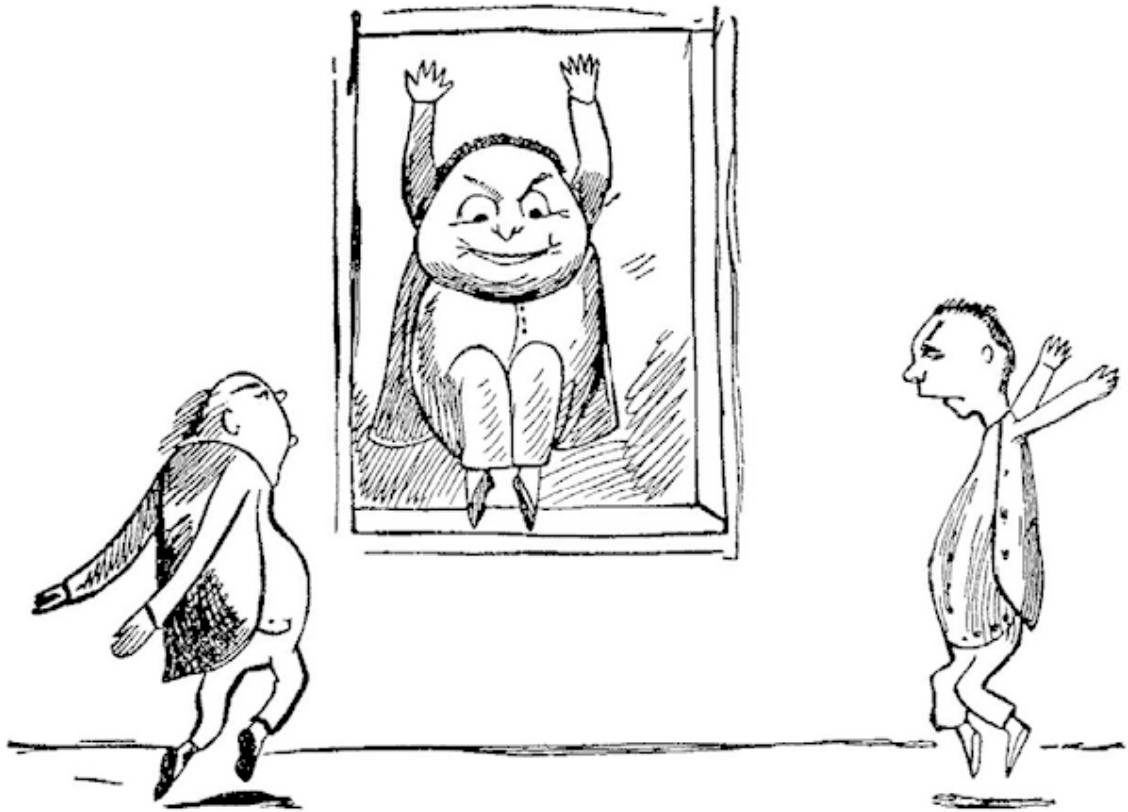
There was an Old Lady of Prague,
Whose language was horribly vague;
When they said, 'Are these caps?
She answered, 'Perhaps!
That oracular Lady of Prague.

У туманной старушки из Праги
Что ни слово – витки и зигзаги;
Коль спросить осторожно:
«Это шляпки?» – «Возможно!» —
Отвечает оракул из Праги.

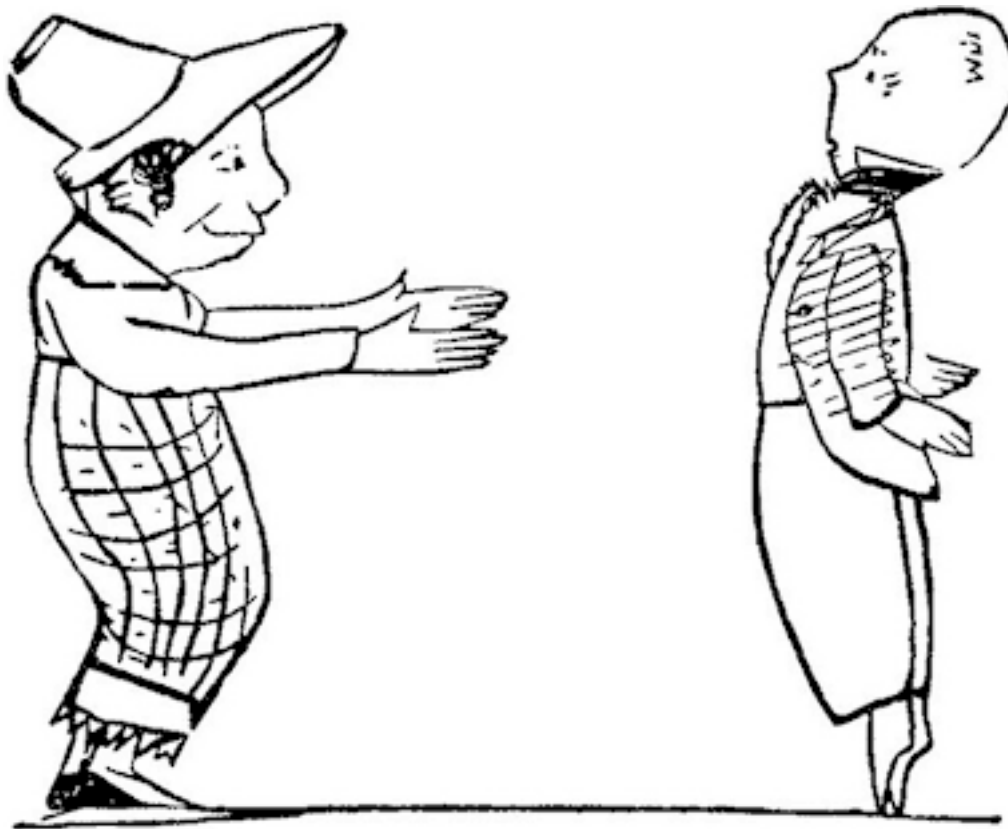
There was an Old Person of Sparta,
Who had twenty-five sons and one daughter;
He fed them on snails,
And weighed them in scales,
That wonderful Person of Sparta.

У персонного жителя Спарты
Дочь одна и сынов двадцать пять ртов;
Окормляя улитками,
На весы стать велит он им,
Восхитительный старец из Спарты.

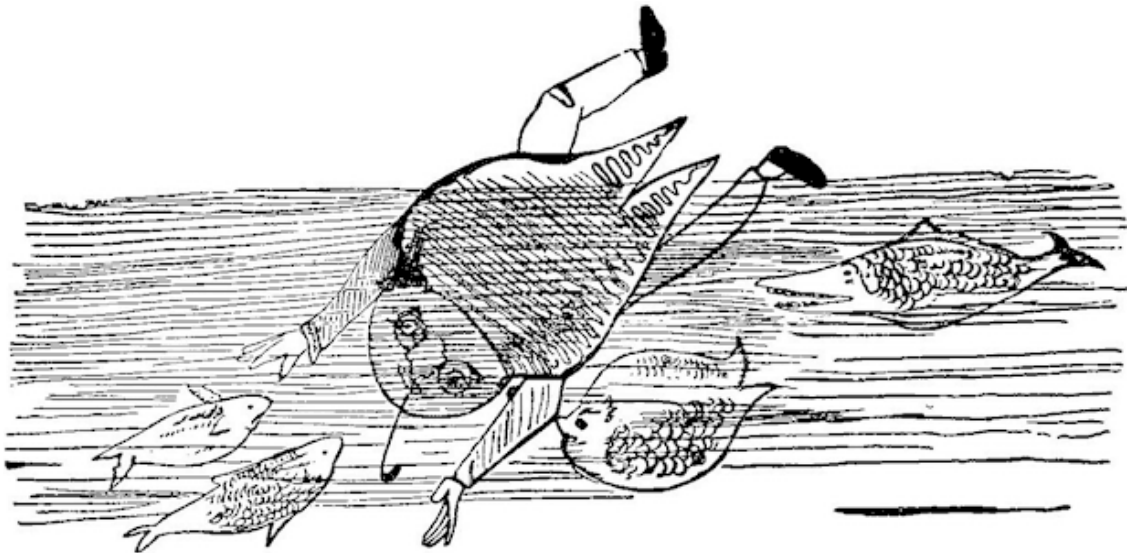
There was an Old Man at a casement,
Who held up his hands in amazement;
When they said, 'Sir, you'll fall!
He replied, 'Not at all!
That incipient Old Man at a casement.

Примостившись в проёме оконном,
Старец руки воздел изумлённо.
«Сэр, к чему этот риск!»
«Вздор!» – ответил стариск,
Падкий старец в проёме оконном.

There was an Old Person of Burton,
Whose answers were rather uncertain;
When they said, 'How d'ye do?
He replied, 'Who are you?
That distressing Old Person of Burton.

Некий старец из города Бёртона
Отвечал на вопросы увёртанно;
Вы ему: «Жив-здоров?»
Он: «А ты кто таков?»
Грубый старец из города Бёртона.

There was an Old Person of Ems,
Who casually fell in the Thames;
And when he was found,
They said he was drowned,
That unlucky Old Person of Ems.

Некий старец из города Эмза
По оплошности с берега Темзы
Повалился как сноп;
Изловили – утоп
Незадачливый старец из Эмза.

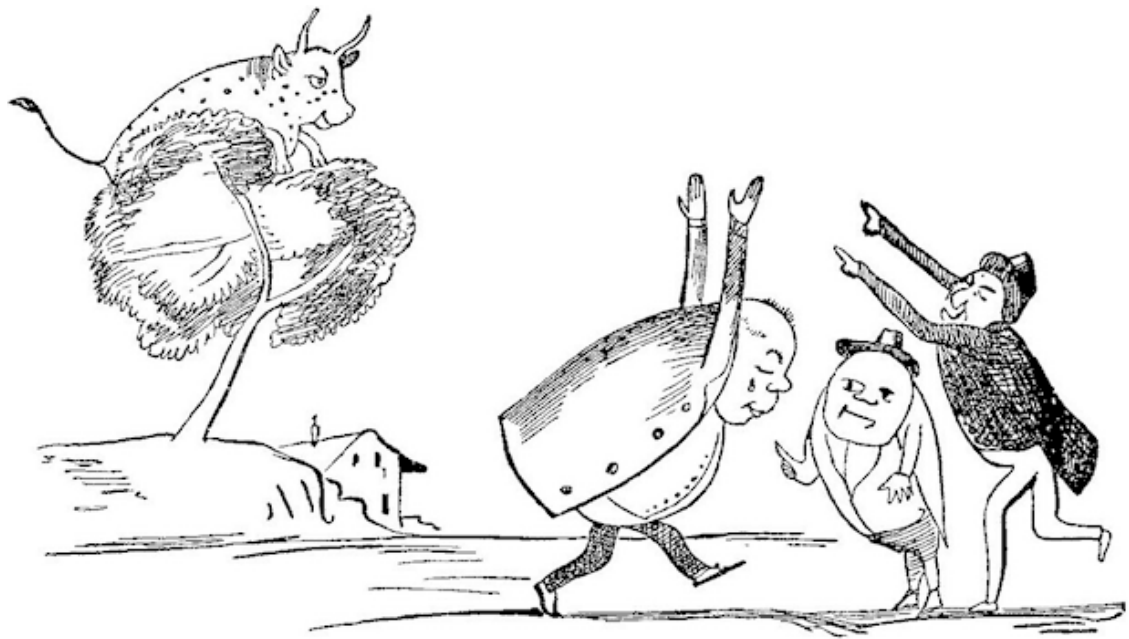
There was an Old Person of Ewell,
Who chiefly subsisted on gruel;
But to make it more nice,
He inserted some mice,
Which refreshed that Old Person of Ewell.

Пожилая персона из Юэлла
Ела кашу, когда голод чуялла;
А чтоб было свежей,
Кашу парой мышей
Заправляла персона из Юэлла.

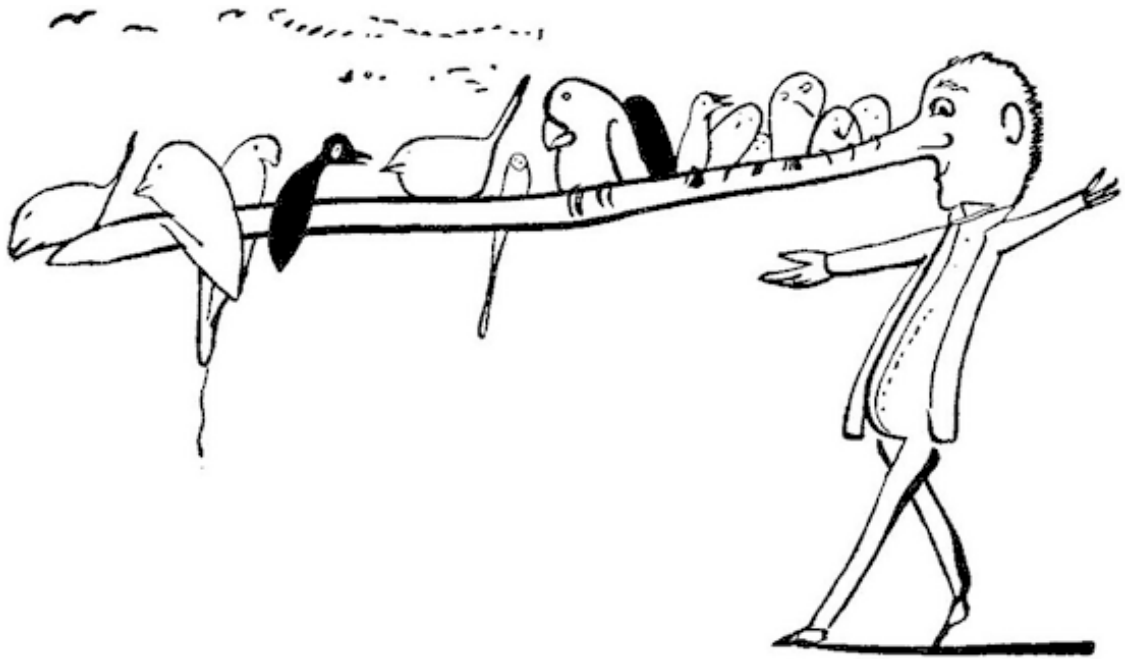
There was a Young Lady of Parma,
Whose conduct grew calmer and calmer;
When they said, 'Are you dumb?
She merely said, 'Hum!
That provoking Young Lady of Parma.

Тихомирная дева из Пармы,
Не лишённая этакой шармы,
На вопрос: «Вы немы?»
Только хмыкала: «Хмы!»,
Провоцируя жителей Пармы.

There was an Old Man of Aosta,
Who possessed a large Cow, but he lost her;
But they said, 'Don't you see
She has rushed up a tree?
You invidious Old Man of Aosta!

Был покинут старик из Аосты
Коровёнкой своей вертихвостой;
Все кричат: «Старина!
Ведь на древе она!
Иль не видишь, нахал из Аосты!»

There was an Old Man, on whose nose
Most birds of the air could repose;
But they all flew away
At the closing of day,
Which relieved that Old Man and his nose.

На носу старика-долгоноста
Помещалось легко пташек до ста;
Но когда эти стаи
На ночлег улетали,
Облегченье испытывал нос-то.

There was a Young Lady of Clare,
Who was sadly pursued by a Bear;
When she found she was tired,
She abruptly expired,
That unfortunate Lady of Clare.

Убегала девица из Клера
От медведя большого размера;
Испытала усталость
И внезапно скончалась
Разнесчастная дева из Клера.

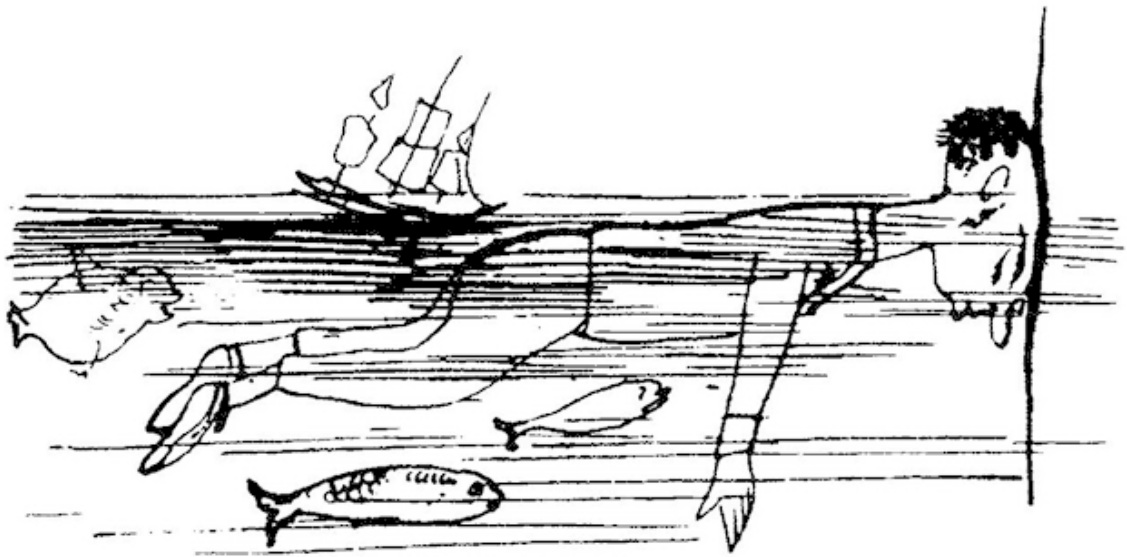
There was an Old Man of Kildare,
Who climbed into a very high chair;
When he said, 'Here I stays
Till the end of my days,
That immovable Man of Kildare.

Говорил старичок из Килдера,
Сидя в кресле высотном сверх меры:
«Не покину сей трон
До скончанья времён!»
Недвижимый старик из Килдера.

There was an Old Man of New York,
Who murdered himself with a fork;
But nobody cried,
Though he very soon died,
For that silly Old Man of New York.

Был один старичок из Нью-Йорка;
Он пырнул себя вилкой, но горько
Там никто не рыдал,
Хоть тотчас дуба дал
Тот чудной старичок из Нью-Йорка.

There was an Old Sailor of Compton,
Whose vessel a rock it once bump'd on;
The shock was so great,
That it damaged the pate
Of that singular Sailor of Compton.

Жил-был старый моряк, житель Комптона,
О скалу его судно раскокано;
А удар был такой —
Повредился башкой
Тот моряк небывалый из Комптона.

**Nonsense Songs, Stories,
Botany, and Alphabets, 1871
Бестолковые песни, истории,
ботаника и азбуки, 1871**

The Owl and the Pussy-Cat

I

The Owl and the Pussy-Cat went to sea
In a beautiful pea-green boat,
They took some honey, and plenty of money,
Wrapped up in a five pound note.
The Owl looked up to the stars above,
And sang to a small guitar,
'O lovely Pussy! O Pussy my love,
What a beautiful Pussy you are,
You are,
You are!
What a beautiful Pussy you are!

II

Pussy said to the Owl, 'You elegant fowl!
How charmingly sweet you sing!
O let us be married! too long we have tarried:
But what shall we do for a ring?
They sailed away, for a year and a day,
To the land where the Bong-tree grows;
And there in a wood a Piggy-wig stood,
With a ring at the end of his nose,
His nose,
His nose,
With a ring at the end of his nose.

III

'Dear Pig, are you willing to sell for one shilling
Your ring? Said the Piggy, 'I will.
So they took it away, and were married next day
By the Turkey who lives on the hill.
They dined on mince, and slices of quince,
Which they ate with a runcible spoon;
And hand in hand, on the edge of the sand,
They danced by the light of the moon,
The moon,

The moon,
They danced by the light of the moon.

Совёнок и Кошечка-Киска

I

Совёнок и Кошечка-Киска
На лодочке в море уплыли,
Кубышку деньжонок и мёду бочонок
В дорогу они захватили.
Совёнок запел под звездой ночной,
Гитарной струной звеня:
«О милая Киса! Любимая мной!
Нет прекраснее Кис для меня,
Меня,
Меня!
Нет прекраснее Кис для меня!»

II

И она не таится: «Вы видная птица!
С пленительно-нежным баском!
Пора пожениться! Довольно томиться —
Но где же кольцо мы возьмём?»
Иплыли они год и сутки одни,
И в Бонго-дремучем лесу,
В далёком краю, узрели Свинью
С блестящим колечком в носу,
Носу,
Носу,
С блестящим колечком в носу.

III

И к ней поспешили: «Отдайте за шиллинг
Колечко!» А Свинка: «Отдам».
И на завтра мил друг обвенчал их Индюк,
Что жил на холме где-то там.
И был обед, и фарш для котлет
И айву ели ложкой чудной;
В руке рука, у кромки песка
Плясали они под луной,
Луной,

Луной,
Плясали они под луной.

The Duck and The Kangaroo

I

Said the Duck to the Kangaroo,
'Good gracious! how you hop!
Over the fields and the water too,
As if you never would stop!
My life is a bore in this nasty pond,
And I long to go out in the world beyond!
I wish I could hop like you!'
Said the Duck to the Kangaroo.

II

'Please give me a ride on your back!'
Said the Duck to the Kangaroo.
'I would sit quite still, and say nothing but "Quack,"
The whole of the long day through!
And we'd go to the Dee, and the Jelly Bo Lee,
Over the land, and over the sea; —
Please take me a ride! O do!'
Said the Duck to the Kangaroo.

III

Said the Kangaroo to the Duck,
'This requires some little reflection;
Perhaps on the whole it might bring me luck,
And there seems but one objection,
Which is, if you'll let me speak so bold,
Your feet are unpleasantly wet and cold,
And would probably give me the roo —
Matiz!' said the Kangaroo.

IV

Said the Duck, 'As I sate on the rocks,
I have thought over that completely,
And I bought four pairs of worsted socks
Which fit my web-feet neatly.
And to keep out the cold I've bought a cloak,
And every day a cigar I'll smoke,
All to follow my own dear true
Love of a Kangaroo!'

V

Said the Kangaroo, 'I'm ready!

All in the moonlight pale;
But to balance me well, dear Duck, sit steady!
And quite at the end of my tail!’
So away they went with a hop and a bound,
And they hopped the whole world three times round;
And who so happy, – O who,
As the Duck and the Kangaroo?

Утка и Кенгуру

I

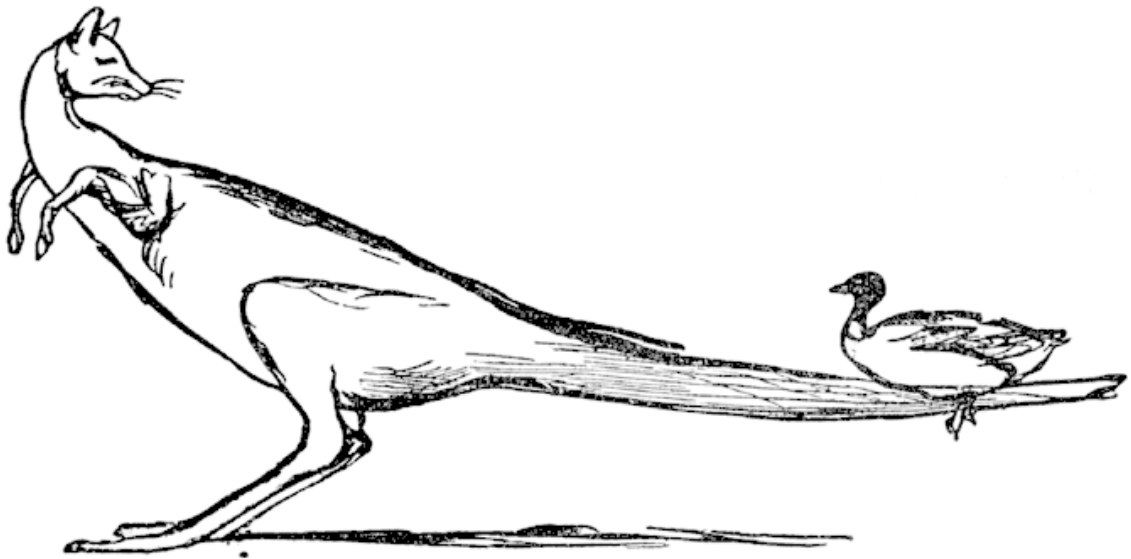
Утка крякнула Кенгуру:
«Мой бог! Как прытки вы!
По полю, заводи и бугру
Вы скачете! Я, увы,
Жизнь скучную в мелком веду пруду
И оказии вырваться жажду и жду:
Скакать, как вы, – по нутру», —
Утка крякнула Кенгуру.

II

«На спину взберусь втихаря, —
Утка крякнула Кенгуру, —
Ни словца, ни-ни, не скажу, кроме «кря»,
Ни утром, ни ввечеру;
Полетим мы стремглав к Ди и к Джелли-Бо-Ли,
Выше воды и выше земли;
Умчите меня – иль умру!» —
Утка крякнула Кенгуру.

III

Кенгуру отвечал так:
«Это требует размышленья.
Быть может, удачу сулит сей шаг,
Но видится возраженье,
В том, если будем с вами честны,
Что лапки у вас мокры, холодны,
Подхвачу ненароком я ру —
Матиз», — сказал Кенгуру.

IV

А Утка: «Средь скал и песков
Всё обдумала досконально:
Накупила потолще носков —
Сидят они идеально;
И купила пальто, чтоб грело в пути,
И добрых сигар хочу я найти;
Из любви эти меры беру
К милому Кенгуру».

V

В ответ Кенгуру: «Ждёт дорога,
В небе луна чиста;
Но ради баланса держитесь строго
Конца моего хвоста».
И пустились они по прямой и кривой,
Обскакав троекрат шар земной.
И кто счастливей в миру,
Чем Утка и Кенгуру?

The Daddy Long-legs and the Fly

I

Once Mr. Daddy Long-legs,
Dressed in brown and gray,
Walked about upon the sands
Upon a summer's day;
And there among the pebbles,
When the wind was rather cold,
He met with Mr. Floppy Fly,
All dressed in blue and gold.
And as it was too soon to dine,
They drank some Periwinkle-wine,
And played an hour or two, or more,
At battlecock and shuttledore.

II

Said Mr. Daddy Long-legs
To Mr. Floppy Fly,
'Why do you never come to court?
I wish you'd tell me why.
All gold and shine, in dress so fine,
You'd quite delight the court.
Why do you never go at all?
I really think you ought!
And if you went, you'd see such sights!
Such rugs! Such jugs! and candle-lights!
And more than all, the King and Queen,
One in red, and one in green!

III

'O Mr. Daddy Long-legs,
Said Mr. Floppy Fly,
'It's true I never go to court,
And I will tell you why.
If I had six long legs like yours,
At once I'd go to court!
But oh! I can't, because my legs

Are so extremely short.
And I'm afraid the King and Queen
(One in red, and one in green)
Would say aloud, "You are not fit,
You Fly, to come to court a bit!"

IV

'O Mr. Daddy Long-legs,
Said Mr. Floppy Fly,
'I wish you'd sing one little song!
One mumbian melody!
You used to sing so awful well
In former days gone by,
But now you never sing at all;
I wish you'd tell me why:
For if you would, the silvery sound
Would please the shrimps and cockles round,
And all the crabs would gladly come
To hear you sing, "Ah, hum di Hum"!

V

Said Mr. Daddy Long-legs,
'I can never sing again!
And if you wish, I'll tell you why,
Although it gives me pain.
For years I cannot hum a bit,
Or sing the smallest song;
And this the dreadful reason is,
My legs are grown too long!
My six long legs, all here and there,
Oppress my bosom with despair;
And if I stand, or lie, or sit,
I cannot sing one little bit!

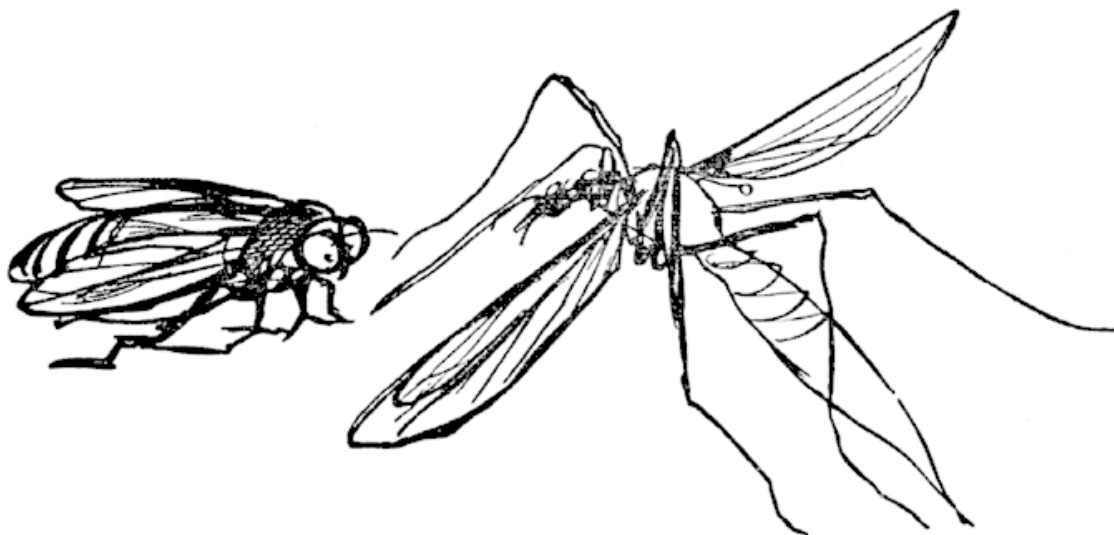
VI

So Mr. Daddy Long-legs
And Mr. Floppy Fly
Sat down in silence by the sea,
And gazed upon the sky.

They said, 'This is a dreadful thing!
The world has all gone wrong,
Since one has legs too short by half,
The other much too long!
One never more can go to court,
Because his legs have grown too short;
The other cannot sing a song,
Because his legs have grown too long!

VII

Then Mr. Daddy Long-legs
And Mr. Floppy Fly
Rushed downward to the foamy sea
With one sponge-taneous cry;
And there they found a little boat,
Whose sails were pink and gray;
And off they sailed among the waves,
Far, and far away.
They sailed across the silent main,
And reached the great Gromboolian plain;
And there they play for evermore
At battlecock and shuttledoor.

Комар-долгоног и Муха-жик

I

Раз мистер Комар-долгоног,
В буро-сером своём,
По прибрежному шёл песку
Невзрачным летним днём.
И там средь голышей
При колючем ветре том
Глядь – мистер Муха-жик идёт,
Весь в сине-золотом.
К обеду выпили до дна
Бутыль цветочного вина
И долго резались потом
То ль в воланбол, то ль в волантон.

II

Вдруг мистер Комар-долгоног
Спросил у Мух-жика:
«Что ж при дворе вас не видать?
Прошу ответьте-ка.
Такой наряд пленяет взгляд,
Он создан для двора.
Зачем не ходите туда?
Пора, давно пора!
Там блеск такой, что жаль очей!
Ковры! И кубки! Жар свечей!
И Королевская Чета,
Тот – в красном, и в зелёном – Та!»

III

«О мистер Комар-долгоног, —
Мух-жик в ответ ему, —
Не приближаюсь ко двору,
Скажу вам почему.
Будь у меня шесть ваших ног,
Пойти я был бы рад!
Но не могу, увы – мои

Короче многократ!
И Королевская Чета
(Тот – в красном, и в зелёном – Та),
Боюсь, в сердцах воскликнут вслух:
«Не место при дворе для Мух!»

IV

«О мистер Комар-долгоног, —
Мух-жик добавил вдруг, —
Зумзутской песенкой своей
Мой усладите слух!
Ужасно славный голосок
Был дан вам одному,
Но больше не поёте вы,
Скажите почему;
Начнёте петь – хрустальный звук
Пленит креветок всех вокруг,
Моллюски, крабы приползут,
Чтоб лучше слышать «зум-зу-зут»!

V

А мистер Комар-долгоног:
«Не петь мне уж боле, нет!
А почему – открою вам,
Хоть это больно мне.
Давно не в силах пропищать
Я песенок простых;
А страшная причина вся
В размере ног моих!
Они и там, они и тут,
Торчат, растут, меня гнетут;
И стой, лежи или сиди —
Ни звука из твоей груди!»

VI

И мистер Комар-долгоног
И Мух, его собрат,
Уселись оба у воды,
Уставя в небо взгляд.

Рядили: «Форменный кошмар!
Испорчен мир, когда
Короткая нога – беда
И длинная – беда!
Тот – ко двору уж не ходок
Коротких по причине ног;
Другой – убил в себе певца,
Поскольку нет ногам конца!»

VII

Тут мистер Комар-долгоног
И мистер Муха-жик
В бурливый кинулись поток,
Издав фон-танный крик;
Там парусник чего-то ждал,
Был розов он и сер;
Комар забрался на него,
И Муха-жик подсел.
Отплыли и достичь смогли
Равнин Громбульянской земли;
Досель играют в крае том
То ль в воланболл, то ль в волантонн.

The Jumblies

I

They went to sea in a Sieve, they did,
In a Sieve they went to sea;
In spite of all their friends could say,
On a winter's morn, on a stormy day,
In a Sieve they went to sea!
And when the Sieve turned round and round,
And everyone cried, 'You'll all be drowned!'
They called aloud, 'Our Sieve ain't big,
But we don't care a button! we don't care a fig!
In a Sieve we'll go to sea!'
Far and few, far and few,
Are the lands where the Jumblies live;
Their heads are green, and their hands are blue,
And they went to sea in a Sieve.

II

They sailed away in a Sieve, they did,
In a Sieve they sailed so fast,
With only a beautiful pea-green veil
Tied with a riband by way of a sail,
To a small tobacco-pipe mast;
And everyone said, who saw them go,
'O won't they be soon upset, you know!
For the sky is dark, and the voyage is long,
And happen what may, it's extremely wrong
In a Sieve to sail so fast!'
Far and few, far and few,
Are the lands where the Jumblies live;
Their heads are green, and their hands are blue,
And they went to sea in a Sieve.

III

The water it soon came in, it did,
The water it soon came in;
So to keep them dry, they wrapped their feet

In a pinky paper all folded neat,
And they fastened it down with a pin.
And they passed the night in a crockery-jar,
And each of them said, 'How wise we are!
Though the sky be dark, and the voyage be long,
Yet we never can think we were rash or wrong,
While round in our Sieve we spin!'
Far and few, far and few,
Are the lands where the Jumblies live;
Their heads are green, and their hands are blue,
And they went to sea in a Sieve.

IV

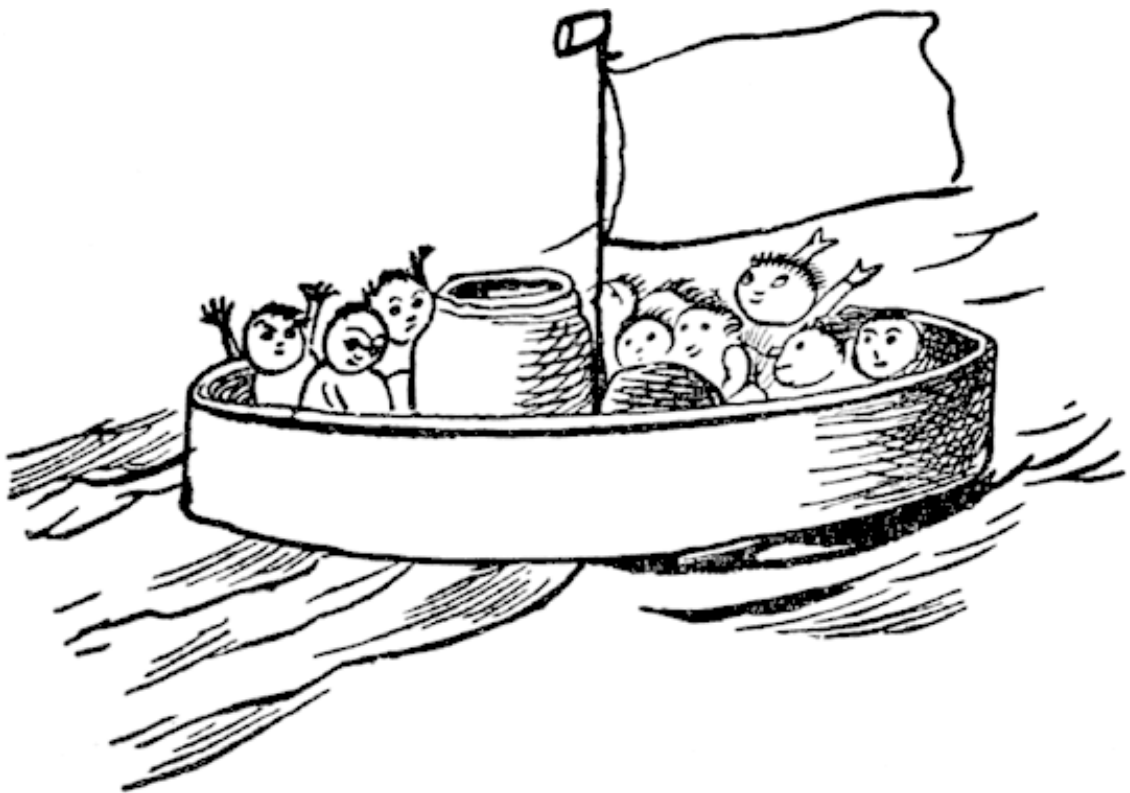
And all night long they sailed away;
And when the sun went down,
They whistled and warbled a moony song
To the echoing sound of a coppery gong,
In the shade of the mountains brown.
'O Timballo! How happy we are,
When we live in a Sieve and a crockery-jar,
And all night long in the moonlight pale,
We sail away with a pea-green sail,
In the shade of the mountains brown!'
Far and few, far and few,
Are the lands where the Jumblies live;
Their heads are green, and their hands are blue,
And they went to sea in a Sieve.

V

They sailed to the Western Sea, they did,
To a land all covered with trees,
And they bought an Owl, and a useful Cart,
And a pound of Rice, and a Cranberry Tart,
And a hive of silvery Bees.
And they bought a Pig, and some green Jack-daws,
And a lovely Monkey with lollipop paws,
And forty bottles of Ring-Bo-Ree,
And no end of Stilton Cheese.
Far and few, far and few,
Are the lands where the Jumblies live;
Their heads are green, and their hands are blue,
And they went to sea in a Sieve.

VI

And in twenty years they all came back,
In twenty years or more,
And everyone said, 'How tall they've grown!
For they've been to the Lakes, and the Terrible Zone,
And the hills of the Chankly Bore.'
And they drank their health, and gave them a feast
Of dumplings made of beautiful yeast;
And everyone said, 'If we only live,
We too will go to sea in a Sieve, —
To the hills of the Chankly Bore!'
Far and few, far and few,
Are the lands where the Jumblies live;
Their heads are green, and their hands are blue,
And they went to sea in a Sieve.

Джамбли

I

Поплыли они в Решете, о да,
В Решете по морским волнам;
И сколь бы друзья ни судили их,
Кинжалящий зимний ветер не стих —
В Решете по морским волнам!
Когда Решето закружила вода,
Вослед им неслоь: «Пропадёте! Куда!»
«Кораблик мал, — моряки в ответ, —
Только нам плевать, нам и горя нет! —
В Решете по морским волнам!»
Есть земля, искони
Джамбли — жители той земли;
Зелены головами, руками сини,
В Решете в синеморе ушли.

II

Уплыли они в Решете, о да,
В Решете быстроплыли они,
И привязанный к трубке табачной платок
Трепетал на ветру, как зелёный листок,
Был он парусу вроде родни.
И каждый, кто их встречал, замечал:
«Не ждёт ли вдали печальный причал?
Небеса темны, и протяжен путь,
И может с лихвою лиха хлебнуть,
Кто плывёт в Решете, как они!»
Есть земля, искони
Джамбли — жители той земли;
Зелены головами, руками сини,
В Решете в синеморе ушли.

III

Проникла вскоре вода, о да,
Проникла туда вода;
Обернув розоватой бумажкой ступни,

Из воды снова вышли сухими они —
Так выходит у них всегда.
И, встречая в кувшине рассветный час,
Говорили: «Да кто же мудрее нас!
Небеса темны, и протяжен путь,
Но в безрассудстве себя упрекнуть
Не могли мы, плывя, никогда!»
Есть земля, искони
Джамбли – жители той земли;
Зелены головами, руками сини,
В Решете в синеморе ушли.

IV

И вот уже сутки они в пути,
И солнца померкли взоры;
И свищут они и поют в унисон
Меланхольную песню под гонговый стон,
И бурые высятся горы.
«О Тимбалло! Счастья достигли вершин!
Мы путь в Решете и кувшине вершим,
И льётся с небес бледно-лунный поток,
И реет на мачте зелёный платок,
И бурые высятся горы!»
Есть земля, искони
Джамбли – жители той земли;
Зелены головами, руками сини,
В Решете в синеморе ушли.

V

И плыли на Запад они, о да,
В страну, где лесистый дол,
И купили Сову, и Портплед для дорог,
И Рису мешок, и Брусничный Пирог,
И улей серебряных Пчёл.
И купили Свинью, и зелёных Сорок,
И Обезьянку с ландринками ног,
И сорок бутылок Вина Ринг-Бо-Ри,
И Сыру Стилтон мешка два-три.
Есть земля, искони
Джамбли – жители той земли;
Зелены головами, руками сини,
В решете в синеморе ушли.

VI

И вернулись они, двадцать лет, считай,
Морской бороздили простор;
И все говорили: «Как подросли!
Достигли Озёр, и Ужосной Земли,
И дальних холмов Чанкли-Бор!»
И пили за них на весёлых пирах,
И ели блины на дрожжах и жирах;
Мечтали: «До светлого дня доживём —
И мы в Решете за моря уплывём,
К далёким холмам Чанкли-Бор!»
Есть земля, искони
Джамбли – жители той земли;
Зелены головами, руками сини,
В Решете в синеморе ушли.

The Nutcrackers and the Sugar-Tongs

I

The Nutcrackers sate by a plate on the table,
The Sugar-tongs sate by a plate at his side;
And the Nutcrackers said, 'Don't you wish we were able
'Along the blue hills and green meadows to ride?
'Must we drag on this stupid existence for ever,
'So idle so weary, so full of remorse, —
'While every one else takes his pleasure, and never
'Seems happy unless he is riding a horse?

II

'Don't you think we could ride without being instructed?
'Without any saddle, or bridle, or spur?
'Our legs are so long, and so aptly constructed,
'I'm sure that an accident could not occur.
'Let us all of a sudden hop down from the table,
'And hustle downstairs, and each jump on a horse!
'Shall we try? Shall we go! Do you think we are able?
The Sugar-tongs answered distinctly, 'Of course!

III

So down the long staircase they hopped in a minute,
The Sugar-tongs snapped, and the Crackers said 'crack!
The stable was open, the horses were in it;
Each took out a pony, and jumped on his back.
The Cat in a fright scrambled out of the doorway,
The Mice tumbled out of a bundle of hay,
The brown and white Rats, and the black ones from Norway,
Screamed out, 'They are taking the horses away!

IV

The whole of the household was filled with amazement,
The Cups and the Saucers danced madly about,

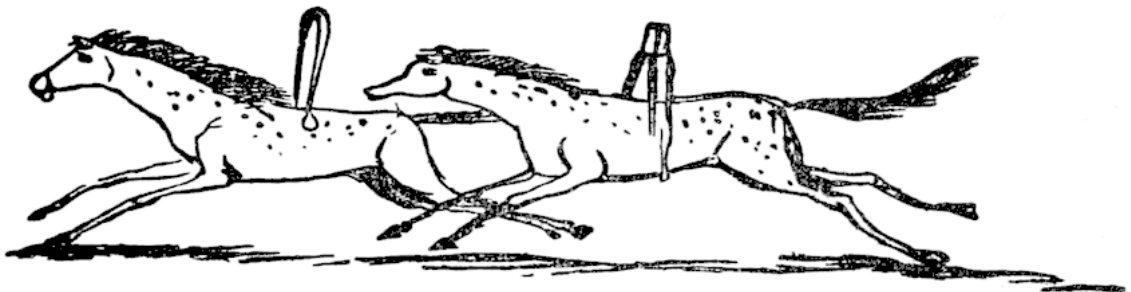
The Plates and the Dishes looked out of the casement,
The Saltcellar stood on his head with a shout,
The Spoons with a clatter looked out of the lattice,
The Mustard-pot climbed up the Gooseberry Pies,
The Soup-ladle peeped through a heap of Veal Patties,
And squeaked with a ladle-like scream of surprise.

V

The Frying-pan said, 'It's an awful delusion!
The Tea-kettle hissed and grew black in the face;
And they all rushed downstairs in the wildest confusion,
To see the great Nutcracker-Sugar-tong race.
And out of the stable, with screamings and laughter,
(Their ponies were cream-coloured, speckled with brown,)
The Nutcrackers first, and the Sugar-tongs after,
Rode all round the yard, and then all round the town.

VI

They rode through the street, and they rode by the station,
They galloped away to the beautiful shore;
In silence they rode, and 'made no observation',
Save this: 'We will never go back any more!
And still you might hear, till they rode out of hearing,
The Sugar-tongs snap, and the Crackers say 'crack!
Till far in the distance their forms disappearing,
They faded away. – And they never came back!

Щипцы для орехов и щипцы для конфет

I

Щипцы для орехов за скучным обедом
Сказали соседям, Конфетным Щипцам:
«Хотите ли, с вами кататься поедом
По синим холмам и зелёным лугам?
Достойно ль влачить эту жизнь безучастно,
Глупее, нелепее день ото дня, —
Когда остальные блаженствуют, часто
Счастливыми кажутся, сев на коня?

II

Неужто нельзя обойтись без инструкций?
Без сёдел, уздечек и звяканья шпор?
Четыре ноги совершенных конструкций
Позволят скакать во весь дух и опор.
Соскочить со стола — и забыть о постылом,
По лестнице вниз, на коня и вперёд!
Рискнём ли? Поедем? Иль нам не по силам?»
Щипцы для конфет отвечали: «Идёт!»

III

По лестнице длинной запрыгали вместе:
Одни — «дзинь да дзинь», а другие — «крях-крях»;
Конюшню открыли — лошадки на месте,
На них взобрались да и вскачь на рысях.
Кошак с перепугу взметнулся и скрылся,
И прыснули Мыши из сенной копны,
Норвежские бурые, чёрные Крысы
Кричали: «Две лошади уведены!»

IV

Друзья и соседи пришли в изумленье,
Все Чашки и Блюдца пошли ходуном,

Тарелки и Блюда в глубоком волнении,
Солонка вскричала и стала вверх дном,
Зазвякали Ложки, смеясь или плача,
Горчичница прыг на Крыжовный Пирог,
Половник глядел сквозь Котлетки Телячьи
И крик удивленья умирить не мог.

V

Кричит Сковородка: «Иллюзия зренья!»
А Чайник шипит и чернеет лицом;
И все устремляются в жутком смятенье
Следить за великою гонкой Щипцов.
А те, не тая восклицаний и смеха
(На двух лошадях бледно-пёстрых мастей),
От стойла шажком друг за дружкой отъехав,
По городу мчались на скорости всей.

VI

Скакали по улице, мимо вокзала,
Галопом по берегу, там и тогда
В безмолвии полном-то и прозвучало:
«Назад не вернёмся уже никогда!»
Ещё долетало Щипцов бормотанье,
Кряхтенью и звяканью было сродни,
Покуда не стёрла фигур очертанья
Далёкая даль. – Не вернулись они!

Calico Pie

I

Calico Pie,
The little Birds fly
Down to the calico tree,
Their wings were blue,
And they sang 'Tilly-loo!
Till away they flew, —
And they never came back to me!
They never came back!
They never came back!
They never came back to me!

II

Calico Jam,
The little Fish swam,
Over the syllabub sea,
He took off his hat,
To the Sole and the Sprat,
And the Willeby-Wat, —
But he never came back to me!
He never came back!
He never came back!
He never came back to me!

III

Calico Ban,
The little Mice ran,
To be ready in time for tea,
Flippity flup,
They drank it all up,
And danced in the cup, —
But they never came back to me!
They never came back!
They never came back!
They never came back to me!

IV

Calico Drum,
The Grasshoppers come,
The Butterfly, Beetle, and Bee,
Over the ground,
Around and around,
With a hop and a bound, —
But they never came back to me!
They never came back!
They never came back!
They never came back to me!

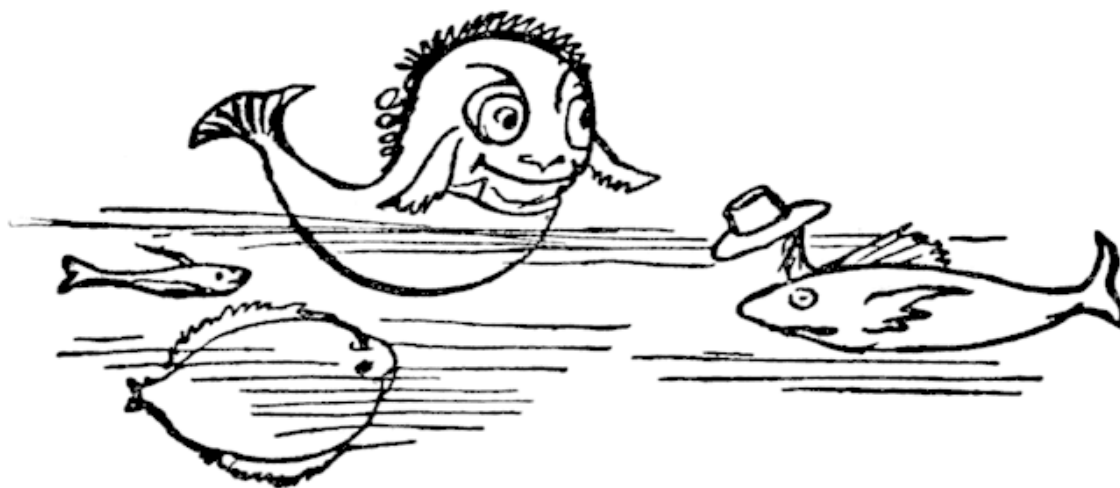
Ситцевый Пай

I

Ситцевый Пай,
Грай Птичьих стай
В синей кружил вышине,
Мелькали крыла,
«Тилли-лу-тилли-ла!» —
Песня вдаль уплыла, —
И они не вернулись ко мне!
Уже никогда,
Уже никогда
Они не вернулись ко мне!

II

Ситцевый Сок,
Плыл Окунёк
По пуншевопенной волне,
Приподняв котелок,
Привечал Окунёк
Всех, кого только мог, —
Но он не вернулся ко мне!
Уже никогда,
Уже никогда
Он не вернулся ко мне!

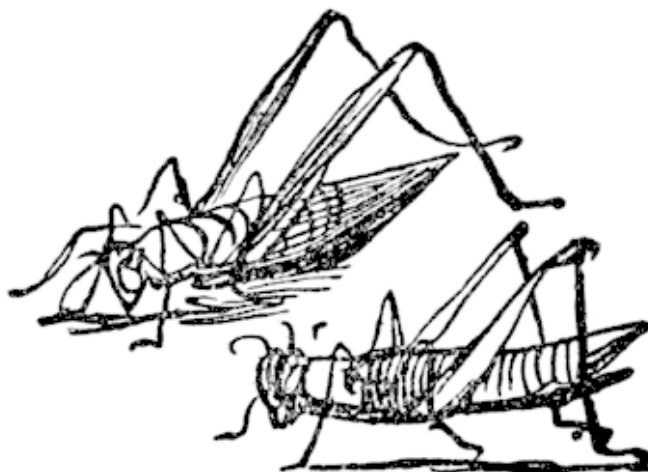

III

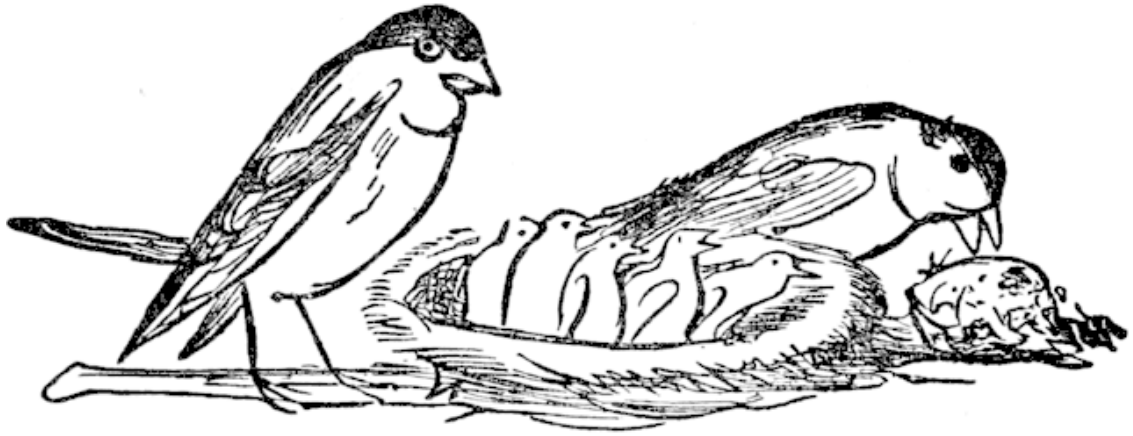
Ситцевый Чад,
Мышата спешат
Чайку похлебать в тишине,
Испили и в миг
В ту чашечку прыг —
Сплясать пару джиг, —
Но они не вернулись ко мне!
Уже никогда,
Уже никогда
Они не вернулись ко мне!

IV

Ситцевый Луг,
Кузнечики, Жук,
И Пчёлка, и Бабочка с ней —
За дружкой дружок,
За кругом кружок,
И за шагом прыжок, —
Но они не вернулись ко мне!
Уже никогда,
Уже никогда
Они не вернулись ко мне!

Mr. and Mrs. Spikky Sparrow

I

On a little piece of wood,
Mr. Spikky Sparrow stood;
Mrs. Sparrow sate close by,
A-making of an insect pie,
For her little children five,
In the nest and all alive,
Singing with a cheerful smile
To amuse them all the while,
Twicky wikky wikky wee,
Wikky bikky twikky tee,
Spikky bikky bee!

II

Mrs. Spikky Sparrow said,
'Spikky, Darling! in my head
'Many thoughts of trouble come,
'Like to flies upon a plum!
'All last night, among the trees,
'I heard you cough, I heard you sneeze;
'And, thought I, it's come to that
'Because he does not wear a hat!
'Chippy wippy sikky tee!
'Bikky wikky tikky mee!
'Spikky chippy wee!

III

'Not that you are growing old,
'But the nights are growing cold.
'No one stays out all night long
'Without a hat: I'm sure it's wrong!
Mr. Spikky said 'How kind,
'Dear! you are, to speak your mind!
'All your life I wish you luck!
'You are! you are! a lovely duck!
'Witchy witchy witchy wee!
'Twitchy witchy witchy bee!
Tikky tikky tee!

IV

'I was also sad, and thinking,
'When one day I saw you winking,
'And I heard you snuffle-snuffle,
'And I saw your feathers ruffle;
'To myself I sadly said,
'She's neuralgia in her head!
'That dear head has nothing on it!
'Ought she not to wear a bonnet?
'Witchy kitchy kitchy wee?
'Spikky wikky mikky bee?
'Chippy wippy chee?

V

'Let us both fly up to town!
'There I'll buy you such a gown!
'Which, completely in the fashion,
'You shall tie a sky-blue sash on.
'And a pair of slippers neat,
'To fit your darling little feet,
'So that you will look and feel,
'Quite galloobious and genteel!
'Jikky wikky bikky see,
'Chicky bikky wikky bee,
'Twikky witchy wee!

VI

So they both to London went,
Alighting on the Monument,
Whence they flew down swiftly – pop,
Into Moses' wholesale shop;
There they bought a hat and bonnet,
And a gown with spots upon it,
A satin sash of Cloxam blue,
And a pair of slippers too.
Zikky wikky mikky bee,
Witchy witchy mitchy kee,
Sikky tikky wee.

VII

Then when so completely drest,
Back they flew and reached their nest.
Their children cried, 'O Ma and Pa!
'How truly beautiful you are!
Said they, 'We trust that cold or pain
'We shall never feel again!
'While, perched on tree, or house, or steeple,
'We now shall look like other people.
'Witchy witchy witchy wee,
'Twikky mikky bikky bee,
Zikky sikky tee.

Мистер и миссис Спикки Спэрроу (Воробей)

I

На сучке в тени ветвей
Мистер Спикки Воробей
С Воробьиhoю своей
Торт готовят из червей —
Пять весёлых Воробьят
В гнёздышке рядом сидят.
Мать с улыбкой во весь рот
Деткам песенку поёт:
«Твикки-викки-викки-ви,
Викки-бикки-твикки-ти,
Спикки-бикки-би!»

II

Вдруг жена: «Мой бедный ум
Нынче полон мрачных дум,
Что слетаются к нему,
Будто мухи на хурму!
Прошлой ночью, средь листвы,
Всё кашляли, чихали вы;
Думала: всё оттого,
Что нету шляпы у него!
Чиппи-виппи-сикки-ти!
Бикки-викки-тиkki-ми!»

Спикки-чиппи-ви!

III

Вам и годы – хоть бы хны,
Только ночи холодны.
Вредно, Спикки, дорогой,
Спать с раскрытой головой!»
Мистер Спикки ей в ответ:
«Добросердней птицы нет!
Я желаю вам добра!
И ни пуха! ни пера!
Виччи-виччи-виччи-ви!
Твиччи-виччи-виччи-би!
Тикки-тикки-ти!

IV

Я и сам терпел страданье,
Видя ваших глаз морганье,
Слыша хлюпанье-сопенье,
Встало дыбом оперенье;
Сердце плакало моё:
Невралгия у неё!
И головке милой зябко!
Ей необходима шляпка?
Виччи-киччи-киччи-ви?
Спикки-викки-микки-би?
Чиппи-виппи-чи?

V

В город надобно слетать нам!
За таким для вас за платьем,
Чтоб его по моде местной
Поясок стянул небесный.
Пару тапочек к тому ж
Любящий добудет муж,
Чтобы выглядеть жене
Франковатою вполне!
Джикки-викки-бикки-си,
Чикки-бикки-викки-би,

Твикки-виччи-ви!»

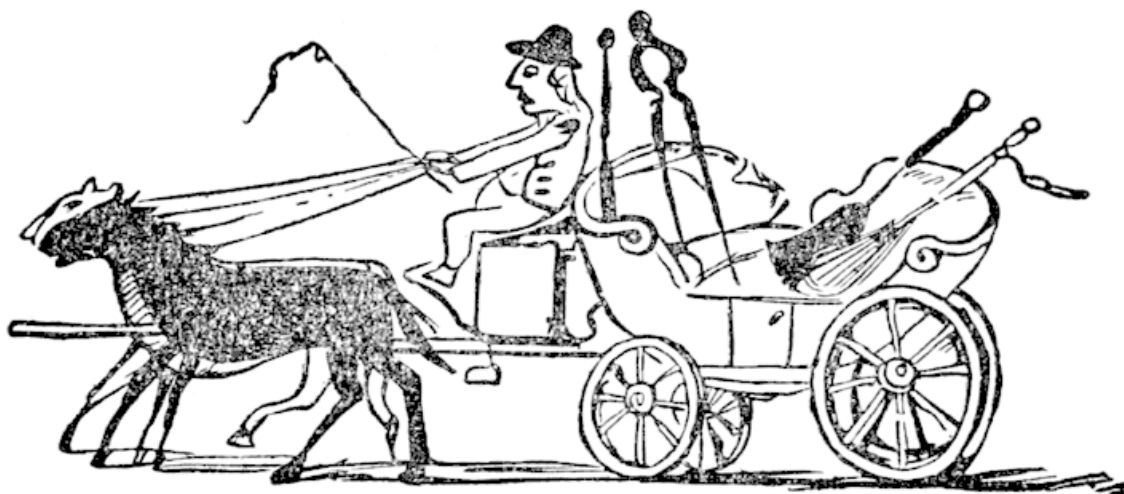
VI

Поднялись в один момент —
В Лондон, там на Монумент
Сели, он такой один,
И скорее в магазин;
Пару шляп нашли хороших,
Платье в меленький горошек,
Атласный синий поясок
И пару тапочек для ног.
Зикки-викки-микки-би,
Виччи-виччи-миччи-ки,
Сикки-тикки-ви.

VII

Разоделись в пух и прах —
И домой на всех парах.
Дети хором: «Па и Ма!
Вы прекрасны без ума!»
А те: «Ни холода, ни боли
Не страшны теперь нам боле.
Мы выглядеть отныне будем
Не хуже, чем другие люди.
Виччи-виччи-виччи-ви,
Твикки-микки-бикки-би,
Зикки-сикки-ти».

The Broom, the Shovel, the Poker and the Tongs

I

The Broom and the Shovel, the Poker and the Tongs,
They all took a drive in the Park,
And they each sang a song, Ding-a-dong, Ding-a-dong,
Before they went back in the dark.
Mr. Poker he sate quite upright in the coach,
Mr. Tongs made a clatter and clash,
Miss Shovel was all dressed in black (with a brooch),
Mrs. Broom was in blue (with a sash).
Ding-a-dong! Ding-a-dong!
And they all sang a song!

II

'O Shovel so lovely! the Poker he sang,
'You have perfectly conquered my heart!
'Ding-a-dong! Ding-a-dong! If you're pleased with my song,
'I will feed you with cold apple tart!
'When you scrape up the coals with a delicate sound,
'You enrapture my life with delight!
'Your nose is so shiny! your head is so round!
'And your shape is so slender and bright!
'Ding-a-dong! Ding-a-dong!
'Ain't you pleased with my song?

III

'Alas! Mrs. Broom! sighed the Tongs in his song,
'O is it because I'm so thin,
'And my legs are so long – Ding-a-dong! Ding-a-dong!
'That you don't care about me a pin?
'Ah! fairest of creatures, when sweeping the room,
'Ah! why don't you heed my complaint!
'Must you need be so cruel, you beautiful Broom,
'Because you are covered with paint?
'Ding-a-dong! Ding-a-dong!
'You are certainly wrong!

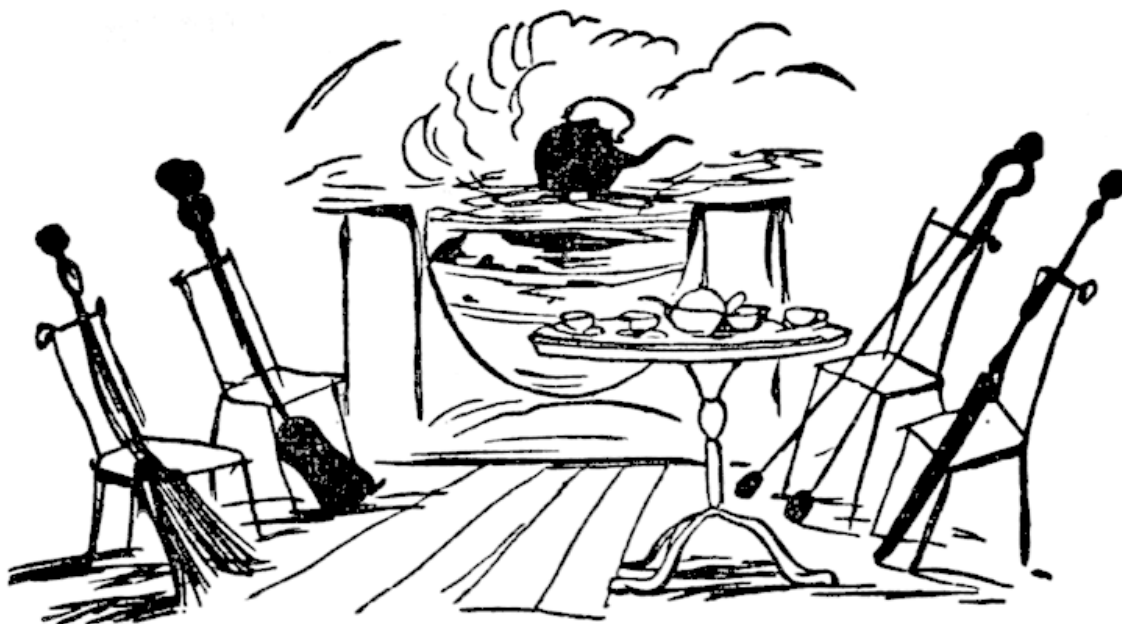
IV

Mrs. Broom and Miss Shovel together they sang,
'What nonsense you're singing today!
Said the Shovel, 'I'll certainly hit you a bang!
Said the Broom, 'And I'll sweep you away!
So the Coachman drove homeward as fast as he could,
Perceiving their anger with pain;
But they put on the kettle and little by little,
They all became happy again.
Ding-a-dong! Ding-a-dong!
There's an end of my song!

Лопата, щипцы, кочерга и метла

I

Лопата, Щипцы, Кочерга и Метла
Поехали на променад.
Распевали в пути: «Динь-динь-дон, ла-ла-ла»,
Лишь в потёмках вернувшись назад.
Господин Кочерёг – строен, прям и пригож,
Мистер Щипц – дребезжал тенорком,
Мисс Лопата – вся в чёрном (изящная брошь),
А Метла – в голубом (с пояском).
Динь-динь-дон, ла-ла-ла!
Песня вольно текла!

II

«Лопатка, о златко, – пропел Кочерёг, —
Заточили вы сердце в острог!
Динь-динь-дон, ла-ла-ла, коли песня мила,
Будем яблочный кушать пирог!
Вы сгребаете угли, поя «ла-ла-ла», —
Жизнь моя восхищенья полна!
Ваш носик сияет, головка кругла,

И фигурка тонка и стройна!
Динь-динь-дон, ла-ла-ла!
Песня вам не мила?»

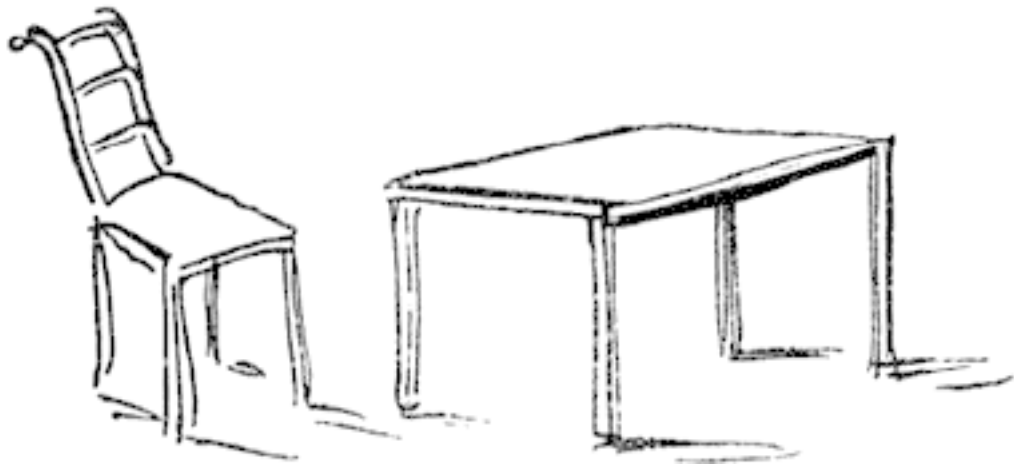
III

Вздыхал мистер Щипц: «Леди, миссис Метла,
Оттого ль, что ужасно я тощ,
Ноги, как вертела – динь-динь-дон, ла-ла-ла! —
Вы меня и не ставите в грош?
Ах, дивная фея, метя пыль и сор,
Ах, как же вы глухи к мольбам!
Оттого ли суров и жесток приговор,
Что бесцветность неведома вам?
Динь-динь-дон, ла-ла-ла!
Вы неправы, Метла!»

IV

Мисс Лопата и миссис Метла пели так:
«Не слышали мы песни глупей!»
И Лопата: «Примите хороший тумак!»
А Метла: «Выметайтесь живей!»
Кучер этаких сцен не видал на веку
И лошадок погнал во весь дух;
Дома, сев к огоньку и хлебнувши чайку,
Как-то все успокоились вдруг.
Динь-динь-дон, ла-ла-ла!
Песня вся утекла!

The Table and the Chair

I

Said the Table to the Chair,
'You can hardly be aware,
'How I suffer from the heat,
'And from chilblains on my feet!
'If we took a little walk,
'We might have a little talk!
'Pray let us take the air!
Said the Table to the Chair.

II

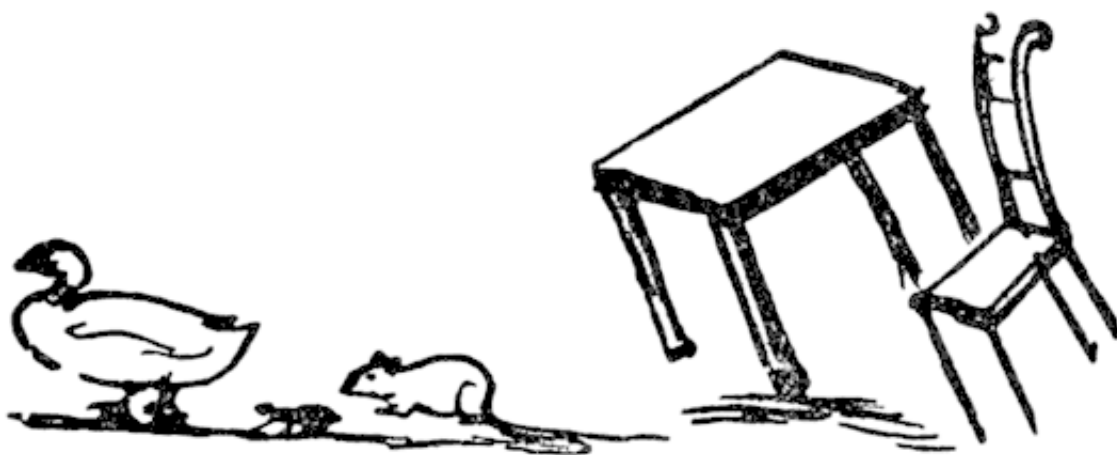
Said the Chair to the table,
'Now you know we are not able!
'How foolishly you talk,
'When you know we cannot walk!
Said the Table with a sigh,
'It can do no harm to try,
'I've as many legs as you,
'Why can't we walk on two?

III

So they both went slowly down,
And walked about the town
With a cheerful bumpy sound,
As they toddled round and round.
And everybody cried,
As they hastened to the side,
'See! the Table and the Chair
'Have come out to take the air!

IV

But in going down an alley,
To a castle in a valley,
They completely lost their way,
And wandered all the day,
Till, to see them safely back,
They paid a Ducky-quack,
And a Beetle, and a Mouse,
Who took them to their house.

V

Then they whispered to each other,
'O delightful little brother!
'What a lovely walk we've taken!
'Let us dine on Beans and Bacon!
So the Ducky and the leetle
Brownny-Mousy and the Beetle
Dined and danced upon their heads
Till they toddled to their beds.

Стол и Стул

I

Стулу Стол признался как-то:
«От тебя не скрою факта:
Исстрадался от жары,
От мороза и хандры!
Вот бы погулять вдвоём,
Поболтать о том о сём!
Ах, пойдём скорей, молю!
И отказа не стерплю».

II

Стул Столу сказал в ответ:
«Знаешь ведь, что ходу нет!
Что же глупость городить:
Не умеем мы ходить!»
Стол, не подавляя вздоха:
«Всё ж попробовать неплохо,
Восемь ножек на двоих —
На двоих пошли своих?»

III

Вниз вразвалочку спустились
И по городу пустились —
Ножек гулкий перестук
Рассыпается вокруг.
Зря процессию такую,
Все бежали врассыпную:
«Ох, и чудные дела —
Мебель из дому ушла!»

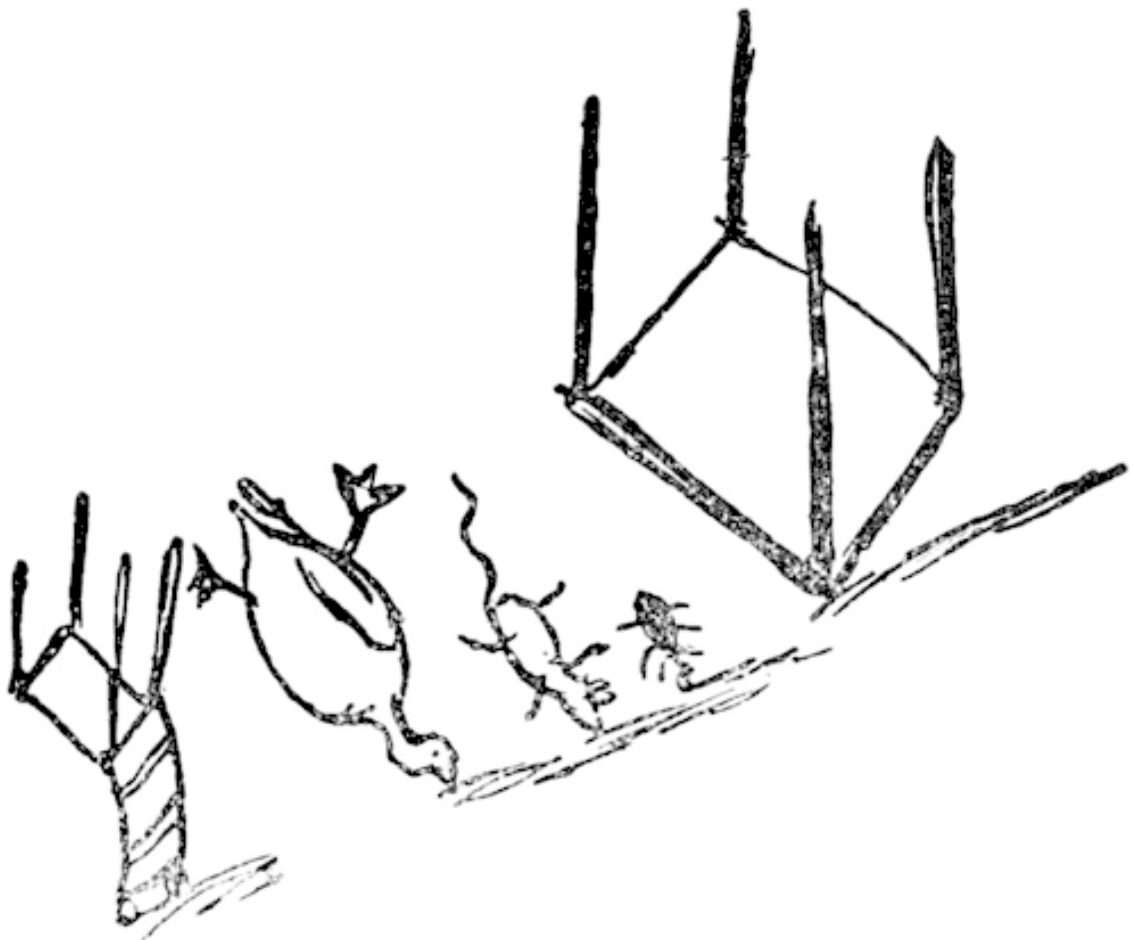
IV

Продвигаясь по аллее
К замку белого белее,

Перепутали пути,
Сутки проплутав почти.
Глядь – навстречу Кря-утёнок,
Жу-жучок и Пи-мышонок,
Те, понятно, не бесплатно,
Отвели друзей обратно.

V

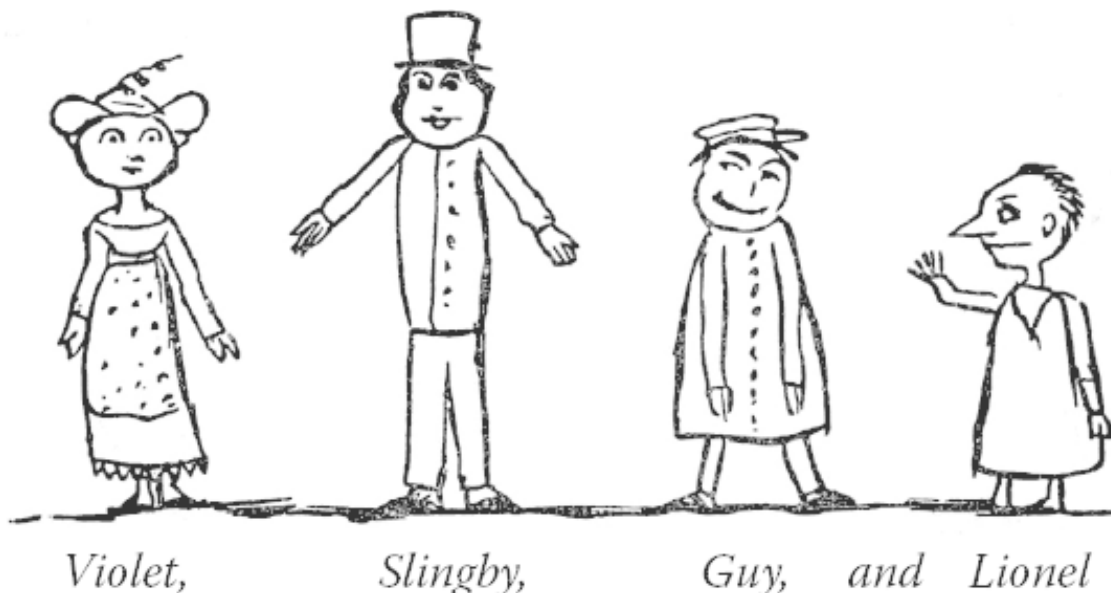
Дома Стол и Стул на ушки
Всё шептали дружка дружке:
«Как я рад, о милый брат!
Был прекрасен променад!»
И обед – бекон с бобами —
Разделив с тремя гостями,
В пляс пошли вниз головой
И в постель – на боковой.

Nonsense Stories Бестолковые истории

The Story of the Four Little Children Who Went Round the World

Once upon a time, a long while ago, there were four little people whose names were Violet, Slingsby, Guy, and Lionel; and they all thought they should like to see the world. So they bought a large boat to sail quite round the world by sea, and then they were to come back on the other side by land. The boat was painted blue with green spots, and the sail was yellow with red stripes; and when they set off, they only took a small Cat to steer and look after the boat, besides an elderly Quangle-Wangle, who had to cook dinner and make the tea; for which purposes they took a large kettle.

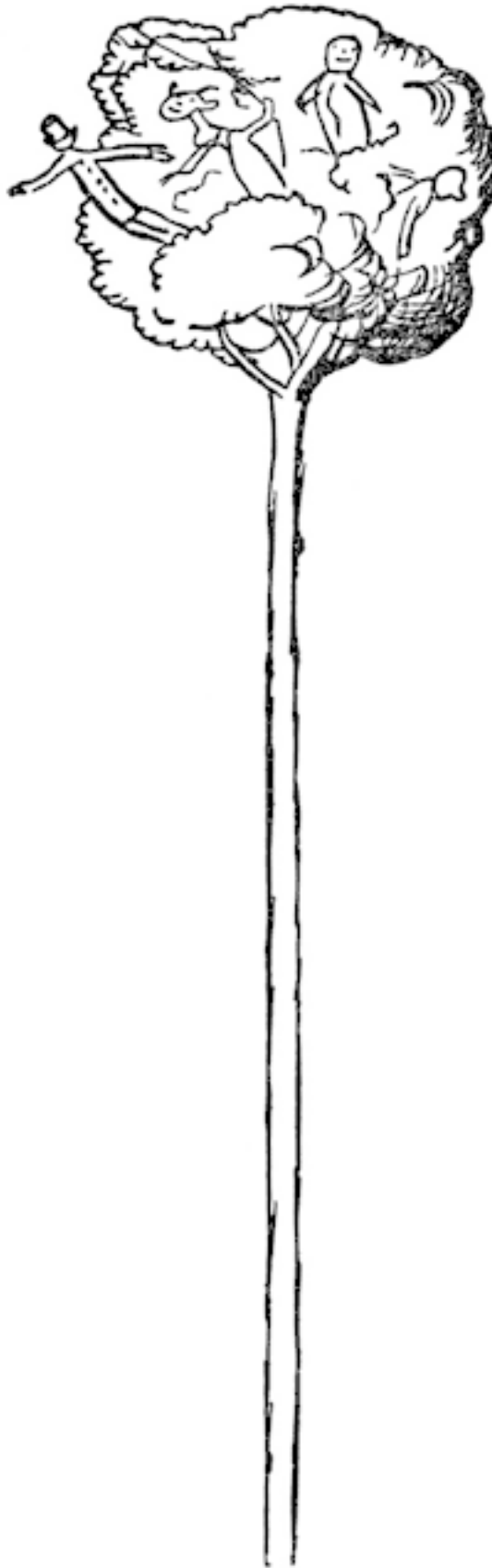
For the first ten days they sailed on beautifully, and found plenty to eat, as there were lots of fish, and they only had to take them out of the sea with a long spoon, when the Quangle-Wangle instantly cooked them, and the Pussy-cat was fed with the bones, with which she expressed herself pleased on the whole, so that all the party were very happy.

During the daytime, Violet chiefly occupied herself in putting salt-water into the churn, while her three brothers churned it violently, in the hope that it would turn into butter, which it seldom, if ever did; and in the evening they all retired into the Tea-kettle, where they all managed to sleep very comfortably, while Pussy and the Quangle-Wangle managed the boat.

After a time they saw some land at a distance; and when they came to it, they found it was an island made of water quite surrounded by earth. Besides that, it was bordered by evanescent isthmusses with a great Gulf-stream running about all over it, so that it was perfectly beautiful, and contained only a single tree, 503 feet high.

When they had landed, they walked about, but found to their great surprise, that the island was quite full of veal-cutlets and chocolate-drops, and nothing else.

So they all climbed up the single high tree to discover, if possible, if there were any people; but having remained on the top of the tree for a week, and not seeing anybody, they naturally concluded that there were no inhabitants, and accordingly when they came down, they loaded the

boat with two thousand veal-cutlets and a million of chocolate drops, and these afforded them sustenance for more than a month, during which time they pursued their voyage with the utmost delight and apathy.

After this they came to a shore where there were no less than sixty-five great red parrots with blue tails, sitting on a rail all of a row, and all fast asleep. And I am sorry to say that the Pussy-cat and the Quangle-Wangle crept softly and bit off the tail-feathers of all the sixty-five parrots, for which Violet reproved them both severely.

Notwithstanding which, she proceeded to insert all the feathers, two hundred and sixty in number, in her bonnet, thereby causing it to have a lovely and glittering appearance, highly prepossessing and efficacious.

The next thing that happened to them was in a narrow part of the sea, which was so entirely full of fishes that the boat could go no further; so they remained there about six weeks, till they had eaten nearly all the fishes, which were Soles, and all ready-cooked and covered with shrimp sauce, so that there was no trouble whatever. And as the few fishes that remained uneaten complained of the cold, as well as of the difficulty they had in getting any sleep on account of the extreme noise made by the Arctic Bears and the Tropical Turnspits which frequented the neighbourhood in great numbers, Violet most amiably knitted a small woollen frock for several of the fishes, and Slingsby administered some opium drops to them, through which kindness they became quite warm and slept soundly.

Then they came to a country which was wholly covered with immense Orange-trees of a vast size, and quite full of fruit. So they all landed, taking with them the Tea-kettle, intending to gather some of the Oranges and place them in it. But while they were busy about this, a most dreadfully high wind rose, and blew out most of the Parrot-tail feathers from Violet's bonnet. That, however, was nothing compared with the calamity of the Oranges falling down on their heads by millions and millions, which thumped and bumped and bumped and thumped them all so seriously that they were obliged to run as hard as they could for their lives, besides that the sound of the Oranges rattling on the Tea-kettle was of the most fearful and amazing nature.

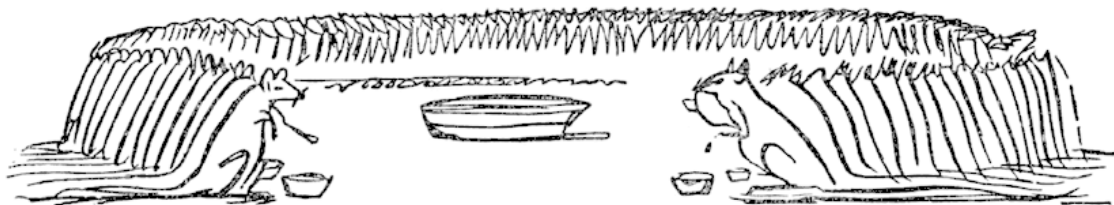

Nevertheless they got safely to the boat, although considerably vexed and hurt; and the Quangle-Wangle's right foot was so knocked about, that he had to sit with his head in his slipper for at least a week.

This event made them all for a time rather melancholy, and perhaps they might never have become less so, had not Lionel with a most praiseworthy devotion and perseverance, continued to stand on one leg and whistle to them in a loud and lively manner, which diverted the whole party so extremely, that they gradually recovered their spirits, and agreed that whenever they should reach home they would subscribe towards a testimonial to Lionel, entirely made of Gingerbread and Raspberries, as an earnest token of their sincere and grateful infection.

After sailing on calmly for several more days, they came to another country, where they were much pleased and surprised to see a countless multitude of white Mice with red eyes, all sitting in a great circle, slowly eating Custard Pudding with the most satisfactory and polite demeanour.

And as the four Travellers were rather hungry, being tired of eating nothing but Soles and Oranges for so long a period, they held a council as to the propriety of asking the Mice for some of their Pudding in a humble and affecting manner, by which they could hardly be otherwise than gratified. It was agreed therefore that Guy should go and ask the Mice, which he immediately did; and the result was that they gave a Walnut-shell only half full of Custard diluted with water. Now, this displeased Guy, who said, 'Out of such a lot of Pudding as you have got, I must say you might have spared a somewhat larger quantity!' But no sooner had he finished speaking than all the Mice

turned round at once, and sneezed at him in an appalling and vindictive manner, (and it is impossible to imagine a more scroobious and unpleasant sound than that caused by the simultaneous sneezing of many millions of angry Mice,) so that Guy rushed back to the boat, having first shied his cap into the middle of the Custard Pudding, by which means he completely spoiled the Mice's dinner.

By-and-by the Four Children came to a country where there were no houses, but only an incredibly innumerable number of large bottles without corks, and of a dazzling and sweetly susceptible blue colour. Each of these blue bottles contained a Blue-Bottle Fly, and all of these interesting animals live continually together in the most copious and rural harmony, nor perhaps in many parts of the world is such perfect and abject happiness to be found. Violet, and Slingsby, and Guy, and Lionel, were greatly struck with this singular and instructive settlement, and having previously asked permission of the Blue-Bottle-Flies (which was most courteously granted), the Boat was drawn up to the shore and they proceeded to make tea in front of the Bottles; but as they had no tea-leaves, they merely placed some pebbles in the hot water, and the Quangle-Wangle played some tunes over it on an Accordion, by which of course tea was made directly, and of the very best quality.

The Four Children then entered into conversation with the Blue-Bottle-Flies, who discoursed in a placid and genteel manner, though with a slightly buzzing accent, chiefly owing to the fact that they each held a small clothes-brush between their teeth which naturally occasioned a fizzy extraneous utterance.

‘Why,’ said Violet, ‘would you kindly inform us, do you reside in bottles? and if in bottles at all, why not rather in green or purple, or indeed in yellow bottles?’

To which questions a very aged Blue-Bottle-Fly answered, ‘We found the bottles here all ready to live in, that is to say, our great-great-great-great-grandfathers did, so we occupied them at once. And when the winter comes on, we turn the bottles upside down, and consequently rarely feel the cold at all, and you know very well that this could not be the case with bottles of any other colour than blue.’

‘Of course it could not;’ said Slingsby, ‘but if we may take the liberty of inquiring, on what do you chiefly subsist?’

‘Mainly on Oyster-patties,’ said the Blue-Bottle-Fly, ‘and, when these are scarce, on Raspberry vinegar and Russian leather boiled down to a jelly.’

‘How delicious!’ said Guy.

To which Lionel added, ‘Huzz!’ and all the Blue-Bottle-Flies said ‘Buzz!’

At this time, an elderly Fly said it was the hour of the Evening-song to be sung; and on a signal being given all the Blue-Bottle-Flies began to buzz at once in a sumptuous and sonorous manner, the melodious and mucilaginous sounds echoing all over the waters, and resounding across the tumultuous tops of the transitory Titmice upon the intervening and verdant mountains, with a serene and sickly suavity only known to the truly virtuous. The Moon was shining slobaciously from the star-besprinkled sky, while her light irrigated the smooth and shiny sides and wings and backs of the Blue-Bottle-Flies with a peculiar and trivial splendour, while all nature cheerfully responded to the cerulaean and conspicuous circumstances.

In many long-after years, the four little Travellers looked back to that evening as one of the happiest in all their lives, and it was already past midnight, when – the Sail of the Boat having been set up by the Quangle-Wangle, the Tea-kettle and Churn placed in their respective positions, and the Pussy-cat stationed at the Helm – the Children each took a last and affectionate farewell of the Blue-Bottle-Flies, who walked down in a body to the water's edge to see the Travellers embark.

As a token of parting respect and esteem, Violet made a curtsy quite down to the ground, and stuck one of her few remaining Parrot-tail feathers into the back hair of the most pleasing of the Blue-Bottle-Flies, while Slingsby, Guy, and Lionel offered them three small boxes, containing respectively, Black Pins, Dried Figs, and Epsom Salts: and thus they left that happy shore for ever.

Overcome by their feelings, the Four little Travellers instantly jumped into the Tea-kettle, and fell fast asleep. But all along the shore for many hours there was distinctly heard a sound of severely suppressed sobs, and of a vague multitude of living creatures using their pocket-handkerchiefs in a subdued simultaneous snuffle – lingering sadly along the walloping waves as the boat sailed farther and farther away from the Land of the Happy Blue-Bottle-Flies.

Nothing particular occurred for some days after these events, except that as the Travellers were passing a low tract of sand, they perceived an unusual and gratifying spectacle, namely, a large number of crabs and crawfish – perhaps six or seven hundred – sitting by the water-side, and endeavouring to disentangle a vast heap of pale pink worsted, which they moistened at intervals with a fluid composed of Lavender-water and White-wine Negus.

‘Can we be of any service to you, O crusty Crabbies?’ said the Four Children.

‘Thank you kindly,’ said the Crabs, consecutively. ‘We are trying to make some worsted Mittens, but do not know how.’

On which Violet, who was perfectly acquainted with the art of mitten-making, said to the Crabs, ‘Do your claws unscrew, or are they fixtures?’

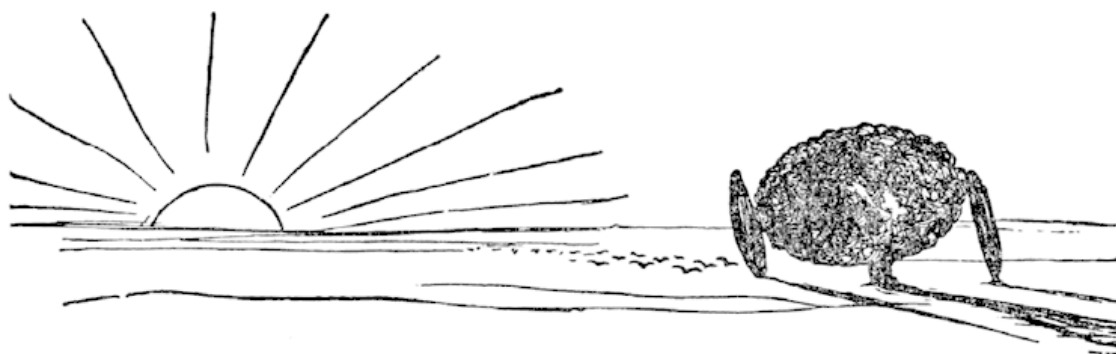
‘They are all made to unscrew,’ said the Crabs, and forthwith they deposited a great pile of claws close to the boat, with which Violet uncombed all the pale pink worsted, and then made the loveliest Mittens with it you can imagine. These the Crabs, having resumed and screwed on their

claws, placed cheerfully upon their wrists, and walked away rapidly on their hind-legs, warbling songs with a silvery voice and in a minor key.

After this the four little people sailed on again till they came to a vast and wide plain of astonishing dimensions, on which nothing whatever could be discovered at first; but as the Travellers walked onward, there appeared in the extreme and dim distance a single object, which on a nearer approach and on an accurately cutaneous inspection, seemed to be somebody in a large white wig sitting on an arm-chair made of Sponge Cakes and Oyster-shells. 'It does not quite look like a human being,' said Violet, doubtfully; nor could they make out what it really was, till the Quangle-Wangle (who had previously been round the world), exclaimed softly in a loud voice, 'It is the Co-operative Cauliflower!'

And so in truth it was, and they soon found that what they had taken for an immense wig was in reality the top of the cauliflower, and that he had no feet at all, being able to walk tolerably well with a fluctuating and graceful movement on a single cabbage stalk, an accomplishment which naturally saved him the expense of stockings and shoes.

Presently, while the whole party from the boat was gazing at him with mingled affection and disgust, he suddenly arose, and in a somewhat plumdomphious manner hurried off towards the setting sun, – his steps supported by two superincumbent confidential cucumbers, and a large number of Waterwagtails proceeding in advance of him by three-and-three in a row – till he finally disappeared on the brink of the western sky in a crystal cloud of sudorific sand.

So remarkable a sight of course impressed the Four Children very deeply; and they returned immediately to their boat with a strong sense of undeveloped asthma and a great appetite.

Shortly after this the Travellers were obliged to sail directly below some high overhanging rocks, from the top of one of which, a particularly odious little boy, dressed in rose-coloured knickerbockers, and with a pewter plate upon his head, threw an enormous Pumpkin at the boat, by which it was instantly upset.

But this upsetting was of no consequence, because all the party knew how to swim very well, and in fact they preferred swimming about till after the moon rose, when the water growing chilly, they sponge-taneously entered the boat. Meanwhile the Quangle-Wangle threw back the Pumpkin with immense force, so that it hit the rocks where the malicious little boy in rose-coloured knickerbockers was sitting, when, being quite full of Lucifer-matches, the Pumpkin exploded surreptitiously into a thousand bits, whereupon the rocks instantly took fire, and the odious little boy became unpleasantly hotter and hotter and hotter, till his knickerbockers were turned quite green, and his nose was burned off.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.